Ц 414/60
В. 1
Песнь о Роланде Сер. 2-я

И 414/60

ЦѢНА 75 КОП.

РУССКАЯ КЛАССНАЯ БИБЛІОТЕКА,

ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

СЕРІЯ **А. Н. Чудинова.** ВТОРАЯ.

КЛАССИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ ИНОСТРАННЫХЪ ЛИТЕРАТУРЪ

ВЪ ПЕРЕВОДАХЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

ВЫПУСКЪ I-й.

ПѢСНЬ О РОЛАНДѢ.

ФРАНЦУЗСКІЙ НАРОДНЫЙ ЭПОСЪ.

ПЕРЕВОДЪ

А. Н. Чудинова.

Текстъ памятника, съ примѣчаніями.—Объяснительныя статьи.

Изданіе 2-е, И. Глазунова.

(Значительно измѣненное и дополненное В. Костылевымъ).

Жонглеръ изъ лат. рукописи XI в. въ Париж. національ. библ.

ПЕТРОГРАДЪ.
ТИПОГРАФІЯ ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ УЛ., № 8.
1917.

Изданія И. Глазунова въ Петроградѣ.
Внутри Гостинаго Двора, № 63.

Русская классная библіотека, издаваемая подъ редакціею А. Н. Чудинова. Пособіе при изученіи русской литературы.

Вып. I. **Слово о полку Игоря.** Текстъ памятника съ примѣчаніями, прозаическій и поэтическій, его переводы, матеріалы для сравнительнаго изученія, объяснительныя статьи и словарь. Изд. 13-е. Петроградъ. 1915. Ц. 30 к.

Вып. II. **Домострой** Сильвестровскаго извода. Текстъ памятника съ примѣчаніями, матеріалы для сравнительнаго изученія [образцы Домостроевъ: Ксенофонта и 3-хъ западно-европейскихъ], объяснительныя статьи и словарь. Изд. 3-е. Петроградъ. 1911. Ц. 45 к.

Вып. III. **Басни русскихъ писателей** въ сравнительномъ изученіи. Текстъ басенъ Крылова, Дмитріева, Хемницера, Измайлова, Сумарокова, В. Майкова, Тредьяковскаго и др., въ пяти группахъ, сравнительно съ русскими народными сказками и пословицами, баснями Эзопа, Лафонтена и др., примѣч., объяснит. статьи. Петроградъ. 1891. Ц. 40 к.

Вып. IV. **Григорій Котошихинъ.** Текстъ сочиненія „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича". гл. I, II и XIII, съ примѣчаніями, исторія памятника, біографія автора. Изд. 2-е. Петроградъ. 1913. Ц. 30 к.

Вып. V. **Баллады В. А. Жуковскаго.** Полное собраніе балладъ, съ примѣчаніями, объяснительныя статьи. Изд. 2-е. Петроградъ. 1907. Ц. 65 к.

Вып. VI. **А. С. Грибоѣдовъ.** Горе отъ ума. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Текстъ комедіи съ примѣчаніями, біографія автора, критич. отзывы Пушкина, Гоголя и Бѣлинскаго. „Мильонъ терзаній", крит. этюдъ И. А. Гончарова. Изд. 3-е. Петроградъ. 1912. Ц. 45 к.

Вып. VII. **Д. И. Фонъ-Визинъ.** Избранныя сочиненія. Недоросль. — Бригадиръ. — Чистосердечныя признанія.—Объяснительныя статьи. Изд. 2-е. Петроградъ. 1909. Ц. 50 к.

Вып. VIII. **Н. М. Карамзинъ.** Ч. I. Повѣсти. — Разсужденія. — Стихотворенія. Изд. 2-е. Петроградъ. 1911. Ц. 55 к.

Вып. IX. **Н. М. Карамзинъ.** Избранныя сочиненія. Часть II. Письма русскаго путешественника, съ примѣчаніями. Изд. 2-е, исправленное. Петроградъ. 1910. Ц. 60 к.

Вып. X. **М. В. Ломоносовъ.** Избранныя сочиненія. Избранныя стихотворенія.—Прозаическія статьи. Матеріалы для изученія его сочиненій. Изд. 2-е. Петроградъ. 1912. Ц. 35 к.

Вып. XI. **Г. Р. Державинъ.** Избранныя сочиненія. Лучшія стихотворенія съ примѣчаніями, объяснительныя статьи. Изд. 2-е. Петроградъ. 1911. Ц. 40 к.

Вып. XII. **Кн. А. Д. Кантемиръ.** Избранныя сатиры. Сатиры I, II и IX, съ примѣчаніями.—Объяснительныя статьи. Изд. 2-е. Петроградъ. 1914. Ц. 40 к.

Вып. XIII. **Былины.** Былины про старшихъ богатырей.—Былины кіевскаго и новгородскаго цикловъ.—Духовные стихи.—Историческія пѣсни. — Восемь объяснительныхъ статей. Изд. 3-е. Петроградъ. 1912. Ц. 50 к.

Вып. XIV. **А. П. Сумароковъ.** Избранныя драматическія произведенія. Хоревъ, траг.—Синавъ и Труворъ, траг.—Опекунъ, ком.—Матеріалы для изученія его произведеній. Изд. 2-е. Петроградъ. 1916. Ц. 60 к.

Вып. XV. **Типы скупого** въ произведеніяхъ литературы русской и иностранныхъ.—Кубышка, ком. Плавта.—Скупой, ком. Мольера.—Плюшкинъ, Гоголя.—Скупой рыцарь, Пушкина. Три характеристики Ѳеофраста.—Русскія пословицы о скупости. Петроградъ. 1893. Ц. 40 к.

Вып. XVI. **Лѣтопись Нестора** со включеніемъ поученія Владиміра Мономаха. Текстъ лѣтописи по Лаврентьевскому списку, съ примѣчаніями. — Поученія Владиміра Мономаха.—Три объяснительныя статьи.—Словарь. Изд. 3-е. Петроградъ. 1912. Ц. 50 к.

Вып. XVII. **Императрица Екатерина II.** Избранныя сочиненія. Начальное ученіе.—Пословицы.—Сказки.—Были и небылицы.—О время! ком.—Объяснительныя статьи. Петроградъ. 1894. Ц. 45 к.

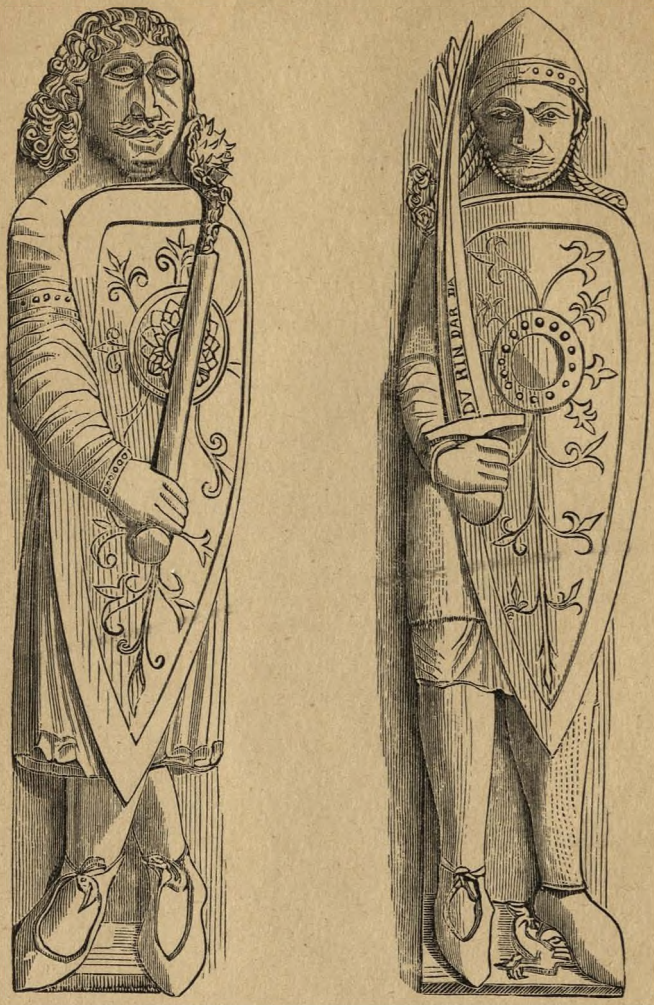
Вып. XVIII. **Русская народная лирика.** Пѣсни обрядовыя.—Пѣсни семейныя.—Пѣсни бытовыя.—Пѣсни удалыя.—Объяснит. статьи. Изд. 2-е. Петроградъ. 1910. Ц. 40 к

Вып. XIX. **Древне-русскія повѣсти и романы.**—Слово о Бовѣ.—Троянскія сказанія.—Девгеніево дѣяніе.—Соломонъ и Китоврасъ.—Повѣсть о Басаргѣ.—Повѣсть о Горѣ-Злосчастьѣ.—Судное дѣло у Леща съ Ершомъ.—Объяснит. статьи. Петроградъ. 1895. Ц. 40 к

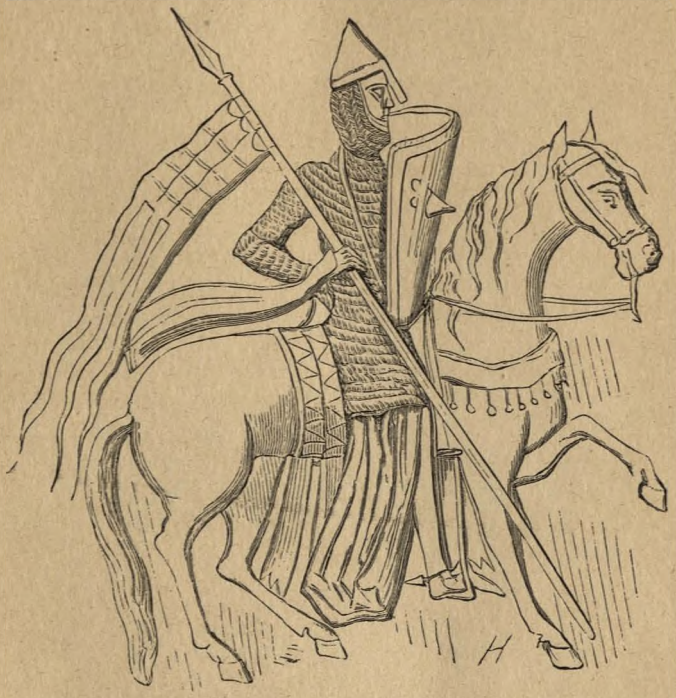
Вып. XX. **М. М. Херасковъ.** (1733—1807). Россіада; поэма въ 12-ти пѣсняхъ Полный текстъ поэмы.—Объяснительныя статьи. Петроградъ. 1895. Ц. 60 к.

Вып. XXI. **И. И. Дмитріевъ.** Избранныя стихотворенія. Лирическія стихотворенія.—Пѣсни.—Сатиры.—Сказки.—Басни.—Апологи.—Объяснит. статьи. Петроградъ. 1896. Ц. 40 к

Вып. XXII. **В. Н. Татищевъ.** (1685 — 1750). Духовная моему сыну. Текстъ Духовной и Увѣщанія. — Содержаніе Разговора о пользѣ наукъ и др. сочиненій. Объяснительныя статьи. Петроградъ. 1896. Ц. 30 к.



Статуи Роланда и Оливьера, находящіяся въ порталѣ Веронскаго собора (XII стол.).



Изображеніе рыцаря XII столѣтія.

(Снимокъ увелич. съ печати Galeran'a, графа де-Мелант. 1165).

ТИП. ГЛАЗУНОВА, ПЕТРОГРАДЪ.

И 414/60

ЦѢНА 75 КОП.

РУССКАЯ КЛАССНАЯ БИБЛІОТЕКА,

ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

СЕРІЯ А. Н. ЧУДИНОВА. ВТОРАЯ.

КЛАССИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ ИНОСТРАННЫХЪ ЛИТЕРАТУРЪ

ВЪ ПЕРЕВОДАХЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

ВЫПУСКЪ I-й.

ПѢСНЬ О РОЛАНДѢ.

ФРАНЦУЗСКІЙ НАРОДНЫЙ ЭПОСЪ.

W 521/314

ПЕРЕВОДЪ

А. Н. ЧУДИНОВА.

Текстъ памятника, съ примѣчаніями.—Объяснительныя статьи.

Изданіе 2-е, И. ГЛАЗУНОВА.

(Значительно измѣненное и дополненное В. Костылевымъ).

Жонглеръ изъ лат. рукописи XV в. въ Париж. націон. библ.

ПЕТРОГРАДЪ.

ТИПОГРАФІЯ ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ УЛ., № 8.

1917.

Госуд ственная
ордена Ле ина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА
33421-47

Петроградъ, дозволено военной цензурой 30 іюня 1916 г.

КНИГА ИМЕЕТ:

Печатн. листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1947 г.
11					2	Ц	346/666	

Предисловіе.

По первоначальному плану, въ составъ „Русской Классной Библіотеки“ должно было войти 50 вып., посвященныхъ избраннымъ произведеніямъ русской и иностранныхъ литературъ. По нѣкоторымъ соображеніямъ, въ настоящее время, это предположеніе нѣсколько измѣнилось. Подъ прежнимъ общимъ заглавіемъ „Русская Классная Библіотека“ нынѣ будетъ выходить рядъ книжекъ, распадающихся на двѣ серіи: первая, которой издано уже 39 вып., будетъ посвящена избраннымъ произведеніямъ отечественной литературы; вторая, первый выпускъ которой, въ настоящее время, предлагается читателямъ, будетъ заключать въ себѣ важнѣйшія произведенія иностранныхъ литературъ въ переводахъ русскихъ писателей. Для помѣщенія во второй серіи будутъ, попреимуществу, избираться произведенія, не имѣющіяся въ дешевыхъ общедоступныхъ изданіяхъ или совсѣмъ неизвѣстныя на русскомъ яз.; менѣе значительныя по объему будутъ напечатаны цѣликомъ, остальныя—въ видѣ наиболѣе характеристическихъ отрывковъ, съ пересказомъ остального содержанія. Самый составъ книжекъ, въ общемъ, будетъ вполнѣ соотвѣтствовать началамъ, принятымъ при составленіи выпусковъ 1-ой серіи и достаточно уже извѣстнымъ нашимъ читателямъ.

Книги второй серіи, равнымъ образомъ, предназначаются для школы и для самообразованія. Цѣль ихъ — посильно содѣйствовать болѣе основательному литератур-

ному образованію и эстетическому развитію нашей молодежи. Нужно-ли доказывать, что какъ то, такъ и другое не можетъ быть достигнуто при желаніи ограничиться изученіемъ отечественной или вообще какой-либо одной литературы. Если даже въ произведеніяхъ народнаго творчества нынѣ положительно доказано существованіе ряда чужеземныхъ заимствованій, образующихъ цѣлыя наслоенія какъ восточнаго, такъ и западнаго происхожденія, то изученіе нашей книжной словесности, различныя направленія которой являются прямымъ отраженіемъ различныхъ теченій общеевропейской литературы, совсѣмъ невозможно безъ предварительнаго знакомства съ важнѣйшими, по крайней мѣрѣ, памятниками послѣдней, въ которыхъ, такъ сказать, кристаллизировались эти направленія. Значеніе псевдо-классицизма, различныхъ стадій романтизма, сентиментализма и пр. въ нашей литературѣ можетъ быть понято надлежащимъ образомъ лишь послѣ прочтенія тѣхъ произведеній западно-европейской литературы, подъ непосредственнымъ вліяніемъ которыхъ возникли и развивались у насъ эти теченія. Съ другой стороны, знакомство съ важнѣйшими памятниками западно-европейскихъ литературъ представляется не менѣе необходимымъ и при толковомъ изученіи исторіи. Памятники міровой поэзіи, въ теченіе ряда вѣковъ служившіе источниками эстетическаго наслажденія для всего образованнаго человѣчества, скажутъ несравненно болѣе уму и сердцу читателя, чѣмъ самыя пространныя толкованія и объясненія учебниковъ исторіи. Картины феодализма, ярко изображенныя въ „Пѣснѣ о Роландѣ“, своеобразная, величественная фигура Сида, доблестнаго Кампеадора (воителя) и, вмѣстѣ, кондотьера, мрачная космогонія Эдды и не менѣе мрачныя похо-

жденія ея героевъ, кровавыя сцены истребленія бургундовъ въ Нибелунгахъ и пр., даютъ, вмѣстѣ, такую живую, образную картину средневѣковья, которую не замѣнятъ никакія описанія и объясненія.

Предлагаемый I-й вып. заключаетъ въ себѣ точный прозаическій переводъ знаменитой французской національной эпопеи „Пѣснь о Роландѣ“, сдѣланный для этого изданія и появляющійся въ печати въ первый разъ. Произведеніе это извѣстно было, до сихъ поръ, въ слѣдующихъ переводахъ: В. Н. Алмазова (стихотворное, весьма свободное изложеніе содержанія), двухъ неизвѣстныхъ переводчиковъ въ Исторіи среднихъ вѣковъ М. М. Стасюлевича и въ Христоматіи Филонова (прозаическіе переводы большей части, но не всей поэмы), Ѳ. И. Буслаева [1]) и О. Петерсонъ [2]) (прозаическіе прекрасные пересказы содержанія). Принявъ въ основаніе текстъ поэмы, редактированный Леономъ Готье и признаваемый лучшимъ, мы старались возможно ближе, строка въ строку, передать подлинникъ въ возможно болѣе точномъ переводѣ. Географическія имена, встрѣчающіяся въ поэмѣ и нерѣдко имѣющія чисто фантастическій характеръ, переданы, согласно объясненіямъ, конъектурамъ и догадкамъ лучшихъ комментаторовъ. Названія различныхъ принадлежностей рыцарскихъ доспѣховъ, оружія и коня, въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ соотвѣтствующихъ русскихъ словъ, переведены болѣе или менѣе подходящими тер-

---

[1]) Русская поэзія. Спб. 1889. [2]) Родникъ 1892 г., т. I; перепечатан. въ I т. соч. О. Петерсонъ и Е. Балобановой. „Западно-европейскій эпосъ и средневѣковой романъ въ пересказахъ и сокращенныхъ переводахъ съ подлинныхъ текстовъ“. Спб. 1896.

минами. Переводчикъ старался передать суровую простоту и краткость подлинника, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ позволяя себѣ, въ интересахъ ясности, прибавить нѣсколько лишнихъ противу подлинника словъ. Что же касается самой формы рѣчи—ритмической съ ассонансами—то мы признали наиболѣе удобною прозаическую передачу, принятую въ большей части переводовъ какъ на современный французскій языкъ, такъ и на языки иностранные. Необходимый комментарій къ тексту помѣщенъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Затѣмъ, въ качествѣ объяснительныхъ статей, напечатаны историко-литературный очеркъ памятника и содержаніе хроники Турпина въ изложеніи Ѳ. И. Буслаева.

Къ книгѣ приложены пояснительные рисунки, заимствованные изъ французскаго изданія Л. Готье.

Предисловіе ко 2-му изданію.

Второе изданіе настоящаго выпуска Русской Классной Библіотеки, редактированное мною, подверглось нижеслѣдующимъ измѣненіямъ: 1) переводъ „Пѣсни о Роландѣ“ покойнаго А. Н. Чудинова существеннымъ образомъ исправленъ во всѣхъ частяхъ Пѣсни, такъ что этотъ переводъ, въ настоящемъ его видѣ, можно считать вполнѣ близкимъ къ подлинному тексту поэмы (редактированному Л. Готье) и передающимъ вѣрно его содержаніе; 2) увеличено число подстрочныхъ примѣчаній, необходимыхъ для пониманія нѣкоторыхъ неясныхъ мѣстъ текста перевода и 3) взамѣнъ объяснительной статьи: Пѣснь о Роландѣ— историко-литературный очеркъ — помѣщены двѣ новыя статьи: Пѣснь о Роландѣ—историко-литературная справка — и Содержаніе поэмы по Оксфордской рукописи (въ переложеніи гр. Ф. де-ла Бартъ).

В. Костылевъ.

Петроградъ.
1916 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

Предисловіе къ I-му изданію III
Предисловіе ко II-му изданію VII
Пѣснь о Роландѣ, 1-я часть 1
» » » 2-я часть 43
» » » 3-я часть 104

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЯ СТАТЬИ.

1. Пѣснь о Роландѣ, историко-литературная справка 162
2. Содержаніе поэмы по Оксфордской рукописи въ переложеніи *гр. Ф. де-ла Бартъ*. 169
3. Хроника Турпина, изъ ст. *Ѳ. И. Буслаева* 172

ПѢСНЬ О РОЛАНДѢ.

Французскій національный эпосъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ИЗМѢНА ГАНЕЛОНА.

Въ Сарагоссѣ. — Совѣтъ, который держалъ король Марсилій.

I.

Король Карлъ [1]), нашъ великій императоръ,
Цѣлыя семь лѣтъ оставался въ Испаніи.
До самаго моря завоевалъ онъ эту высокую страну.
Ни одинъ замокъ не устоялъ передъ нимъ,
Не уцѣлѣло ни города, ни стѣны,
Кромѣ Сарагоссы, стоящей на горѣ.
Владѣетъ ею король Марсилій [2]), который не любитъ Бога,

[1]) Въ моментъ, которымъ начинается описываемое въ Пѣснѣ о Роландѣ дѣйствіе, Карлъ—по словамъ легенды — изображается, какъ владѣтель всей сѣверной Испаніи. Согласно историческимъ свѣдѣніямъ, въ 778 г. Карлъ, дѣйствительно, предпринялъ походъ въ Испанію. Перейдя Пиринеи, онъ овладѣлъ Памплелуной, но передъ Сарагассой, повидимому, потерпѣлъ неудачу и завладѣлъ страной только до Эбро. На возвратномъ пути изъ этой экспедиціи произошла знаменитая Ронсевальская битва.

[2]) Личность, неизвѣстная въ исторіи, но играющая значительную роль въ эпическихъ сказаніяхъ того времени.

Служитъ Магомету и призываетъ Аполлина; [1])
Но бѣдствіе постигнетъ его: ему не спастись! Аоі [2])!

II.

Король Марсилій находился въ Сарагоссѣ.
Пошелъ онъ въ садъ, подъ тѣнь;
Ложится на сине-мраморной площадкѣ.
Вокругъ него болѣе двадцати тысячъ человѣкъ,
Взываетъ онъ и къ своимъ герцогамъ, и къ графамъ [3]):
„Внемлите, синьоры, что за горе удручаетъ насъ:
„Карлъ, императоръ Франціи милой [4]),
„Явился въ эту страну, чтобы разгромить насъ.
„У меня уже нѣтъ войска, чтобы вступить съ нимъ въ бой,
„У меня нѣтъ людей, чтобы его разбить.
„Посовѣтуйте же мнѣ вы, люди опыта,
„И спасите меня отъ смерти и позора".
Ни одинъ язычникъ, ни одинъ не отвѣтилъ ни слова,
Кромѣ Бланкандрина изъ замка Валь-Фонда.

III.

Бланкандринъ межъ язычниковъ былъ однимъ изъ мудрѣйшихъ—
Рыцарь великой доблести,

---

[1]) Авторъ Пѣсни о Роландѣ подобно многимъ своимъ современникамъ воображалъ, что сарацины поклонялись идоламъ, какъ греки и римляне. Богами ихъ по Chansons de geste были: Аполлинъ (Аполлонъ), Магометъ и Тервагантъ.

[2]) Аоі—восклицаніе, оканчивающее каждую строку и, до сихъ поръ, остающееся необъясненнымъ. Ни одно изъ многихъ предложенныхъ толкованій не установилось прочно. По мнѣнію западныхъ ученыхъ, Л. Готье и Г. Пари, аоі служитъ припѣвомъ. При слѣд. строфахъ это восклицаніе не приводится.

[3]) Пѣвцы-поэты того времени, не зная учрежденій мусульманскихъ племенъ, давали имъ политическую организацію христіанскихъ народовъ феодальнаго періода и употребляли названія: герцоговъ (ducs), графовъ (comtes) и бароновъ.

[4]) France dulce—обычный эпитетъ Франціи въ эпическихъ произведеніяхъ.

Добрый совѣтникъ въ помощь своему властелину.
И онъ сказалъ королю: „Не робѣйте.
„Пошлите посольство къ Карлу, этому гордецу и честолюбцу;
„Посулите ему вѣрную службу и великую дружбу.
„Пошлите въ даръ медвѣдей, львовъ и собакъ,
„Семьсотъ верблюдовъ, тысячу соколовъ, уже отлинявшихъ [1]);
„Предложите ему четыреста муловъ, навьюченныхъ золотомъ и серебромъ,
„Сколько можетъ уложиться на пятидесяти повозкахъ.
[„Словомъ, дайте ему столько монетъ чистаго злата,]
„Чтобы король Франціи могъ, наконецъ, расплатиться съ своими воинами.
„Но онъ слишкомъ ужъ долго велъ войну въ этой странѣ,—
„Пора ему вернуться во Францію, въ Ахенъ.
„Вы послѣдуете туда за нимъ—обѣщайте это ему—къ празднику св. Михаила,
„И тамъ, принявъ христіанскую вѣру [2]),
„Станете его ленникомъ, по чести и доброй волѣ.
„Потребуетъ онъ заложниковъ—пошлите ему
„Десять или двадцать, чтобы заручиться его довѣріемъ.
„Пошлемъ ему сыновей нашихъ женъ.
„Я первый отдамъ ему своего, хотя бы на смерть.
„Пусть лучше сложатъ они тамъ свои головы,
„Чѣмъ намъ утратить честь и нашу землю,
„И дойти до нищеты".
[Невѣрные отвѣтствуютъ: „Слѣдуетъ исполнить!"]

IV.

Сказалъ Бланкандринъ: „Десницей моею
„И бородой, что развѣвается на моей груди,

[1]) Линяніе у соколовъ составляло тяжелую болѣзнь, сопровождавшуюся значительной смертностью. Поэтому соколы, уже отлинявшіе, цѣнились дорого.

[2]) Имя св. Михаила и день 16 октября, посвященный его памяти, имѣли важное значеніе, и потому поэтъ часто упоминаетъ это имя.

*

„Клянусь, вы увидите: внезапно французы соберутся
„И уйдутъ въ свою землю, во Францію.
„Когда же каждый изъ нихъ вернется въ свой милый пріютъ,
„Карлъ въ своемъ Ахенскомъ замкѣ
„Устроитъ, на Михайловъ день, большое празднество.
„Настанетъ день, когда пора была бы вернуться вамъ, пройдетъ и срокъ,
„А Карлъ не услышитъ о васъ никакихъ извѣстій.
„Императоръ гордъ, сердце его сурово:
„Онъ повелитъ обезглавить нашихъ заложниковъ.
„Но пусть лучше они потеряютъ тамъ жизнь,
„Чѣмъ намъ утратить свѣтлую, прекрасную Испанію
„И выносить столько страданій и горестей.
„—Такъ тому и быть“, воскликнули невѣрные.

V.

Король Марсилій окончилъ совѣщанье.
Тогда онъ призываетъ Кларина Балагуэрскаго,
Эстрамарина и Эвдропена, пэра своего,
Пріама съ Гварланомъ бородатымъ,
И Махинера съ дядею его Магэемъ,
И Жоймера съ Мальбѣномъ заморскимъ,
И Бланкандрина, чтобы передать имъ свой планъ.
Такъ призвалъ онъ десять изъ самыхъ коварныхъ:
„Синьоры бароны, ступайте, — вы отправитесь къ Карлу Великому,
„Что осаждаетъ нынѣ городъ Кордову.
„Въ рукахъ держите масличныя вѣтви [1]),
„Въ знакъ покорности и мира.
„Если вамъ удастся примирить меня съ Карломъ,
„Я дамъ вамъ вдоволь золота и серебра,
„Земель и владѣній, сколько захотите“.
„Невѣрные молвили: „Сказано справедливо!“

[1]) Масличныя вѣтви—символъ мира у древнихъ.

VI.

Совѣтъ свой окончилъ король Марсилій,
Сказалъ онъ своимъ людямъ: „Синьоры, отправляйтесь;
„Масличныя вѣтви держите въ рукахъ.
„Отъ меня скажите Карлу Великому, королю,
„Что именемъ его Бога я молю сжалиться надо мной.
„Не пройдетъ этотъ первый мѣсяцъ,
„Я послѣдую за нимъ съ тысячею моихъ вѣрныхъ,
„Чтобы принять вѣру Христіанскую,
„И буду служить ему правдой и любовью.
„Если онъ хочетъ заложниковъ, то, конечно, получитъ ихъ".
Сказалъ Бланкандринъ: „Добрый выйдетъ для васъ договоръ."

VII.

Марсилій велѣлъ привести десять бѣлыхъ муловъ,—
Что когда-то прислалъ ему король Сициліи,—
Удила на нихъ изъ золота, сѣдла серебряныя;
Усѣлись на нихъ десять пословъ,
Держа масличныя вѣтви въ рукахъ,
[Въ знакъ покорности и мира],
И явились къ Карлу, властителю Франціи.
Никакъ ему не уберечься: обманутъ они его!

Въ Кордовѣ.—Совѣтъ, который держалъ Карлъ Великій.

VIII.

Императоръ радостенъ и веселъ:
Онъ взялъ Кордову, разгромилъ ея стѣны,
Машинами повергъ ея башни.
Богатая добыча досталась тутъ его рыцарямъ —
Золотомъ, серебромъ, дорогимъ оружіемъ.
Въ городѣ не осталось ни одного язычника,
Что не принялъ бы смерть либо крещеніе.
Императоръ находится въ большомъ саду,

Вмѣстѣ съ нимъ—Роландъ и Оливьеръ [1]),
Герцогъ Самсонъ и гордый Ансеисъ [2]),
Жоффрэй Анжуйскій [3]), знаменоносецъ короля,
Тамъ же Жеренъ и Жерье [4]),
А съ ними и многіе другіе,
[Люди старые и съ бородами,]
Пятнадцать тысячъ рыцарей—все франки изъ Франціи.
На бѣлыхъ коврахъ возсѣдаютъ рыцари
И, для потѣхи, играютъ въ кости;
Болѣе мудрые—старѣйшіе—играютъ въ шахматы [5]),
Легкіе баккалавры [6]) рѣзвятся.
Подъ елью, близъ шиповника,—
Кресло изъ литого золота:
Тамъ сидитъ король, что милой Франціей владѣетъ.
Бѣла его борода, и кудри пышны,
Прекрасенъ станъ, и осанка величава.
Кто спросилъ бы о немъ, узнаетъ самъ, безъ указки.
И послы спѣшились,
Поклонились ему съ почтеніемъ и любовью.

IX.

Бланкандринъ первый заводитъ рѣчь
И говоритъ королю: „Привѣтъ во имя Бога
„Всехвальнаго, Котораго вамъ надлежитъ почитать.
„Такъ возвѣщаетъ вамъ славный король Марсилій:
„Хорошо ознакомившись съ вашей спасительной вѣрой,
„Онъ весьма желаетъ раздѣлить съ вами свои богатства.

---

[1]) Орестъ и Пиладъ французскихъ сказаній, сдѣлавшіеся друзьями послѣ страшнаго поединка, на которомъ они встрѣтились, какъ враги.

[2]) Два пэра изъ числа 12-ти; Самсонъ—герцогъ Бургундскій.

[3]) Историческая личность—Жоффруа Гризъ-Гоннелль † 987 г.

[4]) Пэры.

[5]) Шахматы и кости играютъ большую роль во французскихъ поэмахъ. Это игра знатныхъ.

[6]) Юноши, еще не посвященные въ рыцари.

„Онъ посылаетъ вамъ львовъ, медвѣдей, своры борзыхъ,
„Семьсотъ верблюдовъ, тысячу отличившихъ соколовъ,
„Четыреста муловъ, навьюченныхъ серебромъ и золотомъ,
„Сколько можно уложить на пятидесяти возахъ.
„Вы получите столько монетъ изъ чистѣйшаго золота,
„Что уплатите всѣмъ вашимъ воинамъ.
„Довольно вы побыли въ этой странѣ,
„Вамъ должно возвратиться во Францію, въ Ахенъ.
„Онъ послѣдуетъ за вами, такъ онъ самъ сказалъ,
[„Приметъ тамъ вашъ законъ,
„Сложивъ руки, станетъ вашимъ вассаломъ,
„Отъ васъ приметъ власть надъ Испаніей.“]
Императоръ воздѣлъ тогда руки къ Богу,
Опустилъ голову и сталъ думать.

X.

Императоръ поникъ головой,
Ибо слово его никогда не бывало поспѣшнымъ,
И, по обычаю, говорилъ онъ мѣрно.
Когда же онъ поднялъ голову, лицо его было надменно.
„Ладно молвили вы“,—сказалъ онъ посламъ.
„Но король Марсилій—великій мнѣ недругъ,
„И потому словамъ, вами произнесеннымъ,
„Въ какой мѣрѣ могу я довѣрять?“
„—Мы дадимъ вамъ добрыхъ заложниковъ“, отвѣчалъ сарацинъ;
„Вамъ будетъ ихъ десять, пятнадцать, двадцать.
„Въ числѣ ихъ пойдетъ мой сынъ, хотя бы на смерть,
„И вы получите, я думаю, еще знатнѣйшихъ.
„Когда вы возвратитесь въ свой владѣтельный замокъ,
„Къ великому празднеству на Михайловъ день,
„Мой повелитель—какъ сказано—послѣдуетъ за вами,
Къ источникамъ Ахена, для васъ изведеннымъ Богомъ [1]),

[1]) Намекъ на событіе, совершившееся въ Ахенѣ, согласно легендѣ: чудесное появленіе источниковъ изъ-подъ порога Карлова дворца.

„И тамъ согласится принять христіанство.
Карлъ отвѣчалъ: „Такъ онъ можетъ еще спастись“.

XI.

Прекрасенъ былъ вечеръ, и солнце ясно.
Карлъ повелѣлъ отвести десять муловъ въ конюшни;
Въ большомъ саду приказалъ разбить шатеръ
И въ немъ помѣстилъ десять пословъ;
Двѣнадцать слугъ у нихъ въ услуженіи;
Ночь до разсвѣта они провели тамъ;
Императоръ поднялся рано утромъ;
Обѣдню и утреню отслушалъ король.
Подъ ель отправился король,
Призвалъ своихъ бароновъ держать съ ними совѣтъ:
Онъ хочетъ дѣйствовать лишь заодно съ французами.

XII.

Императоръ идетъ подъ ель,
Зоветъ онъ своихъ бароновъ къ себѣ на совѣтъ;
Тутъ—герцогъ Ожье, архіепископъ Турпинъ [1]),
Ричардъ Старый и племянникъ его Генрихъ [2]),
Храбрый Аселинъ, гасконскій графъ,
Тебальдъ Реймскій съ двоюроднымъ братомъ Милономъ.
Жерье и Женренъ тоже здѣсь,
Съ ними пришелъ и графъ Роландъ,
И благородный и храбрый Оливьеръ.
Тутъ собралось болѣе тысячи франковъ изъ Франціи.
Явился сюда и Ганелонъ, совершившій измѣну.
И начался, не къ добру, этотъ злополучный совѣтъ.

---

[1]) Ожье, сынъ датскаго короля Жоффруа, одинъ изъ знаменитѣйшихъ героевъ французской народной эпопеи. Имя Турпина, архіепископа въ Реймсѣ, встрѣчается въ исторіи (756 г.),—но здѣсь другое, скорѣе всего вымышленное лицо, замѣчательный типъ феодальнаго клерика-воина.

[2]) Ричардъ I, герцогъ Нормандіи, прозванный Старымъ или Безъ Страха († 996).

XIII.

„Синьоры бароны“,—сказалъ императоръ Карлъ,—
„Король Марсилій прислалъ мнѣ своихъ пословъ.
„Онъ сулитъ мнѣ дать премного своихъ богатствъ:
„Медвѣдей, львовъ, своры борзыхъ,
„Семьсотъ верблюдовъ, тысячу соколовъ отлинявшихъ,
„Четыреста муловъ, навьюченныхъ арабскимъ золотомъ,
„Болѣе пятидесяти нагруженныхъ телѣгъ.
„Но онъ мнѣ велитъ возвратиться во Францію.
„Онъ прослѣдуетъ въ Ахенъ, въ мой замокъ,
„Чтобы принять тамъ нашу вѣру спасительную.
„Онъ станетъ христіаниномъ и отъ меня приметъ свои владѣнья.
„Но таково ли его намѣреніе—не знаю“.
Французы говорятъ: „Намъ слѣдуетъ быть насторожѣ!“

XIV.

Императоръ окончилъ свою рѣчь.
Графъ Роландъ, вовсе не согласный съ нимъ,
Поднимается и, стоя, возражаетъ ему;
Говоритъ онъ королю: „Повѣрить Марсилію было бы на горе.
„Вотъ уже цѣлыхъ семь лѣтъ на исходѣ, какъ мы вступили въ Испанію.
„Я вамъ завоевалъ Нобль и Коммибль [1]);
„Взялъ Вальтіерру и землю Пина,
„Да Балагуэру, Тюделу и Севилью [2]).
„Король же Марсилъ всегда отличался коварствомъ:
„Вѣдь онъ послалъ къ вамъ пятнадцать своихъ язычниковъ,
„Каждый несъ масличную вѣтвь,

---

[1]) Comtibles — городъ въ Испаніи, принадлежавшій язычникамъ. — Нобль—городъ въ Испаніи, взятый Роландомъ.

[2]) Вальтіерра — городъ въ Испаніи, Пина—городъ къ ю.-з. отъ Сарагоссы, Балагуэра—городъ въ Каталоніи, Тюдела—въ Наваррѣ, на границѣ съ Арагоніей; Севилью поэтъ представлялъ себѣ, очевидно, на сѣверѣ Испаніи.

„И держали они вамъ ту же рѣчь.
„Вы также совѣщались тогда съ французами,—
„Тѣ одобрили васъ, по легкомыслію.
„Вы отправили къ язычникамъ двухъ своихъ графовъ:
„Одинъ изъ нихъ былъ Базанъ, другой—Базилій [1]).
„Ихъ обезглавили подъ Галтойской горой.
„Ведите войну, какъ вы начали;
„Пошлите вашу армію на Сарагоссу;
„Осаждайте городъ хоть всю свою жизнь,
„И отмстите за умерщвленныхъ вѣроломнымъ Марсиліемъ".

XV.

Императоръ поникъ головой.
Онъ треплетъ бороду и дергаетъ усъ;
Племяннику не отвѣтилъ—ни худо, ни ладно.
Всѣ французы молчатъ,—не молчитъ лишь Ганелонъ.
Онъ встаетъ, выступаетъ предъ Карломъ
И горделиво начинаетъ такую рѣчь: говоритъ королю:
„Вы были бы неправы, повѣривъ безумцамъ,—
„Другимъ или же мнѣ,—если вамъ невыгодно.
„Если король Марсилій объявилъ вамъ,
„Что готовъ, сложа руки, стать вашимъ вассаломъ
„И получить всю Испанію изъ вашихъ рукъ,
„А также принять нашу вѣру,—
„Всякій, кто посовѣтуетъ отвергнуть такія предложенія,
„Мало помышляетъ о томъ, какая ждетъ насъ смерть.
„Совѣтомъ гордыни не должно увлекаться теперь.
„Оставимъ безумцевъ и будемъ держаться мудрыхъ."

XVI.

Тогда, въ свой чередъ, выступилъ Нэмонъ [2])
[Бѣла его борода и кудри сѣды;]

[1]) Подробное описаніе этого происшествія находится въ поэмѣ начала XIV в.: „Prise de Pampelune".

[2]) Нэмонъ, сынъ баварскаго короля, которому Карлъ помогъ возвратить себѣ престолъ, отнятый узурпаторомъ. Это — Несторъ франц. эпическихъ пѣсенъ, старикъ осторожный и разумный.

При дворѣ нѣтъ лучше вассала.
И сказалъ онъ королю: „Слышали ли вы,
„Что отвѣтилъ вамъ графъ Ганелонъ.
„Разумный совѣтъ—его бы послушать!
„Король Марсилій побѣжденъ въ войнѣ.
„Вы отняли у него всѣ его замки,
„Стѣнобитныя машины ваши разгромили всѣ его стѣны;
„Города его выжжены вами, воины разбиты.
„Если онъ проситъ васъ о пощадѣ,
„Грѣшно было бы требовать большаго;
„Къ тому же онъ предлагаетъ вамъ, въ обезпеченіе, заложниковъ.
Пошлите жъ къ нему одного изъ бароновъ,—
„Не нужно затягивать дольше эту великую войну.“
Французы молвили: „Хорошо сказалъ герцогъ!“

XVII.

„Синьоры бароны, кого мы можемъ послать
„Въ Сарагоссу къ королю Марсилію?“
Отвѣчаетъ герцогъ Нэмонъ: „Я пойду, если вамъ угодно;
„Дайте мнѣ тотчасъ перчатку и жезлъ“ [1]).
„—Нѣтъ,“—отвѣтилъ король,—„вы—человѣкъ смышленый,
„Клянусь этой бородой и усами,
„Вы не уйдете нынѣ такъ далеко отъ меня.
„Садитесь, когда васъ никто не вызываетъ“.

XVIII.

„Синьоры бароны, кого мы можемъ послать
„Къ сарацину, что царствуетъ въ Сарагоссѣ?“
Отвѣчаетъ Роландъ: „Я могъ бы отлично пойти туда.“
„Вы, конечно, не сдѣлаете того“,—сказалъ графъ Оливьеръ:

---

[1]) „Назначеніе посла, какъ и вообще облаченіе въ какое-нибудь право, инвеститура, — была совершаема врученіемъ назначаемому перчатки и жезла, т.-е. какъ бы руки и скипетра“. Буслаевъ. Народная поэзія, 289 стр.

„Ваша храбрость такъ пылка и заносчива,
„Что я опасался бы бѣды.
„Если угодно королю, я пошелъ бы охотно".
[Императоръ поникъ главой.]
„Сказалъ онъ имъ: „замолчите вы оба:
„Ни тотъ, ни другой не ступитъ туда ногою.
„Клянусь этой бѣлѣющей бородой,
„Никто изъ двѣнадцати пэровъ [1]) не будетъ назначенъ".
Французы умолкли, затихли.

XIX.

Турпинъ Реймскій выступилъ изъ ряда
[Громкимъ и зычнымъ голосомъ крикнулъ Карлу:]
„О славный государь [2]), дайте миръ вашимъ франкамъ.
„Вы уже семь лѣтъ въ этой странѣ,
„И много имъ было трудовъ и горя.
„Пожалуйте мнѣ, государь, жезлъ и перчатку,
„И я отправлюсь къ испанскому сарацину,
„Да поговорю съ нимъ по-своему."
Императоръ, въ гнѣвѣ, отвѣтилъ ему:
„Ступайте, садитесь на этотъ бѣлый коверъ,
„Не дерзайте говорить, пока я не прикажу вамъ."

XX.

„Рыцари франкскіе,"—сказалъ императоръ Карлъ,—
„Изберите барона изъ моихъ владѣній,
„Который отнесъ бы Марсилію мое посланье
[„И, въ случаѣ надобности, могъ бы сразиться, какъ должно."]
Тогда сказалъ Роландъ: „Пусть идетъ Ганелонъ, мой вотчимъ;

---

[1]) Происхожденіе 12-ти пэровъ объясняется различно. Одни видятъ въ нихъ слѣды германскаго вліянія и отождествляютъ съ „12-ю соратниками", другіе объясняютъ вліяніемъ христіанства и ссылаются на 12 апостоловъ. Вотъ имена 12 пэровъ Карла Великаго: Роландъ, Оливьеръ, Жеренъ, Жерье, Беранжье, Отонъ, Самсонъ, Анжелье, Ивонъ, Иворій, Ансеисъ и Жираръ.

[2]) Bels sire reis.

„Оставивъ его здѣсь, вамъ не найти лучшаго“. [1])
Французы воскликнули:—„Онъ справится отлично,
[„И, если позволитъ король, правильно будетъ пойти ему.“]

XXI.

И сказалъ король: „Ганелонъ, подойдите
„И примите жезлъ и перчатку.
„Вы слышали: васъ назначили франки“.
„Государь,“—сказалъ Ганелонъ: „все это надѣлалъ Роландъ;
„Нелюбъ онъ мнѣ будетъ всю жизнь,
И Оливьеръ также, ибо онъ—другъ ему,
„И двѣнадцать пэровъ [2]), ибо они его любятъ.
„Ненавижу ихъ всѣхъ за то, и говорю это предъ вами“.
И сказалъ король: „Вы слишкомъ гнѣвны.
„Вы отправитесь, коли я повелѣлъ“.
—„Я поѣду, но не сдобровать мнѣ,
„Какъ нѣкогда Базилію и его брату Базану!“

XXII.

„Вижу, что мнѣ не миновать итти въ Сарагоссу;
„Кто побывалъ тамъ, назадъ не возвращался.
„Не забудьте особливо, что ваша сестра—жена мнѣ;
„У меня сынъ—прекраснѣе его не бывало;
„Это Балдуинъ,—если выживетъ, будетъ онъ витязь.
„Ему завѣщаю мои земли и лены,
„Берегите его, ибо глаза мои уже не увидятъ его.“
Карлъ отвѣчалъ: „Сердце ваше слишкомъ нѣжно.
„Коль я повелѣваю—нужно ѣхать.“

XXIII.

И графъ Ганелонъ весь подавленъ тоскою.
Онъ сбрасываетъ съ плечъ большой куній мѣхъ

[1]) Въ Хроникѣ Турпина Роландъ не при чемъ въ этомъ выборѣ; ненависть Ганелона не мотивирована; измѣна—вслѣдствіе подкупа.

[2]) Пэры — представители особаго учрежденія, члены котораго связаны товариществомъ.

И остается въ одномъ шелковомъ кафтанѣ [1]).
Глаза его горятъ, и чело надменно;
Онъ величественъ станомъ и широкъ въ плечахъ,
Онъ такъ прекрасенъ—имъ не налюбуются его пэры.
Молвитъ Роланду: „Безумецъ, за что эта ярость?
„Всѣмъ извѣстно, что я твой вотчимъ,
„Такъ меня ты и обрекъ итти къ Марсилію!
„Если Богомъ суждено мнѣ вернуться оттуда,
„Я навлеку на тебя такую печаль и горе,
„Что продлятся они всю жизнь.“
Роландъ отвѣчаетъ: „Гордость и безуміе!
„Всѣ хорошо знаютъ, что я не боюсь угрозъ.
„Но исполнить посольство долженъ ловкій человѣкъ:
„Если король соизволитъ, я готовъ пойти вмѣсто васъ.“

XXIV.

Ганелонъ отвѣтилъ: „Ты не пойдешь вмѣсто меня.
„Ты не мой вассалъ, и я тебѣ не господинъ.
„Карлъ призываетъ меня къ службѣ,
„И я пойду въ Сарагоссу, къ Марсилію.
„Но ужъ тамъ я надѣлаю чего-нибудь,
„Чтобы поразсѣять свой великій гнѣвъ.“
Услахавъ его рѣчи, Роландъ сталъ смѣяться.

XXV.

Когда Ганелонъ увидалъ, что Роландъ смѣется надъ нимъ,
Имъ овладѣла такая скорбь, что онъ чуть не умеръ отъ гнѣва.
Онъ едва не лишился чувствъ.
„Я не люблю васъ,“ сказалъ онъ графу:
„Вы навлекли на меня этотъ несправедливый выборъ.

---

[1]) Bliaut—одежда, надѣвавшаяся, въ военное время, подъ кольчугой, а въ мирное—подъ мѣховымъ плащемъ. Она обыкновенно изготовлялась изъ бѣлой камки, обшитой по краямъ другой тканой шелковой матеріей фіолетоваго цвѣта.

„Праведный императоръ, я передъ вами
„И готовъ исполнить повелѣніе ваше.“

XXVI. [1])

[„Сиръ Ганелонъ“,—сказалъ Карлъ,—„внемлите:
„Вы скажете отъ меня Марсилію,
„Чтобы сталъ онъ, сложивъ руки, моимъ вассаломъ,
„И готовился принять святое крещеніе.
„Я намѣренъ дать ему въ ленъ половину Испаніи;
„Другую же половину—Роланду барону.
„Если жъ онъ не захочетъ подчиниться,
„Я устрою осаду Сарагоссы,
„Онъ же будетъ взятъ насильно и связанъ,
„Прямо отведенъ въ Ахенъ, стольный городъ;
„Приговоръ прекратитъ его жизнь,
„И онъ умретъ въ горѣ и униженіи.
„Возьмите же это письмо за моей печатью
„И передайте язычнику въ правую руку.“]

XXVII.

Императоръ протянулъ ему перчатку съ правой руки;
Но Ганелону хотѣлось бы не быть тутъ вовсе.
Когда онъ намѣревался взять ее, перчатка упала на землю.
„Боже! воскликнули французы, что-то будетъ?
„Это посольство причинитъ намъ великое несчастье!“
—„Синьоры“, сказалъ Ганелонъ, „вамъ о немъ будутъ вѣсти!“

XXVIII.

„Государь!“—сказалъ Ганелонъ: „отпустите меня;
„Если ужъ нужно ѣхать, то мнѣ нечего медлить“.—

---

[1]) XXVI строфы нѣтъ въ Оксфордской рукописи, принятой въ основаніе настоящаго текста, редактированнаго Л. Готье, который позаимствовалъ эти строки изъ венеціанской рукописи и позднѣйшихъ версій. Поэтому стихи этой строфы, какъ это принято и въ другихъ мѣстахъ, въ подобныхъ случаяхъ, оставлены ненумерованными и заключены въ скобкахъ.

—„Поѣзжайте“,—сказалъ король,—„во славу Божію и мою!“
И правой рукою онъ отпустилъ его и перекрестилъ;
Затѣмъ онъ подалъ ему жезлъ и письмо.

XXIX.

Графъ Ганелонъ идетъ къ себѣ домой
И, осмотрѣвъ свое оружіе,
Отбираетъ лучшее, что только могъ найти;
Золотыя шпоры прикрѣпляетъ къ ногамъ,
У бедра повязываетъ свой мечъ Мюрглейсъ [1])
И садится на ратнаго коня своего Ташбрёна.
Дядя его Гвинмеръ придержалъ ему стремя.
Сколько рыцарей плачущихъ увидали бы вы тамъ!
Всѣ сказали ему: „О баронъ, что вамъ за несчастье!
„Такъ давно уже вы при дворѣ короля,
„И всѣ васъ признаютъ благороднѣйшимъ вассаломъ.
„Того же, кто присудилъ вамъ ѣхать,
„Самъ Карлъ Великій не сможетъ защитить.
Графу Роланду не должно бы объ этомъ и помыслить,
„Ибо вы въ столь близкомъ родствѣ!“
Затѣмъ сказали: „Сиръ, возьмите насъ съ собою!“
—„Боже упаси!“ отвѣчалъ Ганелонъ:
„Лучше умереть одному, чѣмъ столькимъ добрымъ воинамъ.
„Вы, синьоры, возвращайтесь въ милую Францію.
„Поклонитесь отъ меня моей женѣ
„И Пинабелю, моему другу и пэру,
„И моему сыну Балдуину, извѣстному вамъ.
„Помогайте ему и чтите, какъ своего господина.“
И пускается Ганелонъ въ путь-дорогу.

[1]) Мечъ — излюбленное оружіе витязей старо-французскаго эпоса. Онъ является какъ бы живымъ существомъ. Ему даются особыя названія: Мюрглейсъ—мечъ Ганелона, Дюрандаль—Роланда, Альтклеръ—Оливьера и т. д. Мечъ состоялъ изъ длиннаго, широкаго и плоскаго клинка, украшеннаго посрединѣ желобкомъ. Рукоять его состояла изъ дужекъ (которыя часто покрывались золотомъ), короткой трубки и широкой массивной головки изъ хрусталя или золота.

Посольство и преступленіе Ганелона.

XXX.

Ганелонъ ѣдетъ верхомъ подъ тѣнью масличныхъ деревъ.
Онъ догналъ сарацинскихъ пословъ;
Вотъ Бланкандринъ ради него замедлилъ ходъ.
Оба вступаютъ въ бесѣду, оба въ ней искусны:
„Странный Карлъ человѣкъ!“ воскликнулъ Бланкандринъ.
„Онъ завоевалъ Апулію и Калабрію,
[„Константинополь и обширную Саксонію,]
„Ради Англіи переплылъ онъ соленое море
„И учедилъ лепту святого Петра [1]),—
„Къ чему же преслѣдуетъ онъ насъ на нашей землѣ?“
Ганелонъ отвѣчаетъ: „На то его воля,
„И никогда не сможетъ никто ему противостать!“

XXXI.

Говоритъ Бланкандринъ: „Доблестный народъ—французы!
„Но ваши графы и герцоги весьма вредятъ
„Своему повелителю, давая ему такой совѣтъ:
„Его и другихъ лишь смущаютъ и губятъ.“
Ганелонъ отвѣчаетъ: „По истинѣ никого такого не знаю,
„Кромѣ развѣ Роланда, да и тому еще будетъ позоръ.
„Намедни еще, императоръ сидѣлъ подъ тѣнью дерева;
„Племянникъ является передъ нимъ, одѣтый въ панцырь—
„Онъ только что взялъ Каркассону.
„Въ рукѣ онъ держалъ румяное яблоко:
„Вотъ, государь,“—сказалъ онъ своему дядѣ,—
„Вотъ короны всѣхъ королей я повергаю къ вашимъ ногамъ.
„Должно бы смирить такую гордыню.

---

[1]) На самомъ дѣлѣ, основаніе т. н. лепты св. Петра (налога въ пользу св. престола)—дѣло современника Карла В., короля Мерсіи, Оффы († 796).

„Ежедневно онъ играетъ со смертью.
„Хоть бы убилъ его кто-нибудь: всѣмъ тогда будетъ покой.“

XXXII.

Сказалъ Бланкандринъ: „Грозенъ Роландъ,
„Коли хочетъ покорить всѣ народы
„И подчинить своей власти всѣ земли!
„Но, чтобы выполнить это, на кого онъ разсчитываетъ?“
—„Отвѣчаетъ Ганелонъ: „На французовъ!“
„Они такъ ему преданы, что въ нихъ недостатка не будетъ.
„Онъ столько имъ даритъ золота и серебра,
„Муловъ и ратныхъ коней, шелковыхъ тканей и оружія;
„Императоръ всѣмъ обязанъ его доблести.
„Онъ все завоюетъ отсюда до Востока.“

XXXIII.

[Сарацинъ взглянулъ на Ганелона;
Хорошъ онъ станомъ, а взглядъ его лукавъ,
И содрогается все его тѣло—
И Бланкандринъ повелъ къ нему рѣчь:
„Сиръ,“ сказалъ онъ: „выслушайте меня:
„Хотите отомстить Роланду?—
„Выдайте его намъ, во имя Магомета.
„Король Марсилій весьма благодаренъ:
„Все свое богатство онъ вамъ предоставитъ.“
Ганелонъ выслушалъ его и поникъ головой.]

XXXIV.

Такъ долго ѣхали вмѣстѣ Ганелонъ и Бланкандринъ,
Что успѣли заключить между собою договоръ,
Какъ сообща пріискать средство сгубить Роланда.
Такъ долго ѣхали они вмѣстѣ путемъ-дорогою,
Что въ Сарагоссѣ сошли подъ тисомъ.
Подъ сѣнью ели находился тронъ,

Обвитый александрійскимъ шелкомъ [1]).
Тамъ сидѣлъ король, повелитель всей Испаніи.
Двадцать тысячъ сарациновъ его окружаютъ;
Но среди нихъ не слышно ни звука, ни слова,
Такъ всѣ они жаждутъ услышать извѣстій.
Вотъ появляются Ганелонъ и Бланкандринъ.

XXXV.

Бланкандринъ выступаетъ предъ Марсиліемъ;
Онъ держитъ за руку графа Ганелона
И говоритъ королю: „Привѣтъ вамъ именемъ Магомета
„И Аполлина, чьи святые законы мы чтимъ.
„Мы исполнили ваше порученіе къ Карлу:
„Онъ воздѣлъ обѣ руки свои къ небу,
„Возславилъ своего Бога и не далъ иного отвѣта;
„Вотъ онъ посылаетъ вамъ одного изъ своихъ благородныхъ баронов,
„Человѣка могущественнѣйшаго во Франціи;
„Отъ него вы услышите, будетъ ли вамъ миръ, или нѣтъ.“
Марсилій отвѣтилъ: „Пусть говоритъ,—мы выслушаемъ его.“

XXXVI.

Между тѣмъ, Ганелонъ хорошо обдумалъ все,
И началъ говорить весьма искусно,
Какъ человѣкъ, отлично знающій свое дѣло,
„И сказалъ королю: „Привѣтъ Вамъ во имя Бога
„Всехвальнаго, Его же мы должны почитать.
„Вотъ что повелѣваетъ вамъ Карлъ Великій, баронъ:
„Вы примете святое христіанство;
„Карлъ оставитъ вамъ въ ленъ половину Испаніи.
[„Другую половину получитъ Роландъ, баронъ.
„(Прегордаго товарища будете имѣть!)]

[1]) Александрія славилась издавна производствомъ шелковыхъ тканій и вела ими обширную торговлю съ Востокомъ и Западомъ.

„Если вамъ не любъ такой договоръ,
[„Онъ приступитъ къ осадѣ Сарагоссы.]
„Васъ возьмутъ силою, закуютъ въ цѣпи
„И отвезутъ въ Ахенъ, стольный градъ.
„Тамъ васъ ожидаетъ смертный приговоръ,
„И вы умрете въ позорѣ и униженьи.“
Король Марсилій былъ этимъ весьма потрясенъ:
Въ рукѣ онъ держалъ златоперую стрѣлу,—
Ею хотѣлъ поразить Ганелона, но былъ удержанъ.

XXXVII.

Король Марсилій измѣнился въ лицѣ
И замахнулся древкомъ стрѣлы.
Ганелонъ, увидѣвъ это, положилъ руку на мечъ
И извлекъ его изъ ноженъ на два пальца,—
Сказалъ онъ ему: „Какъ хорошъ ты и свѣтелъ!
„Пока ты со мной при дворѣ короля,
„Императоръ Франціи не скажетъ,
„Что я умеръ одинъ въ краю чужомъ—
„Раньше лучшіе поплатятся своею кровью.“
Молвили язычники: „Разнимемъ смуту!“

XXXVIII.

Лучшіе изъ сарацинъ упросили Марсилія,
Такъ что онъ снова усѣлся на тронѣ.
Сказалъ Калифъ: „Вы бы подвели насъ,
„Затѣявъ поразить француза.
„Слѣдовало его послушать и уразумѣть.“
„Сиръ,“—сказалъ Ганелонъ,—„мнѣ надлежитъ это снести,
„Но никогда не соглашусь за все золото, созданное Богомъ,
„За всѣ сокровища, находящіяся въ этой странѣ,
„Умолчать, если мнѣ это будетъ предоставлено, о томъ,
„Что Карлъ, могущественнѣйшій изъ королей,
„Чрезъ меня повелѣваетъ своему заклятому врагу.“
Ганелонъ былъ въ собольемъ плащѣ,

Крытомъ александрійской шелковой тканью.
Онъ сбрасываетъ его на землю, а Бланкандринъ его принимаетъ;
Съ мечемъ же своимъ ни за что не хочетъ разстаться,
Онъ держитъ правой рукою золотую рукоятку его.
Язычники молвятъ: „Вотъ благородный баронъ!“

XXXIX.

Ганелонъ приблизился къ королю:
„Напрасно вы прогнѣвались“, сказалъ онъ ему.
„Карлъ, владыка Франціи, вамъ повелѣваетъ:
„Вы примете вѣру христіанъ,
„Онъ дастъ вамъ въ ленъ половину Испаніи,
„Другую же получитъ Роландъ, его племянникъ
(„Прегордаго товарища вы будете имѣть!).
„Если вамъ не любъ такой договоръ,
„То приступятъ къ осадѣ Сарагоссы.
„Васъ возьмутъ силою и свяжутъ,
„И отвезутъ прямо въ Ахенъ, стольный градъ.
„Не дадутъ вамъ ни боевого, ни верхового коня,
„Ни мула, ни лошака, чтобы доѣхать верхомъ.
„Бросятъ васъ на жалкую клячу,
„А смертный приговоръ лишитъ васъ головы.
„Вотъ письмо, что посылаетъ вамъ нашъ императоръ.“ [1])
И правой рукой онъ подаетъ его язычнику.

XL.

Марсилій поблѣднѣлъ отъ гнѣва,
Онъ ломаетъ печать, роняя воскъ,
Глядитъ на письмо и видитъ его содержанье;
[Онъ плачетъ, рветъ свою бѣлую бороду,
Встаетъ и говоритъ зычнымъ голосомъ:

[1]) Въ старину въ обычаѣ посла было (что встрѣчается равно и въ нашемъ эпосѣ) наговорить враждебной сторонѣ возможно болѣе оскорбленій.

„Смотрите, синьоры, что за безуміе!
„Карлъ, властитель Франціи, велитъ мнѣ
„Припомнить о его великомъ гнѣвѣ
„По поводу Базана и брата его Базилія,
„Что я повелѣлъ обезглавить на Галтойскихъ горахъ.
„Если жъ своему тѣлу хочу я обезпечить жизнь,
„То долженъ отправить къ нему дядю своего, Калифа.
„Не то—онъ меня не взлюбитъ.“
[Ни одинъ язычникъ не дерзнулъ сказать ни слова.]
Послѣ Марсилія заговорилъ его сынъ;
Онъ сказалъ королю: „Рѣчи Ганелона безумны,
„За нихъ подобаетъ ему смерть.
„Отдайте его мнѣ, я расправлюсь съ нимъ.“
Услыхавъ это, Ганелонъ размахнулся мечемъ
И оперся спиною о стволъ сосны.

XLI.

[И вотъ въ Сарагоссѣ великое смятеніе.
Но тамъ оказался благородный боецъ,
Сынъ альманзора [1]), сильный, могучій.
Разумно говоритъ онъ своему повелителю:
„Великій государь! не смущайся.
„Взгляни, какъ предатель измѣнился въ лицѣ“.]

XLII.

Король отправился тогда въ свой садъ.
Онъ увелъ туда съ собой лишь приближенныхъ.
И сѣдовласый Бланкандринъ пошелъ вмѣстѣ съ ними,
И Жюрфалей, сынъ его и наслѣдникъ [2]),
И Калифъ, дядя Марсилія и вѣрный его другъ.
Сказалъ Бланкандринъ: „Позовите француза!
„Онъ далъ слово постоять за наше дѣло“.

---

[1]) Almançur—альмансоръ, побѣдитель, богатырь.
[2]) Убитъ отъ руки Роланда въ Ронсевалѣ.

„—Приведите его“, сказалъ король.
Тотъ взялъ Ганелона за руку
И привелъ его въ садъ къ королю.
Тамъ обсудили они нечестивую измѣну.

XLIII.

„Сиръ Ганелонъ,“—сказалъ король Марсилій,—
„Я опрометчиво поступилъ съ вами,
„Когда во гнѣвѣ чуть было не поразилъ васъ.
„Но позвольте поправить дѣло этимъ куньимъ мѣхомъ.
[„Сегодня лишь его успѣли кончить въ пору,]
„И стоитъ онъ болѣе пятисотъ ливровъ золотомъ—
„До вечера завтра то будетъ прекрасный выкупъ“.
На шею Ганелона надѣваетъ его король Марсилій.
Отвѣтилъ Ганелонъ: „Не откажусь,—
„И да воздастъ вамъ Богъ за это!“

XLIV.

Сказалъ Марсилій: „Ганелонъ, воистину повѣрьте,
„Я весьма желалъ бы искренно полюбить васъ.
[„Наше совѣщаніе должно остаться тайной,]
„Хочу я послушать, что вы скажете о Карлѣ Великомъ.
„Онъ вѣдь очень старъ и отжилъ ужъ свой вѣкъ;
„Ему, я полагаю, болѣе двухсотъ лѣтъ.
„По сколькимъ землямъ мыкалъ онъ свое тѣло!
„Сколько ударовъ принялъ на свой щитъ!
„Сколько могучихъ королей сдѣлалъ нищими!
„Когда же наконецъ устанетъ онъ такъ воевать?
[„Пора бы ему въ Ахенъ на покой“.]
Ганелонъ отвѣтилъ: „Нѣтъ, Карлъ не таковъ.
„Всѣ, кто видѣли его и знаютъ,
„Подтвердятъ вамъ, что императоръ—истинный баронъ [1]).
„Кто его видѣлъ—уже не сможетъ найти и восхвалить

---

[1]) Т.-е. рыцарь.

„Въ комъ-нибудь другомъ такую честь и доброту.
„Кто сумѣлъ бы достойно о нихъ повѣдать?
„Господь озарилъ его такою доблестью!
„Лучше умереть, чѣмъ покинуть его дворъ“.

XLV.

Язычникъ сказалъ: „Дивлюсь я, право,
„Карлу Великому, такому старому и сѣдому.
„Пожалуй, ему лѣтъ болѣе двухъ сотъ.
„По сколькимъ землямъ мыкалъ онъ свое тѣло!
„Столько принялъ ударовъ копья и дротиковъ!
„Столько могучихъ королей сдѣлалъ нищими!
„Когда же, наконецъ, устанетъ онъ такъ воевать?“
„—Этого не станется“, сказалъ Ганелонъ, „пока живъ его племянникъ:
„Подъ покровомъ неба нѣтъ такого вассала,
„Его спутникъ Оливьеръ также полонъ отваги,
„Двѣнадцать пэровъ, столь излюбленныхъ Карломъ.
„Составляютъ авангардъ, во главѣ двадцати тысячъ франковъ.
„Спокоенъ Карлъ и не боится никого изъ живыхъ“.

XLVI.

„Дивлюсь я, право,“—сказалъ язычникъ,—
„Карлъ такъ старъ уже и сѣдъ.
„Ему, пожалуй, лѣтъ болѣе двухъ сотъ.
„Онъ завоевалъ столько земель!
„Вынесъ столько ударовъ остраго копья!
„Онъ побѣдилъ въ бою и умертвилъ столько королей!
„Когда же, наконецъ, устанетъ онъ такъ воевать?“
„—Этого не станется,“ сказалъ Ганелонъ, „пока живъ Роландъ.
„Отсюда до востока нѣтъ другого такого вассала;
„Полонъ доблестей и Оливьеръ, его товарищъ;
„Двѣнадцать пэровъ, столь излюбленныхъ Карломъ,
„Составляютъ авангардъ, во главѣ двадцати тысячъ франковъ.
„Спокоенъ Карлъ и не боится никого изъ живыхъ.“

XLVII.

„Сиръ Ганелонъ,“—сказалъ король Марсилій,—
„У меня такой народъ, что прекраснѣе его не видѣть вамъ:
„Я могу собрать четыреста тысячъ рыцарей [1]),
„Чтобы вести войну съ Карломъ и его французами“.
—Отвѣтилъ Ганелонъ: „Но на этотъ разъ
„Вы сгубите лишь множество язычниковъ.
„Оставьте эту безумную мысль и руководствуйтесь мудростью:
„Пошлите императору столько денегъ,
„Чтобы всѣ французы были поражены этимъ.
„Цѣною двадцати заложниковъ, которыхъ вы ему пришлете,
„Карлъ возвратится въ милую Францію,
„Оставивъ позади себя арріергардъ;
„Вѣроятно, въ немъ будутъ и племянникъ его, Роландъ,
„И Оливьеръ, человѣкъ храбрый и учтивый.
„Оба графа погибнутъ, если вы довѣритесь мнѣ;
„Великая гордыня Карла тѣмъ сокрушится,—
„И у него не станетъ охоты съ вами воевать.

XLVIII.

„Сиръ Ганелонъ,“—сказалъ король Марсилій,—
„Какъ же—взаправду—мнѣ убить Роланда?“
Ганелонъ отвѣчаетъ: „Сумѣю вамъ сказать:
„Король будетъ находиться въ лучшихъ ущельяхъ Сизры [2]),
„А за нимъ сейчасъ же послѣдуетъ арріергардъ.
„Тамъ будетъ его племянникъ, могучій графъ Роландъ,
„И Оливьеръ, которому онъ такъ довѣряетъ;
„Двадцать тысячъ французовъ будутъ ихъ дружиной.
[„Вы же, синьоръ, соберите вашу великую армію,]

---

[1]) Противорѣчіе строфѣ II-ой, гдѣ М. жалуется на недостатокъ войска. Вѣроятно, обѣ строфы восходятъ къ различнымъ версіямъ.

[2]) Мѣстность, непосредственно примыкающая къ Ронсевалю, — узкіе проходы, составляющіе часть французской Наварры и нынѣ извѣстные подъ названіемъ: Сизы.

„Устремите на нихъ сто тысячъ вашихъ язычниковъ,
„Они и заведутъ съ ними первый бой;
„Французское племя будетъ тутъ уязвлено и поблекнетъ;
„Не поручусь, чтобъ не разгромили и вашихъ.
„Но дайте имъ и вторую битву:
„Роланду не ускользнуть изъ той или другой.
„Вы совершите богатырскій подвигъ,
„И не будетъ уже вамъ войны во всю жизнь".

XLIX.

„Если кто-нибудь сможетъ убить тамъ Роланда—
„Карлъ въ немъ утратитъ свою правую руку.
„Конецъ чудеснымъ полкамъ!
„Карлу не собрать уже такихъ силъ.
[„Онъ не украситъ своего чела золотой короной,]
„А великая страна пребудетъ въ покоѣ".
Марсилій, выслушавъ Ганелона, поцѣловалъ его въ шею,
Затѣмъ началъ открывать свои сокровища.

L.

И сказалъ Марсилій: „Къ чему переговоры?
„Не ладенъ совѣтъ, если нѣтъ довѣрія:
„Поклянитесь мнѣ тотчасъ въ смерти Роланда,
[„И что я найду его въ арріергардѣ,
„А я за то поклянусь вамъ своей вѣрой,
„Что съ нимъ сражусь, если встрѣчу."]
И Ганелонъ отвѣтствовалъ: „Пусть будетъ по-вашему"!
На святыняхъ меча Мюрглейса [1]).
Онъ клянется измѣнить. Свершилось вѣроломство.

LI.

Кресло слоновой кости стояло тамъ,
[Подъ оливковымъ деревомъ, на бѣломъ щитѣ;]

[1]) Въ рукоять меча вдѣлывались реликвіи,—и вотъ почему надъ нимъ произносятся клятвы, передъ нимъ совершаются молитвы.

Марсилій приказалъ принести туда книгу:
Въ ней написанъ законъ Магомета и Тервагана [1]).
Испанскій сарацинъ клянется надъ нею:
„Если въ арріергардѣ будетъ отрядъ Роланда,
„Онъ нападетъ на него со всей своей ратью.
„Если возможно, тотъ будетъ убитъ.“
[Двѣнадцати пэрамъ тоже произнесенъ смертный приговоръ.]
Ганелонъ отвѣчаетъ: „Да сбудется нашъ договоръ!“

LII.

Вотъ подходитъ язычникъ Вальдабрунъ,—
Онъ былъ воспріемникомъ короля Марсилія; [2])
Ясный, смѣясь, онъ сказалъ Ганелону:
„Возьмите мой мечъ—лучшаго нѣтъ ни у кого;
„Рукоять стоитъ болѣе тысячи мангоновъ [3]);
„Даю его вамъ, сиръ, по дружбѣ;
„Помогите только намъ управиться съ бароном Роландомъ
„И (сдѣлайте такъ), чтобы намъ найти его въ арріергардѣ.“
„Будетъ исполнено!“ отвѣтилъ графъ Ганелонъ,
[„Ручаюсь, что мы съ нимъ справимся,
„И обѣщаю, что мы его убьемъ.“]
Затѣмъ они облобызались въ щеку и подбородокъ.

LIII.

Потомъ подходитъ язычникъ Климборинъ,
Ясный, смѣясь, говоритъ Ганелону:
„Возьмите мой шлемъ: не бывало лучшаго.

---

[1]) Магометъ, Аполлинъ и Терваганъ — имена трехъ главныхъ боговъ у сарацинъ, согласно франц. эпическимъ пѣснямъ.

[2]) При посвященіи въ рыцари полагалось быть воспріемнику, какъ крестному отцу при крещеніи.

[3]) Названіе монеты, которую Дюканжъ сближаетъ съ mancusa, manca и marca.

[„Драгоцѣнный карбункулъ блеститъ тамъ надъ наносницей [1]).]
„Помогите только намъ противъ маркиза Роланда—
„Какимъ бы средствомъ его обезчестить."
„Будетъ исполнено", графъ Ганелонъ отвѣчаетъ;
Затѣмъ они облобызались въ щеку и въ уста.

LIV.

И вотъ выходитъ королева Брамимунда[2]).
„Я весьма васъ люблю, сиръ," сказала она графу:
„Ибо мой повелитель и весь его народъ весьма васъ чтутъ.
„Вашей женѣ пошлю я пару запястій;
„Они изъ золота, аметистовъ и рубиновъ
„И стоятъ дороже всѣхъ сокровищъ Рима,—
„Вашъ императоръ не имѣлъ такихъ.
[„Каждый день вы будете получать отъ меня новые дары".
Ганелонъ отвѣчаетъ: „Мы къ вашимъ услугамъ."]
Онъ беретъ ихъ, прячетъ къ себѣ въ обувь.

LV.

Король призываетъ Мальдуита, своего казнохранителя:
„Приготовлено ли Карлово достоянье?"
—Тотъ отвѣчаетъ: „Да, государь, готово.
„Семьсотъ верблюдовъ, навьюченныхъ золотомъ и серебромъ,
„Да двадцать заложниковъ, изъ числа знатнѣйшихъ подъ небомъ."
[Король приблизился къ Ганелону,
Нѣжно прижалъ его въ своихъ объятіяхъ,
Потомъ сказалъ ему: „Я долженъ васъ очень цѣнить."
„Дня не пройдетъ, чтобы я васъ не одаривалъ изъ моего достоянія,
„Если вы поможете мнѣ противъ бойца Роланда."
Ганелонъ отвѣчаетъ: „Лишь бы мнѣ не опоздать!"]

---

[1]) Часть шлема, въ видѣ узкой металлической пластинки, закрывающей носъ. См. рисунокъ, изображающій рыцаря.

[2]) Жена Марсилія, наз. также Брамидоніей.

LVI.

Марсилій взялъ Ганелона за плечо
И сказалъ ему: „Ты очень храбръ и разуменъ;
„Ради вѣры твоей, что у васъ считается лучшей,
„Не вздумай измѣнить своихъ намѣреній.
„Я дамъ тебѣ множество сокровищъ—
„Десять муловъ, нагруженныхъ тончайшимъ арабскимъ золотомъ,—
„И года не пройдетъ безъ того же.
„Возьми ключи этого обширнаго города,
„Великіе дары вручи Карлу,
[„Отъ имени моего ему представь двадцать заложниковъ;]
„Затѣмъ назначьте Роланда въ арріергардъ.
„Если я найду его въ проходахъ и ущельяхъ,
„Я завяжу съ нимъ смертный бой.“
Ганелонъ отвѣчалъ: „Я того мнѣнія—какъ бы не опоздать!“
Потомъ онъ сѣлъ на коня и отправился въ путь.....

LVII.

Императоръ приближается къ своей области:
Вотъ онъ прибылъ уже въ городъ Вальтіерру;
Графъ Роландъ ее нѣкогда взялъ и разрушилъ,
И съ того дня сто лѣтъ она была пустынна.
Отъ Ганелона ждетъ король извѣстій
И дани отъ Испаніи, великой земли.
Однажды на зарѣ, едва забрезжилъ день,
Графъ Ганелонъ явился въ станъ.

LVIII.

[Прекрасенъ день, и солнце ясно.]
Императоръ всталъ рано утромъ,
Обѣдню и утреню прослушалъ король [1]),

---

[1]) Всѣ пѣсни единодушно отмѣчаютъ, подчеркиваютъ благочестіе Карла В.

На зеленой травѣ расположился, передъ своимъ шатромъ.
Тутъ былъ Роландъ и баронъ Оливьеръ,
Герцогъ Нэмонъ и многіе другіе.
Сюда явился и Ганелонъ, измѣнникъ, предатель,
И весьма коварно повелъ такую рѣчь:
„Спаси васъ Господи“, сказалъ онъ королю.
„Вотъ ключи Сарагоссы приношу я вамъ,
„Великія сокровища привезъ я для васъ—
„И двадцать заложниковъ: прикажите ихъ стеречь получше.
„Доблестный король Марсилій васъ проситъ еще
„Не пенять, что я не привелъ Калифа:
„Я видѣлъ своими глазами, что триста тысячъ вооруженныхъ воиновъ
„Въ кольчугахъ и стальныхъ шлемахъ [1]),
„Имѣя при бедрѣ мечи съ золотой съ чернью рукояткой,
„Съ нимъ вмѣстѣ отправились въ море:
„Они удалились изъ-за христіанской вѣры,
„Не желая ее принять и блюсти.
„Но не успѣли они отплыть и четырехъ льё,
„Какъ ихъ застигла буря съ вѣтромъ.
„Всѣ они потонули, и ихъ больше не видѣть.
Будь (Калифъ) въ живыхъ, я бы его привелъ къ вамъ.
„Что до короля язычниковъ, государь, то повѣрьте,
„До истеченія еще этого мѣсяца,
„Онъ послѣдуетъ за вами во Францію
„И приметъ тамъ вашу вѣру;
„Онъ, сложивъ руки, станетъ вашимъ вассаломъ
„И получитъ Испанію изъ вашихъ рукъ.
Король сказалъ: „Слава Богу за это!
„Вы хорошо дѣйствовали, и будете отлично награждены.“
И раздались тогда въ станѣ звуки тысячи роговъ:

---

[1]) Защитой груди служила броня, состоящая изъ кожаной туники, покрытой металлическими пластинками (впослѣдствіи ихъ смѣнили кольца). Сверху броня оканчивалась капюшономъ, прикрѣплявшимся къ шлему.

Франки сняли лаґерь, навьючили лошадей
И всѣ отправились въ путь къ милой Франціи....

Аррьергардъ. — Роландъ, обреченный на смерть.

LIX.

Карлъ Великій опустошилъ Испанію,
Разрушилъ замки, разорилъ города.
И сказалъ король, что войнѣ конецъ.
Въ милую Францію ѣдетъ верхомъ Императоръ
[День на исходѣ, клонится вечеръ.]
Графъ Роландъ водрузилъ свое знамя
На вершинѣ холма, прямо къ небу.
По всей странѣ франки стали сбираться въ путь...
По обширнымъ долинамъ скачутъ язычники,
Въ кольчугахъ и двойной бронѣ,
Въ надѣтыхъ шлемахъ и съ мечами при бедрѣ,
На шеяхъ щиты и копья наготовѣ.
На вершинахъ горъ, въ лѣсу, сдѣлали привалъ:
Четыреста тысячъ воиновъ ждутъ разсвѣта.
Боже, какое горе, что французы не знаютъ о томъ!

LX.

День на исходѣ, сгустилась ночь.
Карлъ, могучій императоръ, уснулъ.
И снится ему, что онъ въ обширномъ ущельѣ Сизры,
Въ рукахъ его ясеновое копье;
Графъ Ганелонъ хватаетъ его,
Рветъ изъ рукъ и потрясаетъ имъ такъ,
Что осколки его взлетаютъ къ небу....
Карлъ спитъ—пусть не пробуждается.

LXI.

Вслѣдъ за этимъ другое видѣнье: [1])
Будто онъ во Франціи, въ своемъ Ахенскомъ замкѣ.

[1]) Сравн.: Слово о полку Игоревѣ: Ярославъ „смутенъ сонъ видѣ“.

Медвѣдь такъ яростно впился въ его правую руку,
[Что прокусилъ ему тѣло до кости.]
Потомъ, отъ Арденъ идетъ къ нему леопардъ
И также злобно нападаетъ на него.
Но изъ зала выбѣжала гончая
И подбѣгаетъ къ Карлу прыжками и галопомъ.
Она рветъ медвѣдя за правое ухо,
Злобно бьется съ леопардомъ.
О великой битвѣ говорятъ французы;
Но они не знаютъ, кто будетъ побѣдителемъ.
Карлъ спитъ—не просыпается.

LXII.

Ночь на исходѣ, зачинается ясный разсвѣтъ.
Императоръ гордо ѣдетъ верхомъ,
Тысячи роговъ звучатъ по всему войску.
„Синьоры бароны“,—говоритъ императоръ Карлъ,—
„Видите ущелья и узкіе проходы:
„Кого назначить мнѣ въ аррьергадъ? рѣшайте.“
Ганелонъ отвѣчаетъ:—„Роланда, пасынка моего:
„Нѣтъ у васъ другого столь великаго барона,—
[„Это будетъ спасеніемъ для нашего войска.“]
Карлъ услыхалъ, гнѣвно взглянулъ на него
И сказалъ ему: „Вы—истый дьяволъ.
„Къ вамъ въ сердце вселилась смертельная ненависть.
„А кто же будетъ предо мною въ авангардѣ?“
Ганелонъ отвѣчаетъ: „Ожье датчанинъ:
„Никто изъ бароновъ не управится лучше“.

LXIII.

Графъ Роландъ, услыхавъ, что назначили его,
Повелъ рѣчь, какъ истый рыцарь:
„Сиръ вотчимъ, я долженъ васъ очень цѣнить,—
„Вы назначили меня въ аррьергардъ.

„Не будетъ оттого ущерба Карлу, королю, правителю Франціи.
„Ничто изъ довѣреннаго мнѣ: ни упряжная лошадь, ни боевой конь,
„Ни мулъ, ни лошакъ верховой,
„Не пропадутъ—ни жеребчикъ, ни вьючная лошадь,
„Безъ обмѣна на удары меча".
Ганелонъ отвѣчаетъ: „Вѣрно сказано, это я знаю."

LXIV.

Услыхалъ Роландъ, что пойдетъ въ аррьергардъ,
Съ гнѣвомъ молвилъ онъ своему вотчиму:
„Ахъ, презрѣнный, злой ты человѣкъ и смраднаго роду!
„Ты полагалъ, что я такъ же оброню перчатку,
„Какъ ты уронилъ жезлъ передъ Карломъ!"

LXV.

Графъ Роландъ обращается тогда къ Карлу:
„Дайте мнѣ лукъ, что у васъ въ рукѣ.
„Пока онъ у меня, не упрекнутъ Роланда,
„Что выпалъ онъ изъ рукъ моихъ, какъ сдѣлалъ Ганелонъ
„Съ вашей правой перчаткой, принимая жезлъ".
Стоитъ императоръ, голову склонилъ;
Онъ треплетъ бороду, кусаетъ усы,
Не можетъ удержаться отъ слезъ.

LXVI.

Послѣ того, явился Нэмонъ.
[У него бѣлая борода и сѣдые волосы;]
Нѣтъ при дворѣ лучшаго вассала.
И сказалъ онъ королю: „Вы слышали его:
„Графъ Роландъ весьма разгнѣванъ:
[„Онъ яростенъ, онъ ужасенъ.]
„Ему поручали аррьергардъ,—
„Не найдется барона, ему взамѣнъ.

„Дайте ему лукъ, натянутый вами,
„И пріищите добрую помощь“.
Король подалъ ему лукъ, а Роландъ его принялъ.

LXVII.

Императоръ обращается къ Роланду:
„Любезный племянникъ, вы навѣрно знаете,
„Что я хочу дать вамъ половину своего войска.
„Держите ихъ при себѣ—въ томъ ваше спасеніе“.
И сказалъ ему графъ: „Нѣтъ, такъ не поступлю.
„Да посрамитъ меня Господь, если я обезславлюсь!
„Я удержу двадцать тысячъ отважныхъ французовъ.
„А вы—переходите ущелья смѣло;
„Пока я живъ, не бойтесь никого“.

LXVIII.

[Графъ Роландъ взошелъ на вершину горы,
Надѣлъ свой панцырь, невиданно прекрасный,
Привязалъ свой шлемъ, достойный барона,
Опоясался Дюрандалемъ съ золотой рукояткой
И возложилъ на шею щитъ, расписанный цвѣтами.
Изъ коней онъ избралъ Вейллантифа.
Держитъ онъ копье съ бѣлымъ значкомъ,
Золотая бахрома его ниспадаетъ до рукояти меча.
Видно будетъ, кто любитъ Роланда, кто нѣтъ.
Французы воскликнули: „Мы за вами!“]

LXIX.

Графъ Роландъ садится на коня:
Къ нему подъѣзжаетъ Оливьеръ, его товарищъ;
Явился Женренъ и храбрый графъ Жерье,
Явился Отонъ, и явился Беранжье,
Явились Самсонъ и гордый Ансеисъ,
[Ивъ и Иворій, что такъ любы королю.]

Сюда жъ явился Жираръ де-Руссильонъ [1])—старикъ.
Явился туда гасконецъ Анжелье.
Сказалъ архіепископъ: „И я пойду за моимъ вождемъ".
„И я съ вами", сказалъ графъ Гвальтьеръ:
„Я преданъ Роланду—и не долженъ покидать его".
Они избрали себѣ двадцать тысячъ рыцарей.

LXX.

Графъ Роландъ зоветъ Гвальтьера де Л'Омъ:
„Возьмите тысячу франковъ изъ Франціи, нашей земли:
„Займите ущелья и высоты,
„Чтобы императоръ не утратилъ никого изъ своихъ".
Гвальтьеръ отвѣчаетъ: „Для васъ я обязанъ исполнить".
Съ тысячею франковъ изъ Франціи, родной земли,
Гвальтьеръ обходитъ проходы и высоты.
Никто не спустится оттуда ради злыхъ извѣстій,
Пока семьсотъ мечей не будутъ вынуты изъ ноженъ.
Король Альмарисъ изъ Бельфернскаго царства
Въ жестокій бой вступилъ съ нимъ въ тотъ же день.

LXXI.

[Карлъ вступилъ въ Ронсельвальскую долину;
Во главѣ авангарда—герцогъ Ожье, баронъ.
Стало быть, съ этой стороны нѣтъ опасности.
Роландъ остается, охраняя другихъ,
И съ нимъ Оливьеръ и всѣ двѣнадцать пэровъ,
Съ двадцатью тысячами франкскихъ баккалавровъ изъ Франціи.
Ихъ ждетъ сраженье—да поможетъ же имъ Богъ!
Ганелонъ это знаетъ, измѣнникъ, предатель,
Но ему дали золота, чтобы онъ молчалъ.]

---

[1]) Одинъ изъ знаменитѣйшихъ героевъ французскаго эпоса,—принадлежитъ къ 12-ти пэрамъ.

LXXII.

Высоки горы, и долины мрачны;
Скалы черны, ущелья жутки.
Сегодня перешли ихъ французы съ великимъ трудомъ:
За пятнадцать льё слышенъ былъ шумъ ихъ движенія.
Но, когда свернули они къ великой землѣ
И увидали Гасконію, страну ихъ господина,
Имъ вспомнились ихъ лены и владѣнія,
Дѣвы и милыя жены:
Всякій изъ нихъ плакалъ отъ умиленія.
Болѣе же всѣхъ печалился Карлъ:
Онъ оставилъ племянника въ ущельяхъ Испаніи.
Скорбь охватила его,—не можетъ онъ слёзъ удержать.

LXXIII.

Двѣнадцать пэровъ остались въ Испаніи:
Двадцать тысячъ франковъ имѣется въ ихъ дружинѣ;
Они не боятся, смерть имъ нестрашна.
Императоръ же возвращается во Францію.
[Онъ плачетъ и рветъ свою бѣлую бороду,]
Скрываетъ ликъ свой подъ плащемъ.
Рядомъ съ нимъ ѣдетъ герцогъ Нэмонъ.
И говоритъ онъ королю: „Что удручаетъ васъ?“
Карлъ отвѣчаетъ: „Спрашиваешь напрасно.
„У меня такое великое горе, что не могу не плакать:
„Ганелонъ погубитъ Францію.
„Сегодня ночью, въ ангельскомъ откровеніи, я видѣлъ,
„Будто онъ сломалъ мое копье въ рукахъ,
„Онъ же поставилъ моего племянника въ аррьергардѣ,—
„И я долженъ былъ покинуть его въ чужомъ краю!
„Боже! если я утрачу его, не найти мнѣ замѣны!“

LXXIV.

Карлъ Великій не можетъ удержаться отъ слезъ:
Сто тысячъ франковъ питаютъ къ нему великую жалость

И какую-то странную боязнь за Роланда.
Ганелонъ, измѣнникъ, предалъ его;
Онъ получилъ отъ короля невѣрныхъ богатые дары,—
Золото и серебро, шелковыя ткани и одежды,
Лошадей и муловъ, верблюдовъ и львовъ.
Марсилій скликаетъ изъ Испаніи бароновъ,
Графовъ, виконтовъ, герцоговъ и альманзоровъ [1]),
Эмировъ и сыновьей своихъ графовъ.
Въ три дня собралъ онъ ихъ четыреста тысячъ;
Во всей Сарагоссѣ зазвучали его барабаны.
На самой высокой башнѣ воздвигли Магомета;
Всякій язычникъ молится ему и чтитъ его.
Потомъ они, разъяренные, помчались верхомъ
По всей странѣ, по долам и по горамъ;
Завидѣли они знамена воиновъ Франціи.
То—аррьергардъ двѣнадцати Дружинниковъ,—[2])
Не преминутъ они дать имъ сраженье.

LXXV.

Племянникъ Марсилія ѣдетъ впереди
На мулѣ, подгоняя его палкой.
Молвитъ онъ дядѣ своему, смѣясь:
„О славный государь, я послужилъ вамъ много;
„Вынесъ много труда и горя,
Много было у меня битвъ и побѣдъ!
„Дайте же мнѣ право—сразить Роланда.
„Я пронжу его острымъ моимъ копьемъ,—
„Если Магометъ мнѣ поможетъ,—
„Я избавлю отъ него всю Испанію,
„Отъ ущелій Аспрскихъ и до Дурестана [3].)
„Карлъ будетъ обезсиленъ, французы сдадутся,

---

[1]) См. выше стр. 22 прим. 1.

[2]) Cumpaignuns—пэры.

[3]) Знаменитый проходъ въ Пиринеяхъ чрезъ Сомпоръ и долину Асны.

„И не будетъ болѣе войны всю вашу жизнь“.
Король Марсилій подалъ ему тогда перчатку.

LXXVI.

Племянникъ Марсилія держитъ перчатку въ рукѣ
И горделиво обращается къ дядѣ:
„О славный государь, вы дали мнѣ великій даръ.
„Изберите же мнѣ одиннадцать изъ вашихъ бароновъ,
„И я отправлюсь сражаться съ двѣнадцатью Дружинниками“.
Первымъ откликнулся ему Фальзаронъ,
Братъ короля Марсилія:
„Любезный племянникъ, мы пойдемъ съ вами оба,
„Вмѣстѣ мы и начнемъ сраженье.
„Арріергарду великой Карловой арміи
„Суждено, что мы его перебьемъ“.

LXXVII.

Съ другой стороны—король Корсаблисъ,
Онъ изъ Берберіи, коварный и злобный;
Однако говоритъ, какъ добрый вассалъ:
„За все Божье злато не хотѣлъ бы стать трусомъ:
[„Если встрѣчу Роланда, не премину напасть.
„Я буду третьимъ спутникомъ, выбирайте, четвертаго“.]
Но вотъ бѣжитъ Мальпримій Бригальскій,
Онъ мчится бѣгомъ быстрѣе коня
И передъ Марсиліемъ громко восклицаетъ:
„Я поведу мой отрядъ въ Ронсеваль,
„И если найду тамъ Роланда, убью его“.

LXXVIII.

Тамъ есть эмиръ Балагуэрскій—
Станомъ прекрасенъ, гордъ и ясенъ лицомъ;
Вскочивъ на коня,

Онъ красуется своимъ вооруженіемъ.
Изъ вассаловъ онъ всѣхъ знаменитѣе;
Будь онъ христіанинъ, то былъ бы истый баронъ.
Онъ передъ Марсиліемъ восклицаетъ:
„Я поведу мою рать въ Ронсеваль,
„Если встрѣчу Роланда, смерть его постигнетъ,—
„И Оливьера и всѣхъ двѣнадцать пэровъ;
„Французы погибнутъ въ скорби и униженьи.
„А Карлъ Великій старъ и не опасенъ:
„Онъ откажется отъ всякой войны съ нами
„И оставитъ намъ Испанію свободной".
Король Марсилій благодаритъ его весьма.

LXXIX.

Тамъ есть альманзоръ изъ Мавританіи;
Въ Испанской землѣ нѣтъ коварнѣй его.
Онъ похваляется передъ Марсиліемъ:
„Въ Ронсеваль поведу я мою дружину,—
„Двадцать тысячъ человѣкъ съ копьями и щитами.
„Если найду Роланда, ручаюсь въ его смерти:
„Французы погибнутъ въ скорби и униженьи,
„И дня не пройдетъ, чтобы Карлъ не оплакивалъ ихъ".

LXXX.

Съ другой стороны—Тургисъ изъ Тортозы;
Это—графъ, и городъ этотъ принадлежитъ ему.
Желанье его—вредить христіанамъ.
Вмѣстѣ съ другими, онъ выступаетъ передъ Марсиліемъ
И говоритъ королю: „Не смущайтесь!
„Магометъ получше святого Петра въ Римѣ;
„Если вы его чтите, поле чести за нами.
„Пойду въ Ронсеваль догонять Роланда:
„Никто не спасетъ его отъ смерти.
Вотъ мой мечъ—и добрый, и длинный;

„Скрещу я его съ Дюрандалемъ. [1])
„Узнаете, кто одолѣетъ.
„Если французы начнутъ бой—тамъ и полягутъ.
„Старому Карлу достанется горе и стыдъ,
„Никогда уже на землѣ ему не носить короны".

LXXXI.

Съ другой стороны—Эскремисъ изъ Вальтіерры;
Онъ—сарацинъ и господинъ этой земли.
Передъ Марсиліемъ онъ восклицаетъ въ толпѣ:
„Въ Ронсеваль иду посбить спеси—
„Если встрѣчу Роланда, не сносить ему головы
„И Оливьеру, что привелъ съ собою остальныхъ.
„Всѣмъ двѣнадцати пэрамъ суждена великая гибель.
„Французы перемрутъ, Франція опустѣетъ.
„Не будетъ у Карла добрыхъ вассаловъ".

LXXXII.

Съ другой стороны—язычникъ Эсторганъ,
Съ нимъ Эстрамаринъ, его спутникъ,—
Люди продажные, коварные измѣнники.
И сказалъ Марсилій: „Синьоры, подойдите.
„Вы отправитесь въ Ронсевальское ущелье
„И поможете провести туда моихъ людей".
И отвѣчаютъ они: „Государь, мы въ вашемъ распоряженьи;
„Мы нападемъ на Оливьера и Роланда;
„Двѣнадцать пэровъ не спасутся отъ смерти.
„Ибо мечи наши добры и остры,

---

[1]) Знаменитый мечъ Роланда Дюрандаль, по преданію, выкованъ былъ извѣстнымъ кузнецомъ Галандомъ или, по другимъ свѣдѣніямъ, Мунификаномъ. Малакинъ Ивонскій отдалъ его Карлу въ качествѣ выкупа за отца своего Авраама, а тотъ подарилъ Роланду. Обладая множествомъ необыкновенныхъ качествъ, частью перечисляемыхъ Роландомъ въ стих. 2322 и слѣд. этой поэмы, Дюрандаль обезпечиваетъ за своимъ владѣльцемъ обладаніе всей Испаніей.

„Мы скоро окрасимъ ихъ теплой кровью.
„Французы погибнутъ, Карлъ будетъ скорбѣть,
„Великую землю мы принесемъ вамъ въ даръ.
„Пожалуйте, государь, вы увидите это навѣрно.
„А императора мы предадимъ на вашу волю".

LXXXIII.

Вотъ прибѣгаетъ Маргарисъ изъ Севильи,
Что владѣетъ землею до самаго моря.
За красоту съ нимъ дамы дружны;
Женщина, видя его, всегда просвѣтлѣетъ;
Хочетъ иль нѣтъ, улыбку сдержать не можетъ.
Нѣтъ подобнаго ему рыцаря среди язычниковъ.
Онъ вошелъ въ толпу,—всѣхъ покрылъ его голосъ,—
Говоритъ королю: „Не смущайтесь.
„Я пойду въ Ронсеваль и убью Роланда,
„Да и Оливьеръ не вернется оттуда живой.
„Двѣнадцать пэровъ остались тамъ себѣ же на муку.
„Взгляните на этотъ мечъ въ золотой оправѣ,
„Что достался мнѣ отъ эмира Прима:
„Клянусь, скоро онъ будетъ весь обагренъ кровью.
„Французы погибнутъ, и Франція будетъ посрамлена.
„Стараго сѣдобородаго Карла
„Горе и гнѣвъ будутъ безграничны.
„Ранѣе года мы завладѣемъ Франціей,
„И будемъ ночевать въ Сенъ-Дени" [1].
Король язычниковъ низко поклонился,

LXXXIV.

Съ другой стороны—Шернублій изъ Чёрнаго Дола [2].
Волосы у него до самой земли;
Шутя, онъ поднимаетъ такую большую тяжесть,

[1]) Ранѣе резиденціей императора считался Ахенъ. Вѣроятно, эта часть составляетъ позднѣйшую вставку.

[2]) Val-Neire.

Государственная ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР

Какой не свезти четыремъ вьючнымъ муламъ.
Въ его странѣ, откуда онъ пріѣхалъ,
Солнце не свѣтитъ, и хлѣбъ не растетъ.
Тамъ не падаетъ дождя, и роса не касается почвы.
Нѣтъ камня, который не былъ бы черенъ;
Многіе увѣряютъ, что тамъ обиталище бѣсовъ.
И сказалъ Шернублій: „Я опоясался добрымъ мечемъ,
„Въ Ронсевалѣ окрашу его багрянцемъ.
„Если встрѣчу на пути своемъ храбраго Роланда,
„Я нападу на него, или не вѣрьте мнѣ болѣе.
„Мечемъ своимъ я одолѣю Дюрандаль.
„Французы умрутъ, и Франція погибнетъ".
При этихъ словахъ, сбираются двѣнадцать пэровъ (Марсилія);
Они уводятъ съ собою сто тысячъ сарацынъ,
Которые спѣшатъ и стремятся въ битву.
Они вооружаются подъ ельникомъ.

LXXXV.

Язычники облекаются въ сарацинскія кольчуги,
Большею частью подбитыя тройною тканью.
Надѣваютъ отличные сарагосскіе шлемы
И опоясываются мечами вѣнской стали.
Ихъ щиты красивы, а копья у нихъ изъ Валенціи;
Значки у нихъ бѣлые, синіе и красные. [1])
Они оставляютъ тутъ своихъ муловъ и вьючныхъ лошадей.
Садятся на боевыхъ коней и выступаютъ тѣсными рядами.
День былъ ясный, и чудное солнце.
Все оружіе сверкало—блистало.
Зазвучали тысячи роговъ, для вящшей красы.
Шумъ былъ великій, и услыхали его французы.
Говоритъ Оливьеръ: „Товарищъ, какъ видно,
„Намъ не миновать битвы съ сарацинами".

---

[1]) Къ концу копья привѣшивались разноцвѣтные значки (gonfanon), которые бывали свернуты въ походѣ и распускались во время битвы.

Роландъ отвѣчаетъ: „Да пошлетъ ее намъ Богъ!“
„Нашъ долгъ постоять здѣсь за нашего короля,
„Ибо за своего господина должно вытерпѣть всякую муку,—
„И снести великій жаръ и великую стужу,
„Если нужно, утратить и волосы и кожу.
„Долгъ каждаго изъ насъ—наносить покрѣпче удары,
„Чтобы про насъ не сложили недоброй пѣсни!
„Виновны—язычники, христіане правы.
„Дурного примѣра отъ меня не будетъ!“

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

СМЕРТЬ РОЛАНДА.

Приготовленія къ великой битвѣ.

LXXXVI.

Оливьеръ всходитъ на холмъ.
Глядитъ на-право, на долину, поросшую травой,
И видитъ, что подходитъ полчище невѣрныхъ.
Онъ зоветъ Роланда, своего товарища:
„Что за шумъ доносится ко мнѣ отъ Испаніи!
„Сколько бѣлыхъ панцырей, сколько сверкающихъ шлемовъ!
„Много ярости будетъ нашимъ французамъ.
„То Ганелонъ совершилъ предательство;
„Изъ-за него насъ назначилъ императоръ.
„—Молчи, Оливьеръ,“ отвѣтилъ графъ Роландъ:
„Это мой вотчимъ—ни слова о немъ больше“.

LXXXVII.

Оливьеръ взошелъ на высокій холмъ:
Отсюда онъ видитъ хорошо испанское царство
И великое сборище сарацинъ.
Блистаютъ шлемы, покрытые золотомъ и каменьями,

А сколько щитовъ, узорочныхъ панцырей,
И пикъ, и накрѣпленныхъ значковъ.
Не можетъ онъ счесть всѣхъ отрядовъ:
Столько ихъ, что онъ и счетъ потерялъ!
Онъ весьма смутился сердцемъ,—
Какъ могъ, спустился съ холма,
Пришелъ къ французамъ, все имъ повѣдалъ.

LXXXVIII.

Сказалъ Оливьеръ: „Я видѣлъ столько язычниковъ,
„Какъ никто никогда не видѣлъ на землѣ.
„Передъ нами ихъ, право, тысячъ сто; со щитами,
„Съ надѣтыми шлемами, бѣлыми панцырями,
„Прямыми пиками, блестящими черными копьями.
„Ждите битвы, какой никогда не бывало.
„Синьоры французы, да пошлетъ вамъ Господь свою силу.
„Держитесь крѣпко, чтобы васъ не одолѣли".
И сказали французы: „Да будетъ проклятъ, кто побѣжитъ.
„Ни одинъ не дрогнетъ передъ смертью!"

Гордость Роланда.

LXXXIX.

Сказалъ Оливьеръ: „Язычниковъ великая сила,
„А насъ, французовъ, кажется, очень мало.
„Другъ Роландъ, затрубите въ свой рогъ:
„Карлъ услышитъ и возвратится съ войскомъ."
Отвѣчаетъ Роландъ: „Я поступилъ бы безумно
„И утратилъ бы мою славу въ милой Франціи!
„Я вѣдь стану наносить жестокіе удары Дюрандалемъ:
„Клинокъ его будетъ окровавленъ до золотой рукояти.
[„Наши французы сдѣлаютъ натискъ на нихъ!]
„Язычники-предатели на горе пришли въ ущелье:
„Клянусь, всѣ они осуждены на смерть".

XC.

„Другъ Роландъ, въ олифантъ [1]) затрубите:
„Карлъ услышитъ, и вернется съ войскомъ.
„Король съ баронами намъ помогутъ".
Роландъ отвѣчаетъ: „Боже сохрани,
„Чтобы родныхъ моихъ изъ-за меня порицали,
„Чтобы милая Франція была посрамлена!
Но я стану вдоволь разить Дюрандалемъ,
„Добрымъ моимъ мечемъ, что виситъ у меня при бедрѣ,
„Вы увидите клинокъ его окровавленнымъ.
„Язычники-предатели собрались сюда на горе:
„Клянусь, всѣ они осуждены на смерть!"

XCI.

„Другъ Роландъ, въ олифантъ затрубите:
„Услышитъ Карлъ, идущій ущельемъ,
„И французы, клянусь, вернутся.
„—Боже сохрани", отвѣчалъ Роландъ,
„Чтобы живой человѣкъ когда-либо сказалъ,
„Что изъ-за язычниковъ я трубилъ!
„Ужъ за это роднымъ моимъ не будетъ укора.
„Когда буду я въ пылу битвы,
„И нанесу и тысячу и семьсотъ ударовъ—
„Клинокъ Дюрандаля увидите окровавленнымъ.
„Французы добрые воины: молодецки ударятъ—
„И испанцамъ [2]) не уйти отъ смерти"

XCII.

Сказалъ Оливьеръ: „Не знаю, въ чемъ тутъ позоръ.
„Я видѣлъ сарацинъ Испаніи;
„Ими покрыты долины и горы,

[1]) У каждаго рыцаря былъ свой рожокъ, въ войскѣ Карла шестьдесятъ тысячъ рожковъ, но только одинъ рогъ-олифантъ, сдѣланный изъ слоновой кости, украшенный рѣзьбою и отличающійся необыкновенной силой звука.

[2]) Испанцы, т.-е. испанскіе мавры, сарацины.

„И степи, и всѣ равнины.
„Сильны полчища чужеземцевъ,
„Невелика здѣсь наша дружина!“
Роландъ отвѣчаетъ: „Тѣмъ больше мой пылъ.
„Не приведи Господи и его пресвятые ангелы,
„Чтобы Франція изъ-за меня утратила честь!
„Лучше смерть, чѣмъ посрамленіе.
„За лихіе удары императоръ насъ любитъ.“

XCIII.

Роландъ безстрашенъ, а Оливьеръ разуменъ;
Дивно доблестны оба они.
Къ тому же они на конѣ и при оружіи,
Изъ страха смерти не уйдутъ отъ битвы.
Графы добры, и слова ихъ возвышенны.
Коварные язычники бѣшено мчатся.
Говоритъ Оливьеръ: „Роландъ, взгляните—
„Вотъ они тутъ-какъ-тутъ, а Карлъ отъ насъ далеко.
„Вы не изволили затрубить въ олифантъ:
„Будь здѣсь король, намъ не стало бы лиха.
[„Но тѣ, что тамъ, не должны получить въ томъ упрека;]
„Взгляните жъ вверхъ, къ ущельямъ Аспры:
„Вы видите тамъ достойный жалости аррьергардъ:
„Кто въ его составѣ—ужъ не побываетъ въ другомъ“.
Отвѣчаетъ Роландъ: „Не изощряйте.
„Да будетъ проклятъ, у кого въ груди трусливое сердце!
„Мы твердо будемъ стоять на мѣстѣ;
„Мы станемъ и бить и разить!“

XCIV.

Когда Роландъ увидѣлъ, что будетъ бой,
Онъ сталъ грознѣе льва иль леопарда.
Онъ взываетъ къ французамъ, къ Оливьеру:
„Другъ и товарищъ, не говори такихъ рѣчей;
„Императоръ, оставившій намъ французовъ,

„Отдѣлилъ вотъ эти двадцать тысячъ.
„Межъ нихъ нѣтъ ни одного труса;
„За своего господина должно перенести всякія муки,—
„Претерпѣть и сильный холодъ и великій зной,
„Пожертвовать и кровью, и тѣломъ.
„Рази ты копьемъ, а я—Дюрандалемъ,
„Добрымъ мечемъ, что подарилъ мнѣ король.
„И если я погибну,—кто завладѣетъ имъ,—скажетъ:
„Это былъ мечъ благороднаго вассала!“

XCV.

Съ другой стороны—архіепископъ Турпинъ;
Онъ пришпорилъ коня и поднялся на холмъ;
Обратился къ французамъ, сказалъ имъ рѣчь:
„Синьоры бароны, Карлъ оставилъ насъ здѣсь,—
„За нашего короля мы должны умереть,
„Помогите поддержать христіанство.
„Несомнѣнно насъ ожидаетъ битва,
„Ибо вотъ, передъ вашими глазами, сарацины.
„Исповѣдайтесь въ вашихъ грѣхахъ и помолитесь о милости Богу.
„Для спасенія душъ я дамъ вамъ разрѣшеніе.
„Если умрете, станете святыми мучениками:
„Въ великомъ раю вамъ уготованы мѣста“.
Французы спѣшились, склонились на колѣни,
И архіепископъ именемъ Божіимъ благословляетъ ихъ:
„Во искупленіе велитъ ударить на невѣрныхъ“.

XCVI.

Французы воспрянули, встаютъ на ноги:
Они разрѣшены, свободны отъ грѣховъ.
И архіепископъ во имя Господне ихъ перекрестилъ;
Потомъ они вскочили на борзыхъ коней.
Вооружены они по-рыцарски
И совсѣмъ готовы къ битвѣ.

Графъ Роландъ зоветъ Оливьера:
„Товарищъ, вы вѣрно сказали,
„Что предалъ насъ графъ Ганелонъ;
„Онъ взялъ за это золото и имущество, и деньги.
„Императоръ долженъ бы отомстить за насъ.
„Король Марсилій о насъ сторговался,
„Но мы расплатимся съ нимъ мечами".

XCVII.

Роландъ въѣзжаетъ въ ущелья Испаніи
На Вейллантифѣ, добромъ, борзомъ конѣ.
На немъ—блестящее вооруженье.
И въ рукѣ барона копье,
Остреемъ обращенное къ небу,
А при концѣ прикрѣпленъ бѣлый значекъ.
Золотыя кисти его ниспадаютъ до рукъ.
Тѣломъ онъ статенъ, лицо—свѣтлое, веселое.
За нимъ слѣдуетъ его товарищъ [1]),
А французы называютъ его своимъ оплотомъ.
На сарацинъ онъ взглянулъ надменно—
И любовно-привѣтно—на французовъ.
Потомъ онъ сказалъ ласковое слово:
„Синьоры бароны, ступайте сдержаннымъ шагомъ;
„Эти язычники обрѣтутъ здѣсь великія муки;
„Еще получимъ добрую и славную добычу,
„Какой доселѣ не вѣдалъ и отважнѣйшій изъ королей Франціи".
При этихъ словахъ, войска встрѣтились.

XCVIII.

Сказалъ Оливьеръ: „Не къ чему теперь говорить;
„Вы не изволили затрубить въ олифантъ,—
„Ничего вамъ не будетъ отъ Карла;

[1]) Оливьеръ.

„Конечно, онъ невиненъ: ибо ни слова не зналъ о томъ.
„Да и тѣхъ, что тамъ, нечѣмъ упрекнуть.
„Теперь скачите какъ можно быстрѣе,
„Синьоры бароны, и держите поле за собой!
„Заклинаю васъ Богомъ, думайте только о томъ,
„Какъ бы наносить и отражать удары.
„Да не забывайте знамени Карла".
При этомъ словѣ французы вскричали разомъ:
„Монжуа!" [1]) Кто слышалъ тотъ кличъ ихъ,
Тотъ понялъ, что такое отвага.
Затѣмъ они поскакали,—Боже, съ какимъ одушевленіемъ!
Чтобы ускорить бѣгъ, дали шпоры конямъ—
И стали разить—что было дѣлать иное?
Но сарацины не оробѣли,—
И вотъ франки и язычники сошлись въ бою.

Битва.

XCIX.

Племянникъ Марсилія (имя его Аэльротъ)
Скачетъ первымъ впереди войска.
[У него прекрасное оружіе, сильный и борзый конь.]
Нашимъ французамъ бранное молвитъ слово:
„Коварные французы, сегодня вы помѣритесь съ нами;
„Вашъ защитникъ предалъ васъ,
„Безумецъ король покинулъ васъ въ ущельяхъ:
„Милая Франція свою утратитъ славу,
„А Карлъ Великій свою правую руку.

---

[1]) Монjоіе—слово, начертанное на знамени Карла Великаго и сдѣлавшееся военнымъ кликомъ французовъ. Этимологія этого слова до сихъ поръ не выяснена точнымъ образомъ. Нѣкоторые изслѣдователи и, въ числѣ ихъ, Ѳ. И. Буслаевъ, полагаютъ, что этотъ воинственный кликъ остался въ память Карлова меча, который названъ Joyeuse отъ святыни, заключенной въ его рукояти (отъ слова joie, имѣющаго значеніе „драгоцѣнный").

[„Наконецъ-то Испанія обрѣтетъ покой“!]
Когда Роландъ услыхалъ это, Боже, какъ онъ возмутился!
Пришпоривъ коня золотыми шпорами,
Графъ разитъ (язычника) со всей силы.
Онъ разрубаетъ его щитъ, разсѣкаетъ кольчугу,
[Пронзаетъ тѣло его своимъ длиннымъ мечемъ,]
Распарываетъ грудь, раздробляетъ кости,
Отдѣляетъ крестецъ спины
И своимъ копьемъ исторгаетъ душу изъ тѣла.
Ударъ былъ лихъ, пошатнулось тѣло,
Съ размаху онъ сбросилъ его мертвымъ съ коня,
Шея язычника была разсѣчена на-двое.
А тотъ не преминулъ еще ему сказать:
„Прочь, негодный! Карлъ—не безумецъ вовсе,
„А предательства всегда не любилъ.
„Оставивъ насъ въ ущельяхъ, онъ поступилъ отважно,
„И Франція сегодня не утратитъ своей славы.
„Бейте ихъ, франки! за нами первый ударъ,
„За нами право—хищники виновны“.

C.

Тамъ есть герцогъ, по имени Фальзаронъ;
Онъ—братъ короля Марсилія.
Онъ владѣетъ землею Даѳана и Авирона,
Подъ небомъ нѣтъ человѣка наглѣй и коварнѣй.
Межъ глазъ у него—громадный лобъ,
Мѣрою съ добрыхъ полпяди.
При видѣ своего убитаго племянника, онъ внѣ себя отъ горя,
Выходитъ изъ толпы, бросается впередъ
И испускаетъ обычный кличъ невѣрныхъ,
Въ бѣшенствѣ на французовъ:
„Сегодня милая Франція утратитъ свою честь!“
Оливьеръ услыхалъ его и воспылалъ великимъ гнѣвомъ:
Золотыми шпорами онъ язвитъ коня
И разитъ, какъ истый баронъ.

Онъ расшибаетъ его щитъ и разсѣкаетъ панцырь,
Вонзаетъ въ тѣло его древко значка
И, съ размаху, выбиваетъ его мертвымъ изъ сѣдла.
Смотритъ на землю и, видя распростертаго хищника,
Гордо молвитъ слова:
„О вашихъ угрозахъ, злодѣй, я не забочусь.
„Бейте ихъ, франки, мы побѣдимъ отлично!
„Монжуа!“—крикнулъ онъ,—„это Карлово знамя“.

CI.

Тамъ есть король, по имени Корсаблисъ;
Онъ изъ Барбаріи, далекой страны.
Вотъ онъ взываетъ къ остальнымъ сарацинамъ:
„Мы легко можемъ выдержать битву,
„Ибо французовъ такъ мало!
„Тѣ, что предъ нами, совсѣмъ ничтожны;
„Карлу тутъ ничѣмъ не помочь,
„Такъ что сегодня имъ не миновать смерти“.
Услыхалъ его архіепископъ Турпинъ—
Подъ небомъ нѣтъ столь ненавистнаго ему человѣка.
Пришпоривъ своего коня золотыми шпорами,
Онъ нанесъ (Корсаблису) жестокій ударъ.
Щитъ разнесенъ въ куски, панцырь изорванъ;
Онъ вонзилъ ему копье въ середину тѣла.
Ударъ такъ силенъ, что тотъ пошатнулся;
Съ размаху, онъ свалилъ его мертвымъ на дорогу.
Смотритъ на землю,—видитъ хищника распростертымъ;
Не давъ промолвить тому, онъ сказалъ:
„Подлый язычникъ, вы солгали;
„Карлъ, мой повелитель,—всегдашній нашъ оплотъ,
„Французы же наши неспособны бѣжать.
„Вашихъ товарищей мы здѣсь заставимъ остаться.
„А вы претерпите еще новую смерть [1]).

[1]) По мнѣнію Турпина, Корсаблиса, какъ язычника, ожидаетъ еще смерть души за гробомъ.

„Бейте, французы, и не забывайте своего долга.
„Слава Богу, за нами первый ударъ!“
„Монжуа!“ крикнулъ онъ, чтобы удержать за собою поле.

CII.

А Жеренъ ударилъ на Мальпримія Бригальскаго—
Добрый щитъ не послужилъ тому ни мало;
Хрустальное навершье разбито, [1])
И половина его свалилась на землю.
Панцырь его онъ пробилъ до самаго тѣла,
И пронзилъ его насквозь своимъ добрымъ копьемъ.
Отъ одного удара язычникъ свалился на-земь;
Сатана забралъ его душу.

CIII.

А товарищъ его, Жерье, поразилъ Амирафля;
Онъ разбиваетъ его щитъ и разсѣкаетъ панцырь,
Пронзаетъ сердце добрымъ своимъ копьемъ;
Ударилъ такъ, что тотъ пробитъ насквозь
И мертвымъ сваленъ на землю, съ размаху.
Молвилъ Оливьеръ: „Прекрасна наша битва!“

CIV.

Герцогъ Самсонъ устремляется на Альмасура;
Онъ разбиваетъ ему щитъ, золотой въ жемчугахъ,
Добрый панцырь ему не защита,—
Пронзаетъ его сердце, печень и легкое,
И мертвымъ кидаетъ,—кто пожалѣетъ, кто нѣтъ.
Сказалъ архіепископъ: „Вотъ это баронскій ударъ!“

---

[1]) Щитъ, состоявшій изъ досокъ, обтянутыхъ кожей, съ разноцвѣтными полями, имѣлъ по срединѣ хрустальное, либо золотое навершье. Онъ былъ такъ великъ, что закрывалъ воина съ головы до ногъ. При походѣ его вѣшали на шею.

CV.

Ансеисъ пустилъ своего коня
И устремился на Тургиса-изъ-Тортозы.
Подъ золотымъ навершьемъ онъ разбиваетъ ему щитъ,
Разрываетъ подкладку двойного панцыря,
Вонзаетъ въ тѣло доброе копье—
И ударилъ такъ, что пронзаетъ его насквозь,
Съ размаху, валитъ мертвымъ на-земь.
И сказалъ Роландъ: „Вотъ молодецкій ударъ!“

CVI.

И Анжелье, гасконецъ бордосскій,
Пришпорилъ коня, опустилъ повода
И ударилъ на Эскремиса изъ Вальтіерры,
Раздробилъ ему щитъ на шеѣ,
Прорвалъ кольчугу панцыря,
Поразилъ въ грудь, между плечъ,
И, съ размаху, мертвымъ выбилъ изъ сѣдла.
„Затѣмъ промолвилъ: „Всѣмъ вамъ погибель!“

CVII.

И Огонъ поразилъ язычника Эсторгана
Въ переднюю обшивку щита
И снесъ съ него цвѣта, алый и бѣлый;
Разнесъ его въ клочья
И въ тѣло вогналъ свое доброе острое копье,
Мертвымъ сваливъ съ ускакавшаго коня.
И онъ молвилъ: „Вамъ не будетъ защиты“.

CVIII.

И Беранжье поразилъ Эстрамариса:
Расшибъ его щитъ и панцырь разорвалъ,
Пронзилъ его тѣло своимъ могучимъ копьемъ
И свалилъ мертвымъ посреди тысячи сарацинъ.
Изъ двѣнадцати пэровъ (язычниковъ) десять уже убиты;

Двое лишь остались въ живыхъ:
Шернублій и графъ Маргарисъ.

CIX.

Маргарисъ—очень храбрый рыцарь,
И красивъ, и силенъ, и легокъ и быстръ;
Онъ пришпорилъ коня и ударилъ на Оливьера.
Подъ навершьемъ изъ чистаго золота онъ разбилъ его щитъ
И копьемъ нацѣлился въ бокъ.
Богъ спасъ (Оливьера)—ударъ его не коснулся:
Копье, скользнувъ, ничего не задѣло.
Тотъ проскакалъ безпрепятственно дальше,
Затрубилъ въ рогъ, чтобы собрать своихъ.

CX.

Битва чудовищная, общая свалка:
Графъ Роландъ не боится опасности,
Онъ разитъ копьемъ, пока цѣло древко;
Отъ пятнадцати ударовъ расшиблось оно и разбилось,—
Онъ обнажаетъ Дюрандаль, свой добрый мечъ,
Шпоритъ коня и устремляется на Шернублія—
Крушитъ его шлемъ, блиставшій каменьями,
Разсѣкаетъ на-двое тулью и волоса;
И разсѣкаетъ глаза и лицо,
Бѣлый панцырь изъ тонкихъ чешуекъ
И все тѣло до самого низу,
До сѣдла съ золотымъ узоромъ.
Мечъ врѣзался въ тѣло коня,
Разсѣкъ, какъ попало, хребетъ—
И на густую траву свалилъ мертвыми обоихъ.
Послѣ сказалъ: „Презрѣнный, не кстати пожаловалъ ты:
„Магометъ не придетъ ужъ къ тебѣ на помощь,—
„Не такому хищнику одержать побѣду!“

CXI.

По полю битвы мчится графъ Роландъ,
Держитъ онъ Дюрандаль, что ловко сѣчетъ и рубитъ,—
Чрезъ то сарацинамъ великій уронъ.
Кто бы видѣлъ, какъ онъ бросалъ одного мертвеца на другого,
И чистая кровь струилась по землѣ.
Весь онъ красенъ отъ крови, и панцырь его и руки,
Плечи и шея его добраго коня.
И Оливьеръ не отстаетъ въ нанесеніи ударовъ.
Двѣнадцать пэровъ также нельзя упрекнуть,
И французы разятъ и дерутся.
Невѣрные гибнутъ или обмираютъ отъ страха.
Сказалъ архіепископъ: „Молодцы наши бароны!“
„Монжуа!“ крикнулъ онъ,—„то—знамя Карла!“

CXII.

И Оливьеръ мчится по полю битвы;
Древко его копья разбито, въ рукѣ лишь обломокъ его.
И наноситъ онъ ударъ язычнику Мальзарону.
Разбиваетъ его щитъ, золотой въ жемчугахъ,
Вырываетъ оба глаза изъ головы,
И мозгъ его падаетъ къ его ногамъ.
Онъ свалилъ его мертвымъ, вмѣстѣ съ семьюстами его (единоплеменниковъ).
Затѣмъ, онъ убилъ Тюргина и Эсторгуса;
Копье его раздробилось до самой рукояти.
И молвитъ Роландъ: „Товарищъ, что вы дѣлаете?
„Для битвы такой не палка нужна,—
„Пригодны тутъ будутъ лишь сталь да желѣзо.
„Гдѣ же мечъ вашъ, что зовется Альтклеромъ? [1])

[1]) Мечъ этотъ выкованъ былъ кузнецомъ Веландомъ, а по другимъ сказаніямъ — Мунификантомъ и принадлежалъ нѣкогда Римскому императору Клозамонту, который потерялъ его въ лѣсу. Затѣмъ, онъ найденъ былъ косарями, которые принесли его папѣ. Отъ него онъ перешелъ къ Пипину, который подарилъ его какому-то герцогу, а послѣдній продалъ еврею. Еврей же уступилъ этотъ мечъ Оливьеру, какъ разъ передъ поединкомъ его съ Роландомъ, подъ стѣнами Вѣны.

„Дужка у него золотыя, а вершина рукоятки хрустальная?
—„Некогда извлечь его,“ отвѣчаетъ Оливьеръ:
„Нужно разить и разить!“

CXIII.

Графъ Оливьеръ обнажилъ добрый свой мечъ,
О которомъ просилъ его товарищъ,
И, какъ истый рыцарь, явилъ его.
Онъ поразилъ язычника Юстина изъ Валь-Феррэ,—
На-двое разрубилъ ему голову,
Разсѣкъ тѣло и расшитый панцырь,
Доброе сѣдло, въ золотѣ и каменьяхъ,
И разсѣкъ онъ также спину коня;
Свалилъ мертвыми обоихъ на лугъ.
Роландъ молвилъ ему: „Отнынѣ я съ вами братаюсь.
За такіе-то удары насъ любитъ императоръ.“
Отовсюду понесся кликъ: „Монжуа!“

CXIV.

Графъ Жеренъ сидитъ на конѣ Сорелѣ,
И товарищъ его Жерье—на Пассъ-Серфѣ;
Они опустили поводья и лихо пришпорили коней.
Оба ударили на язычника Тимозеля:
Одинъ разилъ по щиту, другой—по кольчугѣ.
Оба копья свои сломили въ его тѣлѣ—
И вмигъ свалили его мертвымъ посреди поля.
Не знаю, никогда не слышалъ,
Кто изъ двухъ дѣйствовалъ тутъ проворнѣй.
Былъ тамъ Эсперверисъ, сынъ Бореля:—
Его убилъ Анжелье бордосскій.
А архіепископъ убилъ Сиглореля,
Чародѣя, побывавшаго уже въ аду—
Посредствомъ колдовства свелъ его (туда) Юпитеръ.
И сказалъ Турпинъ: „Вотъ истый злодѣй.“

Роландъ же отвѣчалъ: „Сраженъ презрѣнный!
„Братъ Оливьеръ, любы мнѣ такіе удары“.

CXV.

Битва становилась все ожесточеннѣй:
Франки и язычники обмѣнивались лихими ударами.
Одни нападаютъ, другіе защищаются.
Сколько сломанныхъ и окровавленныхъ копій!
Сколько знаменъ и значковъ разбито!
Сколько добрыхъ французовъ сгубило тутъ свою молодость!
Не увидѣть имъ уже болѣе своихъ матерей и женъ,
Ни тѣхъ изъ Франціи, что ждутъ ихъ въ ущельяхъ.
Карлъ Великій плачетъ по нихъ и скорбитъ...
Увы, къ чему? Имъ не будетъ подмоги.
Ганелонъ оказалъ имъ плохую услугу
Въ тотъ день, когда пошелъ въ Сарагоссу продать свою родню.
Потомъ погубилъ онъ и жизнь свою и тѣло:
На судѣ, въ Ахенѣ, его приговорили къ повѣшенію,
А съ нимъ и тридцать его родичей,
Которыхъ не избавили отъ смерти.

CXVI.

[Король Альмарисъ, со своей дружиной,
Узкимъ и жуткимъ проходомъ,
Приблизился къ Гвальтьеру, охранявшему гору
И ущелья съ испанской стороны.
„Измѣнникъ Ганелонъ,“ сказалъ вождь Гвальтьеръ,
„Совершилъ прискорбную торговлю нами.“

CXVII.

[Король Альмарисъ явился на гору,
И съ нимъ шестьдесятъ тысячъ язычниковъ
Яростно напали на французовъ.
Въ великомъ гнѣвѣ они разили ихъ,

Смѣшали всѣхъ, умерщвляли, избивали.
Гвальтьеръ освирѣпѣлъ болѣе всѣхъ остальныхъ:
Онъ выхватываетъ мечъ, прижимаетъ щитъ къ себѣ,
Рысью выѣзжаетъ къ первому ряду язычниковъ,—
Равняясь съ ними, шлетъ недобрый привѣтъ.]

CXVIII.

[Едва Гвальтьеръ поравнялся съ ними,
Язычники напали на него со всѣхъ сторонъ.
Крѣпкій щитъ его разбитъ и расшибленъ,
Бѣлый панцырь разорванъ и ободранъ.
Самъ онъ пронзенъ четырьмя копьями;
Онъ не можетъ терпѣть, и четыре раза обомлѣваетъ.
Волею-неволею, надо покинуть поле битвы;
Какъ можетъ, сползаетъ съ горы
И зоветъ Роланда: „Сюда, баронъ, ко мнѣ на помощь!“]

CXIX.

Битва чудовищна и тяжка:
Оливьеръ и Роландъ разятъ усердно,
Архіепископъ раздаетъ тысячи ударовъ,
Не отстаютъ отъ нихъ и двѣнадцать пэровъ.
Всѣ французы дерутся сообща.
Гибнутъ язычники тысячей и сотней.
Кто не бѣжитъ, не ускользнетъ отъ смерти:
Волей-неволей, всѣ здѣсь кончаютъ свой вѣкъ.
Французы теряютъ лучшую свою оборону:
[Крѣпкія копья и острыя пики,
И значки—синіе, алые, бѣлые;
Клинки ихъ мечей зазубрились,
И сколько погибло у нихъ храбрыхъ рыцарей!]
Не увидятъ ни отцовъ, ни семей,
Ни Карла Великаго, что ждетъ ихъ въ ущельи.

Во Франціи, межъ тѣмъ,—ужасное бѣдствіе:
Буря, вѣтеръ и громъ,

Дождь и градъ безмѣрный,
Молніи повсюду и часты,
И землетрясеніе было взаправду.
Отъ Сенъ-Мишель-дю-Периль и до Сенъ-Кёльна,
Отъ Безансона до пристани Виссантской, [1])
Нѣтъ дома, гдѣ бы не треснули стѣны.
Въ полдень насталъ великій мракъ;
Проясняется лишь, когда разверзается небо.
Кто видѣлъ—боялся ужасно,
И многіе молвятъ: „То конецъ свѣта,
„Исходъ вѣка нынѣ предъ нами“.
Не знаютъ они, говорятъ неправду.—
То великая скорбь по смерти Роланда.

CXX.

[Ужасны знаменія, и страшна гроза;
Во Франціи было множество предвѣщаній:
Съ полудня и до вечерняго часа—
Темная ночь и мракъ.
Ни солнце; ни луна не бросаютъ свѣта.
Всѣ, что видятъ это, боятся за жизнь.
Но, по истинѣ, можно быть въ такомъ горѣ,
Когда умираетъ Роландъ, который велъ всѣхъ другихъ.
Лучше его не было еще на землѣ,
Чтобы побѣждать язычниковъ и покорять царства.]

CXXI.

[Ожесточенная, лютая битва!
Французы разятъ острыми мечами,—
Нѣтъ ни кого, кто не былъ бы окровавленъ.
Кричатъ: монжуа!—знаменитый призывъ,—
Язычники бѣгутъ повсюду.
Франки, люди святой земли, преслѣдуютъ ихъ.
Видятъ они теперь, какъ битва жестока.]

---

[1]) Гюидзанъ или нывѣшн. Виссанъ, деревня между Булонь и Калэ.

CXXII.

[Невѣрные, съ горемъ и яростью въ сердцѣ,
Бросаютъ поле сраженія и обращаются въ бѣгство
Ихъ преслѣдуютъ, хотятъ ихъ настичь.
Вся долина покрыта бойцами:
Столько сарацинъ полегло на густой травѣ,
Столько бѣлыхъ панцырей, блестящихъ броней,
Столько изломанныхъ копій и знаменъ въ лоскутьяхъ!
Въ этой битвѣ побѣдили французы:
Боже! какъ тягость для нихъ растетъ!
Карлъ потеряетъ въ нихъ свою опору и гордость.
Велика скорбь, ожидающая Францію!]

CXXIII.

Французы дерутся лихо и усердно,
Невѣрные гибнутъ тысячами, тьмами.
Изъ ста тысячъ не осталось въ живыхъ и двѣ.
Говоритъ архіепископъ: „Наши воины храбры!
„Подъ небомъ нѣтъ царя, имѣющаго лучшихъ.
„Въ лѣтописяхъ [1]) Франціи написано:
[„Такъ должно быть по праву въ великой странѣ,]
„Чтобы нашему императору служили добрые вассалы".
Идутъ они по долинѣ, отыскиваютъ своихъ.
Плачутъ ихъ очи отъ горя и жалости,—
Изъ сердечной любви къ ихъ родичамъ.
Вотъ предъ ними покажется Марсилій съ великой ратью.

CXXIV.

[Графъ Роландъ—добрый рыцарь,
И Оливьеръ и всѣ двѣнадцать пэровъ,
Да и французы дѣйствуютъ весьма похвально.

---

[1]) La geste Francur. Одна изъ предполагаемыхъ хроникъ, на которую охотно ссылается французскій эпосъ. Дѣло идетъ несомнѣнно о болѣе древней пѣснѣ, либо устномъ преданіи.

Язычникамъ смерть приноситъ ихъ доблесть.
Изъ ста тысячъ одинъ лишь спасся,—
То Маргарисъ, да и тотъ бѣжитъ.
Но хоть онъ и бѣжитъ, его нельзя упрекнуть:
Онъ явитъ на тѣлѣ его великіе знаки (храбрости),—
Онъ пронзенъ четырьмя ударами копья.
Онъ возвращается въ Испанію
Разсказать обо всемъ королю Марсилію.]

CXXV.

[Король Маргарисъ отправился одинъ.
Копье его сломано; разбитаго щита
Подъ навершьемъ не длиннѣе полупяди осталось.
Сталь его меча окровавлена,
Панцырь пробитъ и растерзанъ,
Самъ онъ пронзенъ четырьмя копьями.
Такъ возвращается онъ съ поля битвы, гдѣ лихо сражались.
Боже! что это за баронъ, будь онъ христіанинъ!
Онъ все возвѣщаетъ королю Марсилію
И внезапно падаетъ къ его ногамъ.
И молвитъ: „Государь, скорѣй на коня;
„Вы застанете франковъ изъ Франціи утомленными,—
„Такъ они били и мучили нашихъ.
„Ихъ копья и пики утрачены,
„Большая часть ихъ перебита;
„Оставшіеся въ живыхъ сильно ослабѣли,
„Множество раненыхъ, обагренныхъ кровью,
„И у нихъ нѣтъ оружія для защиты!
„Вы безъ труда отмстите за нашихъ.
„Хорошо будетъ ихъ побѣдить, государь,—знайте это".
Французы зовутъ Роланда и Оливьера:
„Двѣнадцать пэровъ, къ намъ на помощь!"
Архіепископъ первый имъ отвѣтствовалъ:
„Божьи люди, будьте добры и храбры;
„Сегодня примете вѣнцы на чело,

„И вамъ уготованъ святой рай.“
Горе и жалость охватили ихъ тогда.
Одинъ оплакиваетъ другого по дружбѣ,
Всѣ обмѣнялись поцѣлуемъ любовно.
Роландъ воскликнулъ: „Бароны, теперь на коней,—
Вотъ—Марсилій и съ нимъ сто тысячъ рыцарей.“]

CXXVI.

Долиной ѣдетъ Марсилій
Съ великимъ войскомъ, которое онъ собралъ
И раздѣлилъ на двѣнадцать отрядовъ.
Сверкаютъ каменья и золото шлемовъ,
[И копья, и знамена,]
И щиты, и узорныя брони.
Семь тысячъ роговъ трубятъ наступленье.
Какой шумъ по всей странѣ!
И молвитъ Роландъ: „Оливьеръ, товарищъ, братъ,
„Ганелонъ—измѣнникъ поклялся въ нашей смерти;
„Его предательство теперь очевидно.
„Но жестоко отмститъ ему императоръ.
„Будетъ сильная и жаркая битва:
„Ибо никогда еще не видано такой встрѣчи.
„Я буду рубить моимъ Дюрандалемъ,
„А вы, товарищъ, рубите Альтклэромъ.
„По многимъ землямъ мы обнажали ихъ;
„Столько побѣдъ одержано ими!
„Пусть же не поютъ про насъ недобрыхъ пѣсенъ.“

CXXVII.

Когда французы увидали столько язычниковъ,
Что все поле, повсюду, покрыто ими,
Стали звать Оливьера и Роланда
И двѣнадцать пэровъ, чтобы тѣ ихъ защитили.
Архіепископъ сказалъ имъ тогда свое мнѣнье:
„Синьоры бароны, не смущайтесь,

„Ради Бога, не побѣгите,
„Чтобы добрые люди не пѣли плохого.
„Лучше умереть, сражаясь.
„Весьма возможно, что насъ ожидаетъ смерть:
„Дольше этого дня намъ уже не прожить.
„Но за одно я могу вамъ поручиться:
„Святой рай будетъ вамъ отверстъ,
„Завтра вы возсядете тамъ среди Невинныхъ.“ [1])
Послѣ этихъ словъ, франки пріободрились.
[Они пришпорили впередъ быстрыхъ коней]
И воскликнули всѣ разомъ: монжуа!

CXXVIII.

[Король Марсилій—коварный король.
Онъ молвилъ язычникамъ: „Послушайте меня:
„Графъ Роландъ—чудовищной силы,
„Кто захочетъ его одолѣть—потрудится много:
„Для побѣды, я думаю, мало двухъ битвъ—
„Если вы согласны, дадимъ ему три битвы.
„Десять нашихъ отрядовъ станутъ противъ французовъ.
„Другіе же десять останутся со мною.
„Вотъ тутъ-то Карлъ потеряетъ могущество
„И увидитъ Францію покрытой великимъ позоромъ!“
Онъ передалъ Грандонію златокованное знамя,
Чтобы вести его воиновъ противъ французовъ:
„Онъ облекъ его королевскою властью.“]

CXXIX.

[Король Марсилій остался на верху горы,
Грандоній же спустился внизъ, на долину;
Значекъ его прибитъ тремя златыми гвоздями.
Крикнулъ онъ: „На коней, бароны!“

[1]) Разумѣются младенцы, избитые Иродомъ, особо чтимые въ средневѣковьи, какъ первые мученики за Христа; къ нимъ приравнивались христіанскіе воины, на брани убіенные. (А. Кирпичниковъ).

Тысячи роговъ затрубили звонкогласныхъ.
Сказали французы: „Господи Отче, что намъ дѣлать?
„На горе пришлось намъ увидѣть Ганелона!
„Это онъ насъ измѣннически продалъ.
„Къ намъ на помощь, двѣнадцать пэровъ!“
Тогда архіепископъ отвѣтилъ имъ:
„Добрые рыцари, сегодня вы получите честь—
„Богъ дастъ вамъ вѣнки и цвѣты,
„Въ раю, посреди блаженныхъ.
„Но трусамъ не будетъ тамъ мѣста.“
Французы отвѣчали: „мы исполнимъ все;
„Скорѣе помремъ, чѣмъ станемъ измѣнниками.“
Они подогнали коней золотыми шпорами
И устремились на проклятыхъ злодѣевъ.]

CXXX.

[Король Марсилій раздѣлилъ свое войско:
Десять отрядовъ оставилъ при себѣ,
И вотъ остальные десять несутся въ бой.
Французы говорятъ: „Боже! намъ будетъ гибель!
„Что станется съ двѣнадцатью пэрами?“
Архіепископъ Турпинъ отвѣчаетъ имъ первый:
„Добрые рыцари, вы угодны Богу,
„Нынѣ украситесь вы вѣнками и цвѣтами;
„Упокоитесь на святыхъ цвѣтахъ рая.
„Но трусамъ же вовѣки не войти туда.“
Французы отвѣчаютъ: „Мы не отступимъ.
„Если на то воля Божія, да будетъ такъ;
„Мы станемъ сражаться съ врагами.
„Мало насъ, но отваги въ насъ много.“
И, пришпоривъ коней, грянули на язычниковъ—
И вотъ французы и сарацины въ схваткѣ.]

CXXXI.

Былъ тамъ нѣкій сарацинъ изъ Сарагоссы—
Пол-города ему принадлежитъ.

То—Климоринъ, но онъ—совсѣмъ не витязь.
Онъ принялъ клятвы графа Ганелона,
По дружбѣ, лобызалъ его за то въ уста;
Онъ даже далъ ему свой мечъ и карбункулъ.
„Великая страна“, сказалъ онъ, „покроется позоромъ:
„У императора отнимется вѣнецъ“.
Онъ сидитъ на конѣ, что зовется Барбамушъ,
Что несется быстрѣе сокола и ласточки.
Онъ пришпорилъ его, опустилъ повода
И наноситъ ударъ Анжелье-гасконцу.
Ни броня, ни щитъ не могли его защитить:
Вонзилось ему въ тѣло копье
Съ такою силой, что острее прошло насквозь.
Съ размаху, онъ мертвымъ кинулъ его на-земь.
Потомъ кричитъ: „Ловко ихъ побѣждать:
„Бейте, язычники, прорвите ихъ строй.
Сказали французы: „Боже, какъ жаль храбреца!“

CXXXII.

Графъ Роландъ взываетъ къ Оливьеру:
„Товарищъ, вотъ и погибъ Анжелье;
„У насъ не было рыцаря храбрѣе.“
Оливьеръ отвѣчаетъ: „Дай мнѣ Богъ отмстить за него!“
Онъ язвитъ коня шпорами чистаго золота;
Держитъ Альтклэръ, съ окровавленнымъ клинкомъ,
Со всей силы разитъ язычника,
[Разсѣкаетъ тѣло, убиваетъ коня:]
Размахивается еще разъ,—и сарацинъ падаетъ,
Душу его уносятъ бѣсы.
Потомъ онъ убилъ герцога Альфайана,
Обезглавилъ Эскабаба
И выбилъ изъ сѣдла семь арабовъ:
Имъ уже никогда не придется воевать.
И Роландъ говоритъ: „Товарищъ мой разъяренъ,—
„По-моему, дѣйствуетъ онъ похвально.

„За такіе удары Карлъ насъ больше полюбитъ.“
И воскликнулъ: „Разите ихъ, рыцари.“

CXXXIII.

Съ другой стороны—язычникъ Вальдабрунъ,
Что посвящалъ въ рыцари короля Марсилія.
Онъ—владѣлецъ четырехсотъ кораблей на морѣ.
Нѣтъ моряка, что не гордился бы имъ;
Онъ измѣной завладѣлъ Іерусалимомъ [1]);
Разрушилъ тамъ храмъ Соломона
И передъ купелью умертвилъ патріарха.
Онъ-то принялъ увѣреніе отъ графа Ганелона—
И подарилъ ему свой мечъ и тысячу мангуновъ [2]).
Онъ сидитъ на конѣ, что зовется Грамимондъ:
Соколъ не быстрѣе его.
Онъ язвитъ коня острыми шпорами—
И ударилъ на могучаго герцога Самсона.
Расшибаетъ его щитъ, разрываетъ кольчугу,
Вонзаетъ въ тѣло древко значка
И, съ размаху, выбиваетъ его, мертваго, изъ сѣдла,—
Кричитъ онъ: „Злодѣи, всѣ вы погибнете!
„Разите, язычники,—мы ихъ одолѣемъ отлично.“
Французы сказали: „Боже! какъ жаль барона!“

CXXXIV.

Когда графъ Роландъ увидѣлъ Самсона мертвымъ,
Подумайте, какое было ему великое горе.
Онъ пришпорилъ коня и помчался во весь опоръ.
Въ рукѣ его Дюрандаль, драгоцѣннѣе чистаго злата.

---

[1]) Въ 1012 г. калифъ Гакемъ, преслѣдуя христіанъ, разрушилъ большой храмъ въ Іерусалимѣ и велѣлъ выколоть глаза патріарху Іереміи. Слухъ объ этихъ злодѣяніяхъ распространился по всей Европѣ и, можетъ быть, вдохновилъ автора пѣсни о Роландѣ, или одного изъ его предшественниковъ.

[2]) См. прим. къ ст. 621.

Онъ разитъ язычника со всей силы
По шлему, украшенному золотомъ и каменьями,
Разсѣкаетъ голову и броню и тѣло,
Сѣдло съ золотымъ узоромъ
И глубоко спину коня.
Оба убиты (въ похвалу иль въ укоръ).
Молвятъ язычники: „Жестокій ударъ нанесъ онъ намъ!“
Отвѣчаетъ Роландъ: „Не терплю я вашихъ:
„Въ васъ и гордыня, и вина.“

CXXXV.

Тамъ есть африканецъ, пришедшій изъ Африки:
То—Малкиданъ, сынъ короля Малкуда.
Все оружіе его изъ кованаго золота
И ярче всѣхъ сверкаетъ на солнцѣ.
Сидитъ онъ на конѣ, что зовутъ Сальт-Пердю,—
Нѣтъ животнаго, чтобъ его осилило въ бѣгѣ.
[Онъ пришпорилъ его острыми шпорами]
И ударилъ по щиту Ансеиса—
И отбилъ съ него позолоту и лазурь;
Разорвалъ ему полы кольчуги
И вонзаетъ ему въ тѣло острее и древко.
Умеръ графъ—вѣкъ его миновалъ.
Сказали французы: „Баронъ, какое несчастье!“

CXXXVI.

По полю битвы носится архіепископъ Турпинъ;
Не бывало священника, чтобы пѣлъ обѣдню
И выказывалъ такую удаль и тѣлесную ловкость.
Молвитъ язычнику: „Будь ты проклятъ Богомъ:
„Ты убилъ того, о комъ сердце мое скорбитъ.“
Затѣмъ онъ, припустивъ добраго коня,
Наноситъ (Мулкидану) ударъ по толедскому щиту
И мертвымъ сбиваетъ на зеленую траву.
Говорятъ французы: „Лихо разитъ нашъ архіепископъ!“]

*

CXXXVII.

Съ другой стороны—Грандоній, язычникъ,
Сынъ Капуэля, короля Каппадокіи.
Онъ сидитъ на конѣ, что Марморіемъ зовется:
Птица на лету не быстрѣе его.
Пустилъ поводья, пришпорилъ коня
И всею силою обрушился на Жерена;
Онъ разсѣкъ щитъ его и нанесъ ему жестокій ударъ:
Разрубилъ его панцырь
И вонзилъ ему въ тѣло весь свой синій значекъ,—
Свалился мертвымъ на вершинѣ скалы.
Еще онъ убилъ его товарища Жервье
И Беранжье, и Гюи изъ Сентъ-Антуана;
Затѣмъ напалъ на Осторія, богатаго герцога,
Что владѣетъ на Ронѣ (областью) Валенціей.
Онъ сразилъ и его,—язычники въ радости великой.
А французы говорятъ: „Много нашихъ гибнетъ!“

CXXXVIII.

Графъ Роландъ держитъ окровавленный мечъ,
[Повсюду вздымая и являя его.]
Но услыхалъ онъ жалобы французовъ.
Такъ велико его горе, что сердце разрывается;
Молвитъ язычнику: „Богъ попуталъ тебя,
„Что убилъ ты того, за кого поплатишься дорого.“
Онъ пришпорилъ коня и понесся.
Кто кого побѣдитъ?—но они сошлись.

CXXXIX.

Грандоній былъ уменъ и отваженъ,
И доблестный воинъ въ бою.
На пути своемъ онъ повстрѣчалъ Роланда:
Никогда не видалъ онъ его, но призналъ тотчасъ,
По гордому челу, по красивому стану,
По осанкѣ его и по взгляду.

[Онъ видитъ кровавую сталь Дюрандаля,]—
Невольно робѣетъ.
Онъ хочетъ бѣжать—увы! ни къ чему.
Графъ разитъ его столь жестоко:
Разрубаетъ шлемъ до наносницы, [1])
Разсѣкаетъ носъ, ротъ, зубы;
Разсѣкаетъ тѣло и чешуйчатый панцырь,
И серебрянную луку золотого сѣдла,
И глубоко (разрубаетъ) спину коня,—
Убиваетъ на-повалъ того и другого.
Выходцы изъ Испаніи испускаютъ крики горя.
Молвятъ французы: „Лихо разитъ нашъ витязь!“

CXL.

Чудовищна битва и жарка.
Французы разятъ могуче и яростно:
Рубятъ руки, бока, спины,
Одежду до живого тѣла.
[Боже! сколько разсѣченныхъ головъ,
Сколько разрубленныхъ панцырей, рваныхъ броней!]
По зеленой травѣ струится чистая кровь;
[Молвятъ язычники: „Намъ не вытерпѣть!“]
„О великая страна, да проклянетъ тебя Магометъ,
„Твой народъ—изъ всѣхъ самый отважный!“
Не было (сарацина), что не кричалъ бы: „Марсилій!
„Скачи, король!—„Мы нуждаемся въ помощи.“

CXLI.

Чудовищна, неимовѣрна битва.
Французы разятъ копьями изъ черненой стали.
Тамъ можно было увидѣть великое человѣческое страданіе,
Столько людей раненыхъ, окровавленныхъ, мертвыхъ.
Одинъ лежитъ на другомъ: то навзничь, то ницъ.

---

[1]) Nasel—часть шлема, пластинка, защищающая носъ.

[Столько добрыхъ коней, несущихся по полю
И волочущихъ за собой висящіе поводья.]
Сарацины не могутъ болѣе держаться;
Волею-неволею покидаютъ поле,
Французы живо преслѣдуютъ по пятамъ,
[До самаго Марсилія гонятъ ихъ, избивая.]

CXLII.

[Роландъ дерется, какъ мощный рыцарь;
Своимъ не даетъ онъ ни отдыху, ни сроку.
И французы быстро несутся на коняхъ—
По пятамъ язычниковъ, бѣгущихъ рысью, галопомъ.
Они по-поясъ въ алой крови.
Ихъ стальные клинки покривлены, иззубрены,
У нихъ нѣтъ уже оружія для защиты своей.
Когда вспоминаютъ они о своихъ рогахъ и трубахъ,
Каждый чувствуетъ себя бодрѣе.
Язычники кричатъ: „На горе пришли мы въ ущелье:
Великій потерпимъ мы уронъ!“
Покидаютъ поле, кажутъ намъ тылъ—
Французы жестоко разятъ ихъ мечами,
Рядъ мертвыхъ тянется до Марсилія.]

CXLIII.

Марсилій видитъ избіеніе своего народа:
Онъ велитъ трубить въ рога и трубы,—
Потомъ помчался со своей ратью.
Во главѣ ѣдетъ сарацинъ Абизмъ,—
Среди дружины нѣтъ коварнѣе его.
Онъ запятнанъ пороками, великимъ коварствомъ,
Не вѣритъ въ Бога, Сына святой Маріи;
Онъ черенъ, какъ растопленная смола;
Измѣну и вѣроломство онъ предпочитаетъ
Золоту всей Галисіи;
Никто никогда не видалъ у него шутки иль смѣха;

Онъ отваженъ и безумно храбръ:
За то онъ и милъ коварному королю Марсилію.
Онъ несетъ Дракона—знамя его дружины.
Не взлюбилъ этого язычника архіепископъ:
Едва завидѣлъ его, какъ возжаждалъ его поразить—
И весьма покойно сказалъ себѣ:
„Этотъ сарацинъ, кажется мнѣ,—великій еретикъ;
„Всегда не по душѣ мнѣ были трусы и трусость—
„Живъ самъ не буду, а ужъ убью его.“

CXLIV.

Архіепископъ началъ битву.
Онъ сидитъ на конѣ, отнятомъ нѣкогда у Гроссаля—
То былъ король, убитый имъ въ Даніи.
Конь легокъ и статенъ для бѣга;
У него точеныя копыта, стройныя ноги,
Короткое бедро, широкій крупъ,
Длинные бока и крутая спина,
До самой глотки статная шея;
Хвостъ бѣлый и желтая грива,
Маленькія уши и рыжая голова.
Ни одно животное не сравнится съ нимъ [1]).
Архіепископъ такъ отважно пришпорилъ его,
[Отпустивъ золотыя удила и уздечку,]
Что не замедлилъ напасть на Абизма:
Ударяетъ въ его чудный щитъ,
Что весь въ камняхъ, аметистахъ, топазахъ,
Хрусталяхъ и рудныхъ карбункулахъ;
Онъ получилъ его отъ эмира Галафра:
Дьяволъ далъ щитъ ему на Валь-Метасѣ.
Турпинъ разитъ его,—ему не сдобровать.
Послѣ такого удара, щитъ этотъ не стоитъ денье.
Разсѣкаетъ тѣло его на куски

[1]) Типъ коня, общій эпической поэзіи.

И валитъ его мертвымъ на мѣстѣ пустомъ.
[„Монжуа!“ восклицаетъ; то Карла кличъ!]
Французы молвятъ: „Лихой вассалъ,—
„Этотъ архіепископъ сумѣетъ защитить свой посохъ.
[„Пошли Богъ Карлу побольше такихъ!“]

CXLV.

Графъ Роландъ зоветъ Оливьера:
„Товарищъ, согласны ли вы со мною?
„Архіепископъ—превосходный рыцарь,
„Нѣтъ лучшаго на землѣ подъ небомъ.
„Ловко разитъ онъ копьемъ и пикой!“
Графъ отвѣчаетъ: „Пойдемъ, подсобимъ ему!“
Съ этими словомъ пріударили французы.
Жестоки удары, схватка жаркая.
Много мукъ терпятъ тутъ христіане.

CXLVI.

[Франки изъ Франціи утратили свое оружіе,
Но у нихъ уцѣлѣло еще триста обнаженныхъ мечей.
Они знай разятъ да рубятъ по блестящимъ шлемамъ.
Боже! сколько разсѣченныхъ пополамъ головъ!
Сколько разрубленныхъ панцырей, изломанныхъ латъ!
Рѣжутъ ноги, руки, лицо.
И говорятъ язычники: „Французы насъ калѣчатъ.
„Кто не защищается, тому жизнь недорога.“
Прямо къ Марсилію держатъ путь,
Кричатъ ему: „Добрый король, къ намъ на помощь!“
И молвитъ Марсилій, внявъ своему народу:
„Великая земля, да истребитъ тебя Магометъ,
„Племя твое одолѣло нашихъ!
„Столько сокрушили и отобрали они у насъ городовъ,
„Что теперь въ рукахъ сѣдобородаго Карла?
„Онъ завоевалъ Римъ, захватилъ Калабрію,
Константинополь и могучую Саксонію.

„Лучше смерть, чѣмъ бѣгство передъ французами.
„Разите, язычники, не щадите себя.
„Если Роландъ погибнетъ, Карлъ утратитъ свое подспорье:
„А останется живъ—не сдобровать намъ!]

CXLVII.

[Коварные сарацины разятъ копьями
По щитамъ, по шлемамъ, сверкающимъ на солнцѣ.
Только и слышенъ лязгъ желѣза да стали;
Искры отъ нихъ летятъ къ самому небу.
Кто бъ видѣлъ, какъ кровь и мозгъ проливались!
У графа Роланда скорбь и тягость [1])
При видѣ гибели столькихъ добрыхъ вассаловъ, вождей,
И припоминается ему Французская земля,
И дядя его, добрый король Карлъ Великій.
И мысли эти, волей-неволей, надрываютъ все его сердце.]

CXLVIII.

[Графъ Роландъ врѣзался въ средину схватки
И безъ устали наноситъ удары.
Держитъ онъ Дюрандаль, мечъ, извлеченный изъ ноженъ.
Онъ пронизаетъ имъ панцыри, расшибаетъ шлемы,
Сѣчетъ тѣла, руки, головы,
Бросаетъ на землю сотни невѣрныхъ,
Считавшихъ себя добрыми вассалами.]

CXLIX.

[На другой сторонѣ—Оливьеръ.
Онъ лихо разитъ и тѣснитъ.
Выхватываетъ онъ свой любимый Альтклеръ:
Кромѣ Дюрандаля, нѣтъ лучше его подъ небомъ.
Графъ держитъ его и храбро дерется.

---

[1]) Срв. былинное: „за бѣду стало
За великую досаду показалося“.

По локоть онъ залитъ алою кровью.
„Боже,“ молвитъ Роландъ, „что это за лихой вассалъ!
„Эхъ, благородный графъ, столь доблестный и храбрый,
„Сегодня настанетъ конецъ нашей дружбѣ:
„Сегодня ждетъ насъ горестная разлука.
„А Императору не увидѣть насъ болѣе.
„Никогда не бывало еще такого горя въ милой Франціи.
„Нѣтъ француза, который не молился бы за насъ
„И не справлялъ священныхъ службъ по монастырямъ.
„Души наши упокоятся въ раю“.
Оливьеръ услыхалъ его, пришпорилъ коня
И, сквозь сѣчу, пробрался поближе къ Роланду:
„Товарищъ, идите-ка сюда“, сказали они другъ другу;
„Мы не умремъ одинъ безъ другого, если дастъ Богъ!“]

CL.

1680Кто бъ видѣлъ, какъ Роландъ и Оливьеръ
Сражаются, разя мечами!
Архіепископъ разитъ копьемъ.
Можно и счесть перебитыхъ ими:
Число ихъ записано въ хартіяхъ и грамотахъ,
1685И лѣтопись говоритъ, что было ихъ болѣе четырехъ тысячъ.
Четыре первыя схватки прошли удачно для французовъ;
Но пятая оказалась пагубной и тяжкой:
Всѣ рыцари Франціи полегли въ ней,
И шестьдесятъ только избавилъ Богъ;
1690Но тѣ ужъ дорого продадутъ свою жизнь.

Звуки рога.

CLI.

Графъ Роландъ видитъ великую убыль своихъ,
Зоветъ своего товарища Оливьера:
„Прекрасный, милый товарищъ, ради Бога,—да благословитъ
Онъ васъ,—

„Взгляните, сколько добрыхъ вассаловъ полегло на землѣ:
„Жаль намъ тебя, милая Франція, краса!
„Лишишься ты столькихъ бароновъ!
„Эхъ, другъ нашъ король, отчего нѣтъ тебя съ нами?
„Братъ Оливьеръ, что намъ дѣлать,
„Какъ передать ему вѣсть о насъ?“
Говоритъ Оливьеръ: „Не знаю я средства.
„Но лучше смерть, чѣмъ позоръ отступленья“.

CLII.

И сказалъ Роландъ: „Въ свой олифантъ затрублю я,
„Его услышитъ Карлъ, идущій по ущелью.
„Клянусь вамъ: французы вернутся назадъ.“
Сказалъ Оливьеръ: „То будетъ великій намъ срамъ,
„И укоризна всѣмъ вашимъ родичамъ,
„Не избыть имъ этого позора во всю жизнь.
„Когда я говорилъ вамъ, вы не исполнили,
„Ну, а теперь вамъ нѣтъ моего одобренья:
„Трубите, пожалуй, но это совсѣмъ не отважно.
„Да и обѣ руки ваши уже всѣ въ крови.“
Отвѣчаетъ Роландъ: „Да, нанесъ я много лихихъ ударовъ!“

CLIII.

И молвилъ Роландъ: „Жестокъ нашъ бой;
„Затрублю я въ рогъ, и услышитъ король Карлъ!“
Сказалъ Оливьеръ:—„Не молодецкое это дѣло!
„Когда я совѣтовалъ вамъ, товарищъ, вы меня не послушали.
„Будь здѣсь король, у насъ не было бы такого урона.
„Но тѣ, кто находится тамъ, не заслуживаютъ упрека.“
Сказалъ Оливьеръ: „Клянусь моей бородой!
„Если суждено мнѣ увидать когда-либо Альду, прекрасную сестру мою,
„Вамъ не бывать въ ея объятіяхъ.“

CLIV.

И сказалъ Роландъ: „За что вы такъ гнѣвны?“
И тотъ отвѣчалъ: „Товарищъ, вы всему виною,
„Ибо истинная храбрость не то же, что безуміе,
„А сдержанность лучше неистовства.
„Французы погибли изъ-за вашего легкомыслія.
„Теперь не служить уже намъ болѣе Карлу:
„Повѣрь вы мнѣ тогда, нашъ государь былъ бы съ нами,
„Мы разыграли бы эту битву,
„Король Марсилій былъ бы взятъ, либо убитъ.
„Ваше удальство, Роландъ, будетъ пагубно намъ.
„Ничего отъ васъ уже не получитъ Карлъ Великій,
„Лучшій изъ людей, отнынѣ до Божьяго Суда.
„Сами вы погибнете, Франція же будетъ посрамлена.
„Сегодня—конецъ нашему достойному товариществу:
„Еще до вечера насъ постигнетъ лютая разлука!“
[И стали они горько плакать и вздыхать другъ о другѣ.]

CLV.

Архіепископъ услыхалъ ихъ споръ;
Пришпорилъ онъ коня шпорами чистаго злата,
Подъѣхалъ къ нимъ и сталъ ихъ журить:
„Сиръ Роландъ, и вы, сиръ Оливьеръ,
„Заклинаю васъ, не раздражайтесь.
[„Вотъ наши французы, обреченные на смерть.]
„Трубить намъ было бы уже безполезно:
[„Карлъ далеко отъ насъ и придетъ нескоро.]
„Но все-таки лучше затрубить въ рогъ:
„Придетъ король и отомститъ за насъ.
„А тѣ, что изъ Испаніи [1]), не вернутся съ веселью̀мъ.
„Наши французы сойдутъ съ коней,
„Увидятъ насъ убитыхъ, изрубленныхъ,
[„Соберутъ наши головы и тѣла]

---

[1]) Cil d'Espaigne (ceux d'Espagne), т.-е. испанскіе мавры, сарацины.

„Поднимутъ въ гробахъ на спины коней,
„Оплачутъ насъ въ скорби и жалости,—
„Потомъ схоронятъ насъ въ монастырской оградѣ;
„Не пожрутъ насъ ни волкъ, ни вепрь, ни собака."
Отвѣчаетъ Роландъ: „Сиръ, вы говорите дѣло".

CLVI.

„Сиръ Роландъ, трубите же въ рогъ,
„Услышитъ Карлъ, идущій по ущельямъ.
„Чудная рать вернется назадъ,
„Найдетъ насъ перебитыхъ, изрубленныхъ;
„Но франкскіе воины отомстятъ за насъ,
„И много испанскихъ убьютъ въ бою.
„Они унесутъ съ собою наши тѣла.
„Не пожрутъ ихъ ни собака, ни волкъ, ни вепрь."
Отвѣчаетъ Роландъ: „Сказано доброе слово."

CLVII.

Роландъ приложилъ олифантъ къ устамъ,
Приладился получше и затрубилъ полной грудью.
Высоки горы, и звукъ весьма протяженъ:
За тридцать льё слышно было его отраженье.
Слышитъ Карлъ и всѣ его спутники;
И говоритъ король: „Наши сражаются."
Но графъ Ганелонъ ему возражаетъ:
„Скажи это кто иной, его бы лжецомъ назвали".

CLVIII.

Графъ Роландъ съ превеликимъ трудомъ и напряженьемъ,
Съ великой болью трубитъ въ свой Олифантъ;
Съ устъ его каплетъ алая кровь,—
На челѣ напряглися виски;
Но звукъ его рога далеко понесся!
Слышитъ его Карлъ, шедшій по ущельямъ,
Эмонъ его слышитъ, слышатъ всѣ франки;

И сказалъ король: „Слышу я рогъ Роландовъ:
„Вѣдь онъ не затрубилъ бы, если бы не было битвы".
Ганелонъ отвѣчаетъ: „Нѣтъ никакой битвы.
„Вы—старецъ, убѣленный сѣдинами,
„А такими рѣчами подобны ребенку.
„Вы знаете хорошо великую гордость Роланда,
[„Могучаго, удалаго, дивнаго, великаго,—]
„Чудесно уже и то, что Господь щадитъ его доселѣ.
„Взялъ же онъ вѣдь Нобль безъ вашего приказа:
„Сарацины выступили изъ города
„И затѣяли бой съ добрымъ вассаломъ Роландомъ.
[„Онъ перебилъ ихъ клинкомъ своего Дюрандаля;]
„Затѣмъ велѣлъ смыть водою окровавленный лугъ,
„Чтобы не осталось на немъ никакого слѣда.
„Изъ-за какого-нибудь зайца Роландъ трубитъ весь день;
„Безъ сомнѣнія, онъ потѣшается теперь съ своими пэрами.
„Притомъ же подъ небомъ нѣтъ человѣка, который посмѣлъ бы на него напасть.
„Продолжайте же вашъ путь, государь, къ чему поднимать тревогу?
„Великая страна такъ далеко еще предъ нами."

CLIX.

У графа Роланда уста въ крови;
На челѣ его раскрылись жилы.
Онъ трубитъ въ Олифантъ съ мученьемъ и трудомъ.
Карлъ слышитъ его, слышатъ и всѣ французы;
И говоритъ король: „Какой протяжный звукъ рога [1])!"
Отвѣчаетъ герцогъ Нэмонъ: „Роланду пришлося трудно.
„Тамъ битва, клянусь честью;
„Кто-то предалъ его: тотъ притворщикъ средь васъ.
„За оружіе!—кликните кличъ

---

[1]) Cil corns ad lunge aleine!

„И подайте помощь вашему благородному дому.
„Вы вѣдь слышите стоны Роланда.“

CLX.

Императоръ повелѣлъ трубить своимъ рогамъ.
Французы спѣшились и стали облекаться
Въ панцыри, шлемы, вооружаться золотыми мечами;
У нихъ прекрасные щиты, длинныя и крѣпкія копья,
Значки бѣлые, алые, синіе.
Всѣ бароны сѣли на коней боевыхъ,
Пришпорили ихъ и все время, пока тянулись ущелья,
То и дѣло говорили другъ другу:
„Хоть бы повидать намъ Роланда, пока онъ не умеръ,
„Вмѣстѣ съ нимъ мы ударили бъ лихо!“
Но къ чему все это? Слишкомъ они задержались.

CLXI.

Сумерки стали свѣтлѣть, вотъ и день.
На солнцѣ блистаетъ оружіе;
Шлемы и панцыри рдѣютъ огнемъ,
Да и щиты, красиво расписанные цвѣтами,
И копья, и позлащенные значки.
Императоръ скачетъ разъяренный;
Французы печальны и гнѣвны;
Нѣтъ ни кого, кто не плакалъ бы горько
И весьма не страшился за Роланда.

Король повелѣлъ схватить графа Ганелона
И отдалъ подъ надзоръ придворнымъ поварамъ.
Зоветъ онъ къ себѣ старшаго изъ нихъ Безгона:
„Береги мнѣ его, какъ измѣнника,
„Вѣроломно предавшаго весь мой домъ.“
Тотъ беретъ его и приставляетъ къ нему сто товарищей
Изъ поварни—изъ лучшихъ и изъ худшихъ;

Тѣ повыдергали ему бороду и усы,
Потомъ каждый отвѣсилъ ему по четыре удара кулакомъ
Его жестоко отколотили прутьями и палками;
Повѣсили ему на шею толстую цѣпь,
Заковали его, какъ медвѣдя,
И съ позоромъ бросили на вьючную лошадь.
Такъ и держали, пока не сдали Карлу.

CLXII.

Высоки скалы и мрачны и громадны!
Глубоки долины, и быстры потоки!
Сзади, впереди звучатъ трубы,
Отвѣчая на призывъ Олифанта.
Императоръ скачетъ, полный гнѣва,
И французы въ ярости и тревогѣ,
Нѣтъ никого, кто не плакалъ бы и не скорбѣлъ,
И не молилъ бы Бога сохранить Роланда,
Пока они не явятся на поле битвы.
Вмѣстѣ съ нимъ лихо будутъ сражаться.
Къ чему все это? Напрасно все.
Задержались слишкомъ они: имъ не поспѣть во-время.

CLXIII.

Карлъ Великій скачетъ въ сильномъ гнѣвѣ;
По кольчугѣ развѣвается его бѣлая борода.
Торопливо подгоняютъ коней всѣ бароны Франціи,
Нѣтъ между ними никого, кто не горевалъ бы,
Что онъ не съ вождемъ Роландомъ—
Въ бою съ сарацинами Испаніи.
Если онъ раненъ, то навѣрно нѣтъ въ живыхъ ни души!
Боже! что за шестьдесятъ героевъ въ его дружинѣ.
Никогда лучшихъ не имѣлъ ни одинъ король, ни вождь.

CLXIV.

Мчится Карлъ, пока тянутся ущелья,
И надрывается въ скорби и гнѣвѣ.

И молвитъ король: „Пресвятая Марія, помоги.
„Ганелонъ причинилъ мнѣ великую печаль.
„Въ старой хроникѣ записано,
„Что предки его были измѣнники;
„Измѣна у нихъ была дѣломъ привычнымъ.
„Они совершили ее въ Римѣ, въ Капитоліи,—
„Стараго Цезаря умертвили.
„Но плохой конецъ ждалъ проклятыхъ:
„Они погибли на жаркомъ, медленномъ огнѣ,
„Этотъ предатель ихъ же породы.
„Онъ погубилъ Роланда, смутилъ моихъ людей,
„Сорвалъ съ главы моей вѣнецъ.
„У Франціи нѣтъ уже рыцарей на защиту".
Онъ плачетъ, рветъ свою бѣлую бороду.
Французы молвятъ: „Несчастные, плохо пришлось намъ!"
Шпорятъ коней, пока тянутся ущелья,—
Ни одинъ не придержалъ удила.
Но прежде чѣмъ явятся французы,
Роландъ выиграетъ сраженье
И обратитъ въ бѣгство Марсилія и его племя].

Пораженіе.

CLXV.

Роландъ окинулъ взоромъ холмы и долины:
Сколько французовъ сраженныхъ увидѣлъ онъ тамъ
И, какъ благородный рыцарь, оплакалъ ихъ.
„Синьоры бароны, да помилуетъ васъ Господь,
1855Всѣмъ душамъ вашимъ да уготовитъ Онъ рай,
„Да опочіютъ онѣ на святыхъ цвѣтахъ.
„Лучшихъ вассаловъ я никогда не видалъ.
Такъ долго служили вы мнѣ!
„Завоевали Карлу столько обширныхъ странъ!
1860„Императоръ васъ плохо угостилъ [1]).

[1]) Сравненіе битвы съ пиромъ присуще вообще народной поэзіи.

„Земля Франціи, милая, родная страна,
„Сегодня лишилась лучшихъ своихъ бароновъ.
„Бароны Франціи, ради меня, васъ вижу погибшими,
„И я не въ силахъ защитить васъ и спасти!
„Да поможетъ вамъ Богъ, не вѣдающій неправды.
„Оливьеръ, братъ мой, тебя я не долженъ покинуть.
„Если меня не убьютъ здѣсь, убьетъ меня горе.
„Товарищъ, ударимъ вновь на врага!“

CLXVI

[Роландъ окинулъ взоромъ горы и долины:
Какое множество язычниковъ видно повсюду.
Оливьеру говоритъ онъ такое слово:
„Товарищъ братъ, здѣсь умру я съ вами.“
На поле брани возвращаются оба.
Графъ Роландъ измѣнился въ лицѣ,
Четыре раза воскликнулъ: монжуа!
Беретъ Олифантъ, трубитъ наступленье.
Жестоко пришпоривъ Вейлантифа,
Устремляется разить своимъ острымъ мечемъ.]

CLXVII.

Графъ Роландъ появляется на полѣ битвы:
Держитъ Дюрандаль и лихо разитъ:
Разсѣчены на-двое Фальдронъ-дель-Пюи
И двадцать четыре изъ лучшихъ бойцовъ.
Никогда не бывало человѣка, столь пылкаго на мщенье.
Какъ олень мчится, преслѣдуемый собаками,
Такъ побѣжали язычники передъ Роландомъ.
Сказалъ архіепископъ: „Вотъ это ладно.
„Такая доблесть подобаетъ рыцарю,
„Вооруженному и сидящему на добромъ конѣ.
„Въ битвѣ онъ долженъ быть крѣпокъ и храбръ;

„Не то—не стоитъ онъ четырехъ динарьевъ.
„Лучше быть ему монахомъ въ какомъ-нибудь монастырѣ,
„Гдѣ онъ будетъ всю жизнь отмаливать наши грѣхи".
Отвѣчаетъ Роландъ: „Рубите всѣхъ безъ пощады!"
При этихъ словахъ франки возобновили битву;
Но христіанамъ тутъ былъ великій уронъ.

CLXVIII.

Человѣкъ, зная, что нѣтъ пощады,
Отчаянно дерется въ такой битвѣ,
Поэтому франки были храбры, какъ львы.
Вотъ—Марсилій, съ виду баронъ,
Верхомъ на конѣ своемъ Геньонѣ,
[Что мчится быстрѣе сокола;]
Пришпоривъ коня, онъ поражаетъ Бёвона,
(Владѣльца Дижона и Бельна):
Разрубаетъ его щитъ, разсѣкаетъ кольчугу
И убиваетъ съ одного удара.
Потомъ онъ умертвилъ Иворія съ Ивономъ,
Вмѣстѣ съ Жераромъ Руссильонскимъ.
Графъ Роландъ былъ недалеко;
Сказалъ онъ язычнику: Будь ты Господомъ проклятъ
„За то, что злодѣйски убилъ моихъ товарищей,
„Будетъ тебѣ ударъ прежде, чѣмъ мы разстанемся,
„И нынѣ познакомишься съ моимъ мечемъ".
Поразилъ его, какъ подобаетъ истому барону,
И отсѣкъ правую руку;
Потомъ снялъ голову русому Жюрфалею,
Родному сыну короля Марсилія.
Язычники кричатъ: „Спаси насъ, Магометъ!
„О боги наши, отмстите за насъ Карлу:
„Какихъ лютыхъ людей онъ привелъ къ намъ въ страну!
„Скорѣе умрутъ, чѣмъ оставятъ поле!"
И сказали другъ другу: „Побѣжимъ скорѣе!"

*

И съ этимъ словомъ сто тысячъ обратились въ бѣгство.
Звать ихъ напрасно: не вернутся вспять.

CLXIX.

[Король Марсилій лишился правой руки.
Тогда онъ бросилъ на землю свой щитъ,
Пришпорилъ коня острыми шпорами,
Опустилъ повода и бѣжалъ въ Испанію.
Двадцать тысячъ (язычниковъ) бѣжали вмѣстѣ съ нимъ,
И среди нихъ не было ни одного безъ раны;
Сказали другъ другу: „Племянникъ Карла побѣдилъ.“]

CLXX.

Но что изъ этого? Да, Марсилій бѣжалъ,
Но остался дядя его Калифъ,
Владыка Карѳагена, Алферна, Гармаліи
И Эѳіопіи, проклятой страны;
Въ его державѣ черное племя,
Съ громаднымъ носомъ, широкими ушами;
Съ нимъ болѣе пятидесяти тысячъ
Скачутъ гордо и въ гнѣвѣ,
Громко испуская боевой кличъ язычниковъ.
И молвилъ Роландъ: „Вотъ гдѣ приемъ муку.
„Теперь, я знаю, намъ недолго жить;
„Но да будетъ проклятъ, кто дорого не продастъ себя!
„Рубите, синьоры, отточенными мечами;
„Дорого продавайте и жизнь свою, и смерть,
„Да не посрамится чрезъ насъ милая Франція.
„Когда ступитъ на это поле Карлъ, мой повелитель,
„И увидитъ истребленіе сарацинъ,—
„На одного нашего найдетъ среди нихъ пятнадцать труповъ,—
„Навѣрное онъ не преминетъ насъ благословить“.

Смерть Оливьера.

CLXXI.

Когда Роландъ увидѣлъ проклятое племя,
Племя чернѣе чернилъ,
У котораго бѣлы зубы одни,
Графъ сказалъ: „Теперь я вѣрно знаю,
„Да, знаю, что сегодня всѣмъ намъ смерть.
„Разите жъ, французы, ибо я возобновляю битву".
Оливьеръ сказалъ: „Горе медлителямъ!"
При этихъ словахъ французы врубились въ средину враговъ.

CLXXII.

Язычники, замѣтивъ, что французовъ такъ мало,
Пріободрились и почувствовали себя сильнѣе;
Сказали другъ другу: „Императоръ неправъ".
Калифъ сидѣлъ на рыжемъ конѣ;
Золотыми шпорами онъ пришпорилъ его
И ударилъ Оливьера сзади, въ средину спины,
Вогналъ ему въ самое тѣло кольца бѣлаго панцыря,
И копьемъ пронзилъ на-вылетъ грудь.
„Вы приняли смертельный ударъ", сказалъ онъ ему:
„Карлъ Великій на бѣду бросилъ васъ въ ущельѣ.
„Онъ много намъ зла сдѣлалъ, но не имѣетъ права хва-
литься,
„Ибо на васъ однихъ я отомстилъ за всѣхъ нашихъ".

CLXXIII.

Оливьеръ почуялъ, что раненъ на смерть,—
[Не хочетъ медлить въ отмщеньи.]
Въ рукѣ его Альтклеръ черненой стали:
Онъ ударяетъ имъ Калифа въ остроконечный золотой шишакъ,
И посыпались съ него жемчуга и камни;
Онъ разсѣкаетъ ему голову до самыхъ зубовъ;

Размахивается вновь и валитъ его мертвымъ,
Приговаривая: „Будь ты проклятъ, язычникъ!
„Я не скажу, что Карлу не было потерь;
„Но ты ни женѣ своей, ни другой дамѣ
„Не будешь хвастать, у себя на родинѣ,
„Что отнялъ у Карла хоть одинъ динарій,
„Что лишилъ его—меня ли, или кого другого".
Затѣмъ, кликнулъ Роланда къ себѣ на помощь.

CLXXIV.

Оливьеръ чуетъ, что раненъ на смерть,
Что ему не отомстить ужъ за себя, какъ должно.
[Онъ сыплетъ лихіе удары Альтклеромъ,]
Торопливо разитъ, какъ истый баронъ,
Рубитъ щиты и сокрушаетъ копья,
Ноги, руки, плечи и бока.
Кто видѣлъ, какъ онъ посѣкалъ сарацинъ,
Бросая трупъ за трупомъ на землю,
Тотъ знаетъ теперь, что такое добрый вассалъ.
Но не забылъ онъ и Карлова клика:
„Монжуа!" восклицаетъ онъ ясно и громко.
Призываетъ онъ Роланда, друга своего и пэра:
„Товарищъ, станьте поближе ко мнѣ.
„Къ великому горю, сегодня день нашей разлуки!
[И стали они оплакивать другъ друга.]

CLXXV.

Роландъ взглянулъ въ лицо Оливьера:
Оно мертвенно, блѣдно, съ синеватымъ отливомъ;
Кровь его, чистая, струится изъ тѣла,
Ручьями льется на землю.
„Боже!" графъ восклицаетъ, „не знаю теперь, что дѣлать.
„Какое горе, товарищъ, сразило вашу отвагу!
„Никогда ужъ не увидимъ столь достойнаго мужа.
„О милая Франція, сегодня ты осиротѣешь,

„Лишась лучшихъ рыцарей; ты смутишься, падешь.
„Императору будетъ великое горе.“
При этихъ словахъ, удрученный, склонился на конѣ.

CLXXVI.

Видите ли Роланда тамъ, склонившагося на конѣ,
И Оливьера, смертельно раненаго.
Онъ такъ много потерялъ крови, что зрѣніе его помутилось:
Ни вблизи, ни вдали не видитъ ясно,
Не можетъ узнать живого человѣка.
И вотъ, встрѣтившись съ товарищемъ своимъ,
Онъ наноситъ ему жестокій ударъ по шлему золотому, въ каменьяхъ,
Разсѣкаетъ его до наносницы,—
Къ счастью, ударъ не проникъ до головы.
При этомъ ударѣ, Роландъ взглянулъ на него
И тихо, нѣжно спросилъ:
„Товарищъ, вы нарочно сдѣлали это?
„Я—Роландъ, который васъ такъ любитъ.
„Вы вѣдь не вызвали же меня, надѣюсь?“
Говоритъ Оливьеръ: „Я слышу вашъ голосъ,
„Но не вижу—васъ видитъ Богъ.
„Я нанесъ вамъ ударъ—простите меня.“
Роландъ отвѣчаетъ: „Мнѣ не больно;
„Прощаю васъ и здѣсь, и передъ Богомъ.“
При этихъ словахъ, они склонились другъ предъ другомъ
И съ такою любовью оба разлучились.

CLXXVII.

Оливьеръ чувствуетъ смертную истому;
Глаза его закатились;
Онъ теряетъ слухъ и совсѣмъ ничего не видитъ;
Сползаетъ съ коня, ложится на землю;

Вслухъ читаетъ покаянную молитву [1]).
Соединяетъ обѣ руки свои и поднимаетъ ихъ къ небу,
Молитъ Бога даровать ему рай,
Осѣнить благословеніемъ своимъ Карла, милую Францію
И друга его Роланда превыше всѣхъ людей.
Сердце въ немъ слабѣетъ, голова склоняется,
Онъ падаетъ на землю и вытягивается во весь ростъ.
Умеръ графъ, все кончено.
Баронъ Роландъ скорбитъ о немъ, оплакиваетъ.
Никогда на землѣ вы не услышите человѣка въ бо̀льшемъ горѣ.

CLXXVIII.

Графъ Роландъ, увидѣвъ что другъ его мертвъ,
Лежитъ, обративъ лицо на востокъ,
[Онъ не могъ удержать слезъ и воздыханій;]
Тихо-тихо сталъ онъ причитать по немъ:
„Товарищъ, бѣда постигла твою удаль!
„Годы и дни проводили мы вмѣстѣ.
„Ты не дѣлалъ мнѣ зла, ни я тебѣ.
„Если ты умеръ, горестно мнѣ оставаться въ живыхъ.“
Съ этимъ словомъ маркизъ [2]) склонился
На конѣ своемъ Вейлантифѣ,
Но удержался на стременахъ изъ тонкаго золота.
Въ какую бы сторону ни пошатнулся, ему не упасть.

CLXXIX.

Едва Роландъ пришелъ въ себя,
Едва отъ безчувствія очнулся,
Какъ увидѣлъ, сколь велико бѣдствіе.
Всѣ французы убиты, онъ всѣхъ ихъ потерялъ,
Кромѣ архіепископа и Гвальтьера де-л'Омъ.
Послѣдній спустился съ горы,

---

[1]) Sa culpe

[2]) Маркизъ—маркграфъ—владѣлецъ *марки*, области.

Гдѣ много сражался съ испанцами.
Всѣ люди его погибли: побѣдили язычники;
Волею или неволею, онъ бѣжалъ въ эти долины,
И сталъ призывать Роланда къ себѣ на помощь:
„Благородный графъ, сиръ, доблестный мужъ, гдѣ ты?
„Пока я чувствовалъ тебя тамъ, я не зналъ страха.
„Это я, Гвальтьеръ, сразившій Маэльгута,
„Племянникъ Друона, стараго, сѣдого,
„Я, храбростью своей достойный быть твоимъ другомъ.
[„Я такъ долго бился съ сарацинами,]
„Что копье мое сломалось, и щитъ исколотъ,
„Панцырь мой весь въ кускахъ,
„А тѣло усѣяно ударами копій.
„Я умру, но дорого продалъ себя.“
При этомъ словѣ, Роландъ услыхалъ его;
Онъ пришпорилъ коня и поскакалъ къ нему.

CLXXX.

[„Сиръ Гвальтьеръ“, сказалъ ему графъ Роландъ,
„У васъ былъ бой съ невѣрнымъ людомъ,
„Вы были храбры и мужественны
„И увели отъ меня тысячу добрыхъ рыцарей.
„Они были мои, и потому я требую ихъ у васъ.
„Возвратите ихъ мнѣ: ибо они мнѣ очень нужны.“
„Отвѣчалъ Гвальтьеръ: „Не увидите ихъ болѣе.
„Всѣ тѣла ихъ я оставилъ на печальномъ полѣ;
„Мы встрѣтили тамъ такое множество сарацинъ—
„И изъ Бализы, все лучшіе бойцы,—
„Тамъ были турки и армяне, хананеяне и великаны—
„Мы такъ лихо повели эту битву,
„Что ни одинъ невѣрный не похвалится ею.
„Шестьдесятъ тысячъ убито и лежитъ на землѣ.
„Мы славно отомстили нашими стальными мечами,
„Зато потеряли всѣхъ нашихъ французовъ.
„Панцырь мой разсѣченъ на куски,

„Смертельныя раны у меня на бокахъ и груди,
„Чистая кровь течетъ отовсюду.
„Все тѣло мое слабѣетъ,
„И я знаю, что мнѣ не жить.
„Я вашъ, и считаю васъ своимъ оплотомъ.
„Если я и бѣжалъ, не порицайте меня".
—„Никогда не стану", сказалъ графъ Роландъ,
„Но пока вы живы, пособите мнѣ."
Отъ гнѣва и горя Роландъ весь въ поту.
Онъ разрываетъ надвое полы своего плаща
И перевязываетъ бока Гвальтьера.]

CLXXXI.

Роландъ въ горѣ, Роландъ пылаетъ бѣшенствомъ.
Врѣзавшись въ средину, онъ начинаетъ рубить:
Бросаетъ за-мертво на землю двадцать (язычниковъ) Испаніи.
Гвальтьеръ—шесть, архіепископъ—пять.
Невѣрные молвятъ: „Какіе ужасные люди!
„Смотрите же, синьоры, какъ-бы не ушли они живыми:
„[Они намъ такъ навредили, что въ плѣнъ ихъ не брать,
„Но тотчасъ изрубить и умертвить.]
„Да будетъ стыдно тому, кто не нападетъ на нихъ,—
„Въ особенности же тому, кто допуститъ ихъ ускользнуть!"
И начались снова крики и вопли:
Со всѣхъ сторонъ охватили ихъ.
[Да поможетъ же имъ Всеправедный Богъ!]

Приближеніе Карла.

CLXXXII.

Графъ Роландъ—благородный боецъ,
Гвальтьеръ дел'Омъ—прекрасный рыцарь,
Архіепископъ—человѣкъ испытаннаго мужества.
Ни одинъ не хочетъ покинуть другого:
Въ самую гущу язычниковъ врубаются они.

Тутъ тысяча спѣшенныхъ сарацинъ,
Да сорокъ тысячъ верхами.
Поистинѣ, всѣ они не смѣютъ и приблизиться.
Издали они бросаютъ копьями и рогатинами,
Дротиками, прутьями, стрѣлами и пиками.
Подъ первыми ударами палъ Гвальтьеръ.
А у Турпина Реймскаго весь щитъ пробитъ,
Шлемъ разсѣченъ, голова изранена,
Панцырь растерзанъ и изорванъ;
Четыре копья вонзились въ его тѣло;
Конь палъ подъ нимъ.
Велико будетъ горе, когда падетъ архіепископъ.
[Да поможетъ имъ Всехвальный Господь съ небеси!]

CLXXXIII.

Турпинъ Реймскій, почувствовавъ себя сраженнымъ
Четырьмя ударами вонзившихся копій,
Привстаетъ на мгновеніе, отважный,
Ищетъ взоромъ Роланда, стремится къ нему
И бросаетъ ему слово: „Я не побѣжденъ:
„Добрый вассалъ не сдается живымъ.“
Онъ обнажаетъ Альмасъ, мечъ черненой стали,
И въ ужасной схваткѣ наноситъ болѣе тысячи ударовъ.
Карлъ подтвердилъ позднѣе, что онъ никого не пощадилъ —
Вокругъ него нашли четыреста труповъ:
Одни изрубленные, другіе пронзенные насквозь,
Иные же обезглавленные.
Вотъ что передаетъ лѣтопись [1]), а также бывшій на полѣ битвы
Святой Эгидій, для котораго Богъ совершаетъ чудеса.

---

[1]) La Geste.

Онъ записалъ объ этомъ на хартіи въ Лаонскомъ монастырѣ.
Кто не знаетъ про это, тотъ невѣжда [1]).

CLXXXIV.

Графъ Роландъ сражается храбро.
Все тѣло его въ поту, въ жару;
Боль и страданіе чувствуетъ онъ въ головѣ.
Онъ такъ сильно трубилъ, что високъ у него въ крови;
Но хочетъ онъ знать, придетъ ли Карлъ.
Беретъ Олифантъ и извлекаетъ слабый звукъ.
Императоръ тамъ остановился и прислушался.
„Синьоры“, сказалъ онъ, „дѣло наше плохо:
„Какъ бы намъ не лишиться сегодня племянника моего Роланда.
„По звуку рога я вижу, что ему недолго жить.
„Если хотите поспѣть, скачите скорѣе.
„Пусть зазвучатъ всѣ трубы наши, какія есть въ войскѣ!“
Зазвучали шестьдесятъ тысячъ трубъ такъ громко,
Что горы отдали тотъ звукъ, и долины повторили его.
Язычники услыхали его—имъ не до смѣха:
Сказали они другъ другу: „Вотъ и Карлъ!“

CLXXXV.

Говорятъ язычники: „Императоръ идетъ;
„То слышны французкія трубы.
„Если вернется Карлъ, погибель насъ ждетъ;

[1]) Поэтическая легенда переноситъ св. Эгидія, жившаго собственно при Карлѣ Мартеллѣ, ко временамъ сына Пепина. Въ датской хроникѣ Keiser Karl Magnus's, авторъ, перечисляя различныя чудеса, которыми возвѣщена была смерть Роланда, говоритъ: «Въ тотъ день, у франковъ совершилось великое чудо. Стало такъ темно, какъ ночью. Солнце не давало свѣта, и люди страшились за жизнь свою. Св. Эгидій сказалъ, что чудо это произошло, чтобы показать, что въ тотъ день умретъ Роландъ.» Таковы данныя, на основаніи которыхъ имя св. Эгидія внесено въ поэму. Разумѣется, отсюда нѣтъ основаній приписывать ему веденіе самой лѣтописи, какъ то утверждалось нѣкоторыми.

„Если Роландъ останется живъ, снова будетъ война,
„И прощай земля наша—Испанія.“
Тогда собрались среди нихъ четыреста въ шлемахъ,—
Лучшіе воины всей ихъ рати,—
И ужаснымъ натискомъ устремляются на Роланда.
Нелегкая работа еще предстоитъ графу.

CLXXXVI.

Когда графъ Роландъ увидѣлъ ихъ приближенье,
Весь возликовалъ, сталъ сильнѣе,—готовъ сразиться.
Пока живъ, онъ никому не сдастся:
[Скорѣе умереть, чѣмъ бѣжать.]
Садится онъ на коня своего Вейлантифа, [1])
Пришпориваетъ его шпорами чистаго злата
И стремительно бросается въ бой;
Вмѣстѣ съ нимъ архіепископъ Турпинъ.
(Сарацины) говорятъ другъ другу: „Бѣжимъ, друзья!
„Вотъ слышны трубы Франціи,—
„Карлъ возвращается, могучій король!“

CLXXXVII.

Графъ Роландъ всегда презиралъ трусовъ,
Гордыхъ и злыхъ людей,
Рыцарей, коль не добрые то были вассалы.
И говоритъ онъ архіепископу Турпину:
„Сиръ, вы пѣшій, а я на конѣ,
„Изъ любви къ вамъ, я остановлюсь.
„Мы вмѣстѣ раздѣлимъ и зло, и добро,
„Я васъ не покину ни для кого на свѣтѣ,
„Вдвоемъ мы встрѣтимъ натискъ язычниковъ:
„Лучшіе удары—моего Дюрандаля“.

---

[1]) Въ Chanson d'Aspremont (XIII в.) заключается описаніе того, какъ Роландъ, еще ребенкомъ, добылъ мечъ Дюрандаль и коня Вейлантифа у молодого Омона, сына языческаго короля Аголанта, въ Калабріи.

Говоритъ архіепископъ: „Стыдно тому, кто будетъ слабо разить.

[„Послѣ этой битвы, у насъ не будетъ другой,]

„Карлъ подходитъ—онъ отомститъ за насъ.“

CLXXXVIII.

Говорятъ невѣрные: „Мы попали въ бѣду!

„Сегодня роковой намъ выдался день!

„Мы лишились нашихъ синьоровъ и пэровъ,

„Отважный Карлъ возвращается со всей своей ратью.

„Мы слышимъ звонкія трубы Франціи

„И сильный шумъ кликовъ: монжуа!

„Ничто не сравнится съ удалью графа Роланда,—

„Его не побѣдить никому изъ живыхъ людей.

„Станемъ стрѣлять въ него, и онъ останется на землѣ.“

Такъ и сдѣлали они—стали издали метать въ него дротики,

Копья, пики и пернатыя стрѣлы:

Разнесли на части и прострѣлили щитъ Роландовъ,

Разорвали его панцырь по самый воротъ,

Но тѣла его ничуть не коснулись.

Коню Вейлантифу досталось тридцать ранъ,

И подъ графомъ онъ палъ мертвымъ.

Язычники, однако, бѣжали, оставивъ

Графа Роланда одного и пѣшимъ.

CLXXXIX.

[Язычники бѣгутъ въ великомъ ужасѣ.

Говорятъ другъ другу: „Побѣдилъ насъ Роландъ,

„Да и императоръ вновь появился:

„Слышите трубы французской рати.

„Смерть тому, кто ихъ на полѣ подождетъ;

„Столько благородныхъ королей покорилось Карлу.

„Не Марсилію спасти насъ,—

„Погибла для насъ богатая Испанія,

„Если Эмиръ не захочетъ отстоять ее намъ.“]

Послѣднее благословеніе архіепископа.

CXC.

Язычники бѣгутъ, полные гнѣва и ярости;
Торопливо направляются они къ Испаніи.
Графъ Роландъ не преслѣдовалъ ихъ—
Утратилъ онъ своего коня—Вейлантифа.
Волею-неволей, онъ остается пѣшій.
Идетъ онъ помочь архіепископу Турпину:
Снялъ съ головы его золотой шлемъ,
Отвязалъ его бѣлыя, легкія латы,
Мечемъ разрѣзалъ его платье
И перевязываетъ жестокія его раны.
Затѣмъ прижимаетъ его къ груди своей
И тихо опускаетъ на зеленую траву.
Нѣжнымъ голосомъ проситъ его Роландъ:
„Благородный рыцарь, отпустите меня.
„Наши товарищи, столь нами любимые,
„Всѣ полегли; но мы не должны оставить ихъ тутъ.
„Я пойду—разыщу ихъ тѣла,
„Потомъ разложу ихъ въ рядъ передъ вами“.
Говоритъ архіепископъ: „Идите—и возвращайтесь.
„Слава Богу, поле за нами,—ваше да мое.

CXCI.

Роландъ ушелъ; одинокій, обходитъ онъ поле;
Обыскалъ онъ гору, обыскалъ и долину:
[Тамъ нашелъ онъ Ивона и Иворія,]
Находитъ Жерье съ спутникомъ его Жереномъ;
[Находитъ гасконца Анжелье;]
Находитъ Бераньжье и Отона;
Находитъ Ансеиса и Самсона;
Находитъ Жерара, Русильонскаго старца.

Одного за другимъ, онъ переноситъ десять барономъ,
Возвращается съ ними къ архіепископу
И кладетъ ихъ въ рядъ у его колѣнъ.
Архіепископъ не можетъ удержаться отъ слезъ,
Онъ воздымаетъ руку и даетъ имъ свое благословеніе;
Потомъ онъ молвитъ: „Злое содѣялось съ вами, синьоры.
„Да пріиметъ Всехвальный Господь ваши души!
„Да поселитъ ихъ въ раю на святыхъ цвѣтахъ!
„Моя смерть нагнала на меня тоску:
„Я не увижу ужъ болѣе Великаго Императора.“

CXCII.

Роландъ ушелъ обыскивать долину:
[Подъ елью, близъ шиповника,]
Находитъ онъ друга своего Оливьера,
Близко прижимаетъ его къ своему сердцу
И, какъ можетъ, возвращается къ архіепископу.
На щитѣ, близъ другихъ, положилъ онъ его.
Архіепископъ всѣхъ ихъ благословилъ и разрѣшилъ.
Тогда снова усилилось горе и плачъ...
И молвилъ Роландъ: „Прекрасный другъ, Оливьеръ,
„Вы были сыномъ добраго графа Реньера,
„Что держалъ подъ властью своей Геную [1]).
„Изломать копье, разнести на части щитъ,
[„Разрубить и прорвать панцырь,]
„Оказать поддержку и совѣтъ добрымъ,
„Смирять злодѣевъ и предателей—
„Ни въ какой странѣ не было рыцаря лучше.“

---

[1]) Графъ Реньеръ Генуэзскій, братъ Жирара Вѣнскаго, былъ сынъ Гарена Монгланскаго. Одно время онъ находился при дворѣ Карломана, который, желая отдѣлаться отъ него, послалъ его въ Геную, гдѣ онъ женился на Оливіи, дочери мѣстнаго герцога, и имѣлъ отъ нея двухъ дѣтей: Оливьера и Альду. Первый, подъ стѣнами Вѣны, сражаясь противъ Роланда, въ концѣ концовъ, дѣлается его другомъ, а вторая плѣнила собою Роланда—и была его невѣстой.

CXCIII.

Графъ Роландъ, видя мертвыми своихъ пэровъ
И Оливьера, котораго онъ такъ любилъ,
Умилился—и сталъ онъ плакать;
Все лицо его оттого поблѣднѣло.
Горе его было такъ велико, что онъ не могъ его снести:
Невольно на землю палъ безъ чувствъ.
Архіепископъ сказалъ: „Велика печаль барона!“

CXCIV.

Архіепископъ, видя Роланда безъ чувствъ,
Ощутилъ небывалое горе.
Протянулъ онъ руку и взялъ Олифантъ.
Въ Ронсевалѣ былъ источникъ ключевой воды;
Онъ хочетъ пойти къ нему—дать (воды) Роланду.
[Послѣ невѣроятныхъ усилій, онъ приподымается,]
Шатаясь и едва передвигая ноги, онъ пошелъ,
Но такъ ослабѣлъ, что не въ силахъ двигаться,—
Совсѣмъ обезсилѣлъ отъ чрезмѣрной потери крови.
Едва перешелъ онъ часть пространства,
Сердце стѣснилось, и онъ упалъ ничкомъ:
Имъ овладѣваетъ смертное томленіе.

CXCV.

Графъ Роландъ пришелъ въ себя,
Онъ приподымается; но какое горе ему!
Смотритъ онъ вверхъ, смотритъ внизъ;
За его товарищами, на зеленой травѣ,
Онъ видитъ распростертымъ благороднаго барона,—
То архіепископъ, представитель Бога:
Онъ произноситъ слова покаянія, смотритъ въ высь,
Соединяетъ обѣ руки свои и воздѣваетъ къ небу,
Молитъ Бога сподобить его рая...

Умеръ Турпинъ на службѣ Карлу:
Великими битвами и прекрасными проповѣдями
Онъ безъ устали боролся съ язычниками.
Да ниспошлетъ ему Господь свое благословеніе!

CXCVI.

[Роландъ, увидя, что архіепископъ скончался,
Ощутилъ такое же горе, какъ объ Оливьерѣ.
И сказалъ онъ тогда слово, надрывающее сердце:
„Карлъ Французскій, скачи сюда какъ можно скорѣе!
„Велика потеря нашихъ въ Ронсевалѣ:
„Король Марсилій утратилъ здѣсь все свое войско—
„На одного убитаго француза ихъ придется сорокъ.“

CXCVII.

Графъ Роландъ видитъ архіепископа на землѣ.
Внутренности вышли у него изъ тѣла,
А мозгъ выступилъ на челѣ.
Посреди̇нѣ груди, между плечъ,
Онъ скрестилъ ему его бѣлыя, прекрасныя руки,
И, по обычаю своей земли, произнесъ надъ нимъ прощальное слово:
„Благородный человѣкъ и безупречный рыцарь!
„Передаю тебя Небесному Повелителю.
„Не будетъ человѣка, что служилъ бы Ему усерднѣй.
„Со временъ апостоловъ не было такого пророка
„Для поддержанія вѣры, для обращенія людей.
„Да будетъ избавлена душа ваша отъ всякихъ страданій,
„И да отверзнутся предъ нею двери рая!“

Смерть Роланда.

CXCVIII.

Роландъ чувствуетъ, что смерть и къ нему близка:
Мозгъ выступаетъ у него изъ ушей.

Молится онъ о своихъ пэрахъ, чтобы Господь призвалъ их.

Потомъ поручаетъ себя ангелу Гавріилу.
Беретъ Олифантъ, во избѣжаніе упрека,
И мечъ Дюрандаль—другою рукой.
Идетъ онъ подалѣе, чѣмъ на выстрѣлъ изъ самострѣла,
На землю Испаніи, на поле,
Всходитъ на холмикъ: тамъ, подъ двумя прекрасными деревьями,
Были четыре мраморныя ступени.
Роландъ падаетъ навзничь на зеленой травѣ,
Лишается чувствъ: ибо смерть близка.

CXCIX.

Высоки горы, высоки деревья.
Тамъ были четыре мраморныхъ блестящихъ ступени.
На зеленой травѣ графъ Роландъ лежитъ безъ чувствъ.
Какой-то сарацинъ подстерегалъ тутъ его;
Притворившись убитымъ и валяясь вмѣстѣ съ другими,
Онъ кровью испачкалъ тѣло свое и лицо.
Внезапно онъ всталъ, подбѣгаетъ.
Онъ силенъ, онъ красивъ и очень отваженъ.
Гордость пробудила въ немъ лютую злобу,—
Хватаетъ онъ Роланда, тѣло его и оружіе
И говоритъ: „Побѣжденъ племянникъ Карла!“
„Этотъ мечъ отнесу я въ Аравію.“
[Онъ беретъ его одной рукой, а другой хватаетъ за бороду Роланда.]
Но это нѣсколько привело въ чувство графа.

CC.

Роландъ слышитъ, что у него берутъ мечъ;
Открываетъ глаза, говоритъ лишь слово:
„Кажется, ты не изъ нашихъ!“

*

Олифантомъ, который онъ оберегалъ,
Онъ ударилъ по шлему, золотому въ каменьяхъ,
Пробилъ—сталь и голову и кости,
Выбилъ оба глаза изъ его головы,
Повергнулъ его мертвымъ къ своимъ ногамъ;
Потомъ сказалъ ему: „Злодѣй, какъ ты осмѣлился,
„По праву иль неправу, коснуться меня?
„Прослышь кто объ этомъ, сочли бы тебя безумцемъ.
„Край моего Олифанта погнулся;
„Съ него осыпалось золото и хрусталь.“

CCI.

Роландъ чувствуетъ, что смерть торопитъ его;
Онъ встаетъ и силится пріободриться.
Краска сошла съ лица его.
[Держитъ онъ, обнаживъ, свой мечъ Дюрандаль:]
Передъ нимъ черная скала;
Съ болью и гнѣвомъ, онъ десять разъ ударяетъ въ нее;
Сталь заскрипѣла, но не сломалась, не зазубрилась.
И молвитъ графъ: „Пресвятая Марія, помоги.
„О добрый мой Дюрандаль! какое горе!
„Въ часъ нашей разлуки не могу позаботиться о тебѣ!
„Съ тобою я столько выигралъ битвъ,
„Столько завоевалъ обширныхъ странъ,
„Которыми владѣетъ нынѣ Карлъ сѣдобородый.
„Не владѣть тобою человѣку, что бѣжитъ отъ другого.
„[Пока я живъ, тебя не отнять никому у меня!]
„Ты долго былъ въ рукѣ добраго вассала,
„Какого никогда не видать Франціи, свободной землѣ.“

CCII.

Роландъ ударяетъ по ступени изъ сардоникса:
Сталь заскрипѣла, но не сломалась, не зазубрилась.

Когда онъ увидалъ, что ему не разбить (меча),
Сталъ онъ оплакивать его:
„О Дюрандаль! какъ ты свѣтелъ и бѣлъ!
„Какъ ты блестишь и сверкаешь на солнцѣ!
„Карлъ былъ въ долинѣ Моріанской [1]),
„Когда Господь съ небеси повелѣлъ ему черезъ ангела
„Отдать тебя храброму вождю.
„Меня опоясалъ тобою доблестный великій король.
„Съ тобою я завоевалъ ему и Анжу и Бретань;
„Завоевалъ ему и Пуату и Мэнъ,
„Завоевалъ свободную Нормандію;
„Завоевалъ Провансъ и Аквитанію,
„И Ломбардію, и всю Романію;
„Завоевалъ ему Баварію и Фландрію,
„Болгарію и цѣлую Польшу,
„Константинополь, покорившійся ему,
„И Саксонію, подчинившуюся его волѣ;
„Завоевалъ ему Шотландію, Галлію, Ирландію
„И Англію, его частное владѣніе.
„Довольно-таки завоевалъ я странъ и земель,
„Которыми нынѣ владѣетъ Карлъ сѣдобородый!
„А теперь—тягота и горе мнѣ съ этимъ мечемъ:
„Скорѣе умру, чѣмъ оставлю его язычникамъ!
„Господи Отче, спаси же Францію отъ такого стыда!“

CCIII.

Роландъ ударяетъ о черный камень:
Откололъ отъ него такъ много, что я и сказать не сумѣю.
Мечъ заскрипѣлъ; не зазубрился, не разбился,
Отпрянулъ лишь къ самому небу.
Когда увидѣлъ графъ, что ему не разбить (меча),
Сталъ онъ тихо оплакивать его:
„О Дюрандаль! какъ ты прекрасенъ и святъ!

[1]) Въ Савойѣ или, можетъ быть,—Сіерра-Морена.

„Въ твоей рукояти столько святыни:
„Зубъ святого Петра и кровь святого Василія,
„Волосы святого Дениса,
„Часть одежды Дѣвы Маріи.
„Было бы неправо, если бы ты достался язычникамъ,—
„Ты долженъ служить лишь въ христіанскихъ рукахъ.
[„Сколько сраженій довершилъ я тобою,]
„Сколько завоевалъ я тобою земель,
„Которыми нынѣ владѣетъ Карлъ сѣдобородый,—
„Ими и славенъ и богатъ императоръ.
„Не попадись ты въ руки какого-нибудь труса!
[„Боже! не попусти Франціи до такого стыда“].

CCIV.

Роландъ чувствуетъ, что имъ овладѣваетъ смерть,—
Уже отъ головы спускается въ его сердце.
Онъ идетъ и ложится подъ елью:
На зеленой травѣ ложится онъ ничкомъ;
Подъ себя кладетъ онъ свой мечъ и Олифантъ
И головой обращается къ языческому люду:
Дѣлаетъ это онъ, чтобы знали
Карлъ и все его войско,
Что умеръ онъ, благородный графъ, какъ побѣдитель.
Онъ сокрушается, повторяетъ покаянную молитву.
Во искупленіе грѣховъ, предлагаетъ Богу свою перчатку.
[И ангелы Божьи тотчасъ же принимаютъ ее.]

CCV.

Чувствуетъ Роландъ, что вѣкъ его конченъ.
Тамъ, на вершинѣ скалы, глядитъ онъ на Испанію;
Рукою ударилъ онъ себя въ грудь:
„Боже, ради всемогущества Твоего, прости мои вины—
Грѣхи мои, великіе и малые,
„Содѣянные мною съ часа моего рожденія
„И до сего дня, до котораго я дожилъ“.

И протянулъ онъ къ Богу перчатку правой руки своей [1]);
Ангелы съ неба слетаютъ къ нему.

CCVI.

Графъ Роландъ лежитъ подъ елью;
Къ Испаніи онъ обратилъ свой взоръ.
О многомъ сталъ онъ вспоминать:
О всѣхъ завоеванныхъ имъ земляхъ,
О милой Франціи и о лицахъ своей семьи,
О Карлѣ Великомъ, его господинѣ и кормильцѣ,
[О французахъ, что были столь преданы ему.]
Онъ не въ силахъ удержаться отъ слезъ и вздоховъ.
Но не хочетъ забыть и о себѣ,—
Кается въ прегрѣшеньяхъ, о милости молитъ Бога:
„Праведный Отче нашъ, никогда не знавшій неправды,
„Воскресившій, изъ мертвыхъ, святого Лазаря
„И защитившій Даніила отъ львовъ,
„Спаси душу мою отъ всякаго зла,
„Вслѣдствіе прегрѣшеній, содѣянныхъ мною въ жизни.“
Онъ вознесъ къ Богу перчатку правой своей руки:
Святой Гавріилъ принялъ ее.
Голова его склонилась на руку,
И онъ со сложенными руками скончался.
Господь послалъ къ нему своего ангела-херувима,
Святого Рафаила, святого Михаила [2]).
Вмѣстѣ съ ними явился и святой Гавріилъ.
Душу графа они уносятъ въ рай.

---

[1]) Издатель пѣсни о Роландѣ, Жененъ, говоритъ слѣдующее: „Это безподобное движеніе рыцарской наивности, съ которою подноситъ Роландъ свою перчатку Самому Господу Богу, въ знакъ чествованія и въ искупленіе своихъ грѣховъ, вмѣстѣ съ тѣмъ есть такая черта нравовъ, которая свидѣтельствуетъ о глубокой древности произведенія“.

[2]) Который прозывается del peril (du péril, т.-е. погибели; спасающій отъ погибели).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ОТМЩЕНІЕ.

Наказаніе сарацинъ.

CCVII.

Умеръ Роландъ, душа его въ небѣ у Бога.
—Императоръ является въ Ронсеваль.
Нѣтъ ни дороги, ни тропинки,
Ни пустого мѣста, ни локтя, ни пяди земли,
Гдѣ не было бы тѣла француза или язычника.
Карлъ воскликнулъ: „Гдѣ вы, прекрасный племянникъ?
„Гдѣ архіепископъ и графъ Оливьеръ?
„Гдѣ Жеренъ съ другомъ своимъ Жерье?
„Отонъ гдѣ, и графъ Беранжье?
„Ивъ и Иворій, которыхъ я такъ любилъ?
„Что сталось съ гасконцемъ Анжелье?
„Герцогомъ Самсономъ и отважнымъ Ансеисомъ?
„Гдѣ старый Жераръ Руссильонскій?—
„Двѣнадцать пэровъ, оставленныхъ мной позади?“
Но къ чему все это? Никто не отвѣчаетъ.
„Боже!“—молвилъ король,—„есть отчего сокрушаться.
„Почему я не былъ здѣсь, чтобы начать битву!“
И въ страшномъ гнѣвѣ король рветъ свою бороду.
Онъ плачетъ и всѣ его рыцари съ нимъ.
Двадцать тысячъ пали на землю безъ чувствъ;
Герцогъ Нэмонъ въ великой былъ скорби.

CCVIII.

[Въ Ронсевалѣ—великая скорбь:]
Нѣтъ рыцаря, нѣтъ барона,
Что горько не плакалъ бы отъ жалости.
Оплакиваютъ своихъ сыновей, братьевъ, племянниковъ,
И своихъ друзей, и ленныхъ синьоровъ.

Многіе безъ чувствъ падаютъ на землю.
Но герцогъ Нэмонъ мужественно сдержалъ себя
И первый сказалъ императору:
„Посмотрите—тамъ, два лье передъ нами,
„Вьется пыль на большихъ дорогахъ?
„То—множество языческаго люда.
„Поскачемъ, государь, и отомстимъ за наше горе".
„Боже!"—молвилъ король—„они уже такъ далеко!
„Правду и честь сподоби вернуть намъ!
„Они отняли у меня цвѣтъ милой Франціи."
Король повелѣваетъ Жебуину и Отону,
Тебальду Реймскому и графу Милону:
„Охраняйте поле, долины и горы.
„Пусть мертвые лежатъ, какъ есть теперь,
„Но—чтобы львы и дикіе звѣри не тронули ихъ,
„Не тронули бы оруженосцы и мальчики.
„Запрещаю кому-либо коснуться ихъ
„До тѣхъ поръ, пока мы, милостью Божіею, не возвратимся."
И тѣ отвѣчаютъ ему тихо, любовно:
„Императоръ справедливый, дорогой государь, такъ исполнимъ."
Они оставили при себѣ тысячу своихъ.

CCIX.

Императоръ повелѣлъ своимъ трубамъ трубить;
Потомъ онъ поскакалъ со своей великой ратью.
Наконецъ они напали на слѣдъ невѣрныхъ
И, сообща, усердно начали преслѣдованіе.
Лишь король замѣтилъ, что наступаетъ вечеръ,
Онъ сходитъ съ коня на зеленую траву, на лугу,
Падаетъ ницъ и молитъ Господа Бога—
Для него повелѣть солнцу остановиться,
Замедлить наступленіе ночи и задержать день.
И вотъ ангелъ, обычно бесѣдовавшій съ нимъ,
Быстро сообщаетъ ему такое велѣніе:

„Карлъ, скачи: не убудетъ свѣтъ;
„Ты лишился цвѣта Франціи—это знаетъ Богъ.
„Ты можешь теперь отомстить преступникамъ."
При этихъ словахъ императоръ вновь сѣлъ на коня.

CCX.

Для Карла Великаго Богъ совершилъ великое чудо:
Солнце остановилось неподвижно на небѣ.
Язычники бѣгутъ, усердно ихъ преслѣдуютъ франки.
И, нагнавъ наконецъ у Мрачнаго-Дола,
Сильнымъ натискомъ отбросили ихъ къ Сарагоссѣ;
Они страшно разятъ ихъ, избиваютъ;
Отрѣзали имъ всѣ пути, всѣ большія дороги.
Рѣка Эбро (она передъ ними)
Весьма глубока, страшна и быстра,
Нѣтъ ни судна, ни плота, ни шлюпки;
Сарацины призываютъ Магомета, Тервагана
[И Аполлина прійти къ нимъ на помощь.]
Затѣмъ бросаются туда, но и тамъ нѣтъ спасенья:
Тѣ, что въ тяжеломъ вооруженьи,
Прямо пошли на дно;
Другіе поплыли внизъ по теченію;
Кто посчастливѣе, сразу захлебнулись;—
Всѣ перетонули въ великомъ смятеньи.
Французы воскликнули: „На бѣду свою вы увидѣлись съ Роландомъ."

CCXI.

Когда Карлъ увидалъ, что всѣ язычники мертвы,—
Одни убиты, другіе потонули,—
И громадную добычу получили его рыцари,
Благородный король сошелъ съ коня,
Палъ ницъ и возблагодарилъ Бога.

Когда онъ всталъ, солнце закатилось.
Сказалъ императоръ: „Время сдѣлать привалъ,—
„Поздно теперь возвращаться въ Ронсеваль.
„Кони наши изнурены и истомлены:
„Снимите съ нихъ сѣдла и разнуздайте,—
„Пусть они освѣжатся на лугу.“
Французы отвѣчали: „Государь, вы говорите справедливо.“

CCXII.

Императоръ остался здѣсь для ночлега.
Французы спѣшились между Вальтіеррой и Эбро;
Сняли они сѣдла съ коней,
Сняли золотыя уздечки;
Потомъ пустили ихъ на лугъ съ свѣжей травой;
Ничего иного не могли имъ устроить:
Усталые уснули тутъ же на землѣ.
Въ эту ночь не было дозора.

CCXIII.

Императоръ уснулъ на лугу;
Онъ поставилъ у изголовья длинное копье свое,
Ибо не хочетъ эту ночь спать безоружнымъ.
Надѣлъ онъ бѣлый панцырь съ золотымъ отворотомъ.
Привязалъ свой шлемъ золоченый;
Опоясался мечемъ Жуайезъ [1]),—безподобнымъ,

---

[1]) Копье, которымъ былъ прободенъ нашъ Спаситель на крестѣ, было предметомъ многочисленныхъ сказаній въ теченіе среднихъ вѣковъ. По одному изъ нихъ—„*Путешествіе въ Іерусалимъ*“—Карлъ Великій, по возвращеніи изъ Константинополя, привезъ съ собою святыню, подаренную ему Константинопольскимъ царемъ. Святыня эта была оправлена имъ въ рукояткѣ меча, который, вслѣдствіе этого, и названъ былъ Joyeuse—драгоцѣнность, по древне-латинскому значенію gaudium, откуда испанское joya, итальянское—gioja и древне-французское—joie, въ томъ же значеніи. Это названіе меча стало впослѣдствіи обычнымъ эпическимъ кликомъ: Monjoie, съ которымъ французы бросались въ битву. См. Ѳ. И. Буслаевъ. Народная поэзія. IV. Пѣсня о Роландѣ, 305—306 стр.

Что ежедневно разъ тридцать мѣняетъ свой блескъ.
Вы слыхали, конечно, о томъ копьѣ,
Которымъ Господь нашъ былъ прободенъ на крестѣ:
Благодареніе Богу, наконечникъ его достался Карлу,
И онъ оправилъ его въ позлащенной рукояти своего меча.
Ради такой чести и добрòты,
Его и назвали именемъ Жуайезъ;
Имя это незабвенно рыцарямъ Франціи—
Отъ него и кликъ ихъ—Монжуа.
Вотъ почему предъ ними никто не устоитъ.

CCXIV.

Ночь свѣтла, и луна сіяетъ.
Карлъ лежитъ, но скорбитъ о Роландѣ,
Воспоминаніе объ Оливьерѣ угнетаетъ его,—
О двѣнадцати пэрахъ и всѣхъ французахъ,
Что онъ оставилъ мертвыми, въ крови, въ Ронсевалѣ.
Онъ не можетъ удержаться отъ слезъ и рыданій,
Молитъ Бога спасти эти души.
Но король утомленъ, ибо очень велики его труды.
Дрема долитъ, и вотъ онъ наконецъ засыпаетъ.
На лугахъ повсюду спятъ франки.
Ни одинъ конь не въ силахъ былъ остаться на ногахъ:
Который хотѣлъ травы, щипалъ ее лежа.
Многое познаетъ, кто извѣдалъ бѣду.

CCV.

Какъ человѣкъ изнеможенный, Карлъ уснулъ.
Святого Гавріила послалъ къ нему Богъ,
Повелѣвъ охранять императора.
Ангелъ всю ночь провелъ у его изголовья
И въ вѣщемъ снѣ показалъ ему
Великую битву, что ему предстоитъ.
Потомъ онъ открылъ его важное значенье.
Карлъ возвёлъ взоры къ небу

И увидѣлъ: молніи, морозы, вѣтры,
Громы, страшныя бури,
Огонь и пламя, наготовѣ.
Внезапно все это опрокинулось на его дружину.
Воспламенились копья изъ яблони и дуба
И щиты до навершій чистаго золота;
Сокрушены древка острыхъ пикъ;
Стальные шлемы и панцыри изрублены.
Въ какой бѣдѣ онъ видитъ своихъ рыцарей!
Медвѣди, леопарды хотятъ ихъ пожрать—
Змѣи, гады, драконы, чудовища
И болѣе тридцати тысячъ грифовъ.
Всѣ они устремились на французовъ.
И французы кричатъ: „Карлъ великій, помоги!“
Королю великое горе и жаль;
Онъ хочетъ итти къ нимъ, но вотъ помѣха:
Изъ чащи лѣса громадный левъ бросился на него.
Разъяренный, страшный лютый звѣрь
Прямо вцѣпился въ тѣло короля.
Оба, въ борьбѣ, схватились грудь съ грудью.
Неизвѣстно, кто побѣдитъ, кто нѣтъ.....
Императоръ спитъ непробудно.

CCXVI.

Послѣ этого, было другое видѣнье:
Будто онъ во Франціи, въ Ахенѣ, на крыльцѣ,
Держитъ медвѣдя на двойной цѣпи.
Вдругъ изъ Арденъ выходитъ тридцать медвѣдей,
И каждый говоритъ по-человѣчьи.
И молвятъ они: „Государь, возвратите его намъ;
„Несправедливо держать вамъ его у себя.
„Это нашъ родичъ, и мы должны помочь ему.“
Тогда изъ дворца выбѣгаетъ прекрасная борзая
И бросается на самаго большого
На зеленой травѣ, близъ его сотоварищей

Король видитъ передъ собою яростную борьбу.
Но неизвѣстно, кто побѣдитъ, кто нѣтъ.—
Вотъ что ангелъ Божій показалъ барону.
Карлъ проспалъ до-завтра, до самаго утра.

CCXVII.

Король Марсилій бѣжалъ въ Сарагоссу.
Онъ спрянулъ съ коня въ тѣни, подъ оливой;
Сдаетъ онъ мечъ, шлемъ и панцырь,
На зеленую траву въ сокрушеніи ложится:
Онъ лишился правой своей руки,
Кровь течетъ, и онъ падаетъ безъ чувствъ.
Передъ нимъ жена его Брамимонда
Плачетъ, кричитъ, горько жалуется.
Болѣе двадцати тысячъ человѣкъ съ нимъ;
Всѣ они проклинаютъ Карла и милую Францію.
Къ Аполлину, въ пещеру, бѣгутъ они,
Корятъ и жестоко поносятъ:
„Гнусный богъ, почему ты довелъ насъ до такого позора?
„Почему ты посрамилъ такъ нашего короля?
„Плохо награждаешь ты тѣхъ, кто тебѣ служитъ.“
Потомъ отбираютъ у него скипетръ и корону,
Вѣшаютъ его за руки на колонну,
Стаскиваютъ на землю къ своимъ ногамъ,
Бьютъ его жестоко палками и разбиваютъ.
У Тервагана отбираютъ его украшенья,
Магомета же кидаютъ въ ровъ,
Гдѣ вепри и собаки разрываютъ и топчутъ его.
[Никогда не бывало богамъ такого посрамленья].

CCXVIII.

Марсилій пришелъ въ себя,—
Велитъ отнести себя въ палату,
Расписанную въ разныя краски.
Королева Брамимонда плачетъ надъ нимъ,

Рветъ на себѣ волосы и называетъ себя несчастной.
Громкимъ голосомъ восклицаетъ она:
„О, Сарагосса, ты лишилась
„Благороднаго короля, управлявшаго тобой!
„Наши боги вѣроломко
„Предали насъ въ битвѣ.
„Эмиръ поступитъ трусливо,
„Если не сразится съ этимъ надменнымъ народомъ,—
„Столь отважнымъ, что имъ и жизнь ни по чемъ!
„Ихъ сѣдобородый императоръ
„Такъ храбръ и такъ отваженъ!
„Въ битвѣ онъ не уступитъ ни шагу.
„Великое горе, что некому его умертвить!“

CCXIX.

Императоръ Карлъ, благодаря своему могуществу,
Цѣлыя семь лѣтъ оставался въ Испаніи;
Онъ взялъ тамъ замки и города.
Королю Марсилію было много заботъ.
Въ первый годъ разослалъ онъ письма:
Въ Вавилонію послалъ Балигану [1])
(То былъ Эмиръ, стародревній,
Переживший и Виргилія и Гомера),—
Просилъ его помочь ему въ Сарагоссѣ.
Если же тотъ этого не сдѣлаетъ, онъ покинетъ своихъ боговъ,
Отступится отъ идоловъ, которымъ поклонялся,
Приметъ святое христіанство
И заключитъ миръ съ Карломъ Великимъ.—

---

[1]) По „Хроникѣ Турпина“, *Марсиръ* и *Белиганъ* были братья, посланные Вавилонскимъ эмиромъ въ Испанію и царствовавшіе въ Сарагоссѣ. Оба они напали на аррьергардъ, которымъ начальствовалъ Роландъ, при чемъ Марсиръ былъ убитъ, а Белиганъ бѣжалъ. Здѣсь, напротивъ, Балиганъ является великимъ Эмиромъ Вавилона, имѣющимъ въ своемъ распоряженіи сорокъ другихъ королей, словомъ—верховнымъ главою ислама; Марсиръ-же—одинъ изъ его вассаловъ.

Но (Балиганъ) далеко и долго медлитъ.
Онъ собралъ народъ изъ сорока царствъ своихъ,
Повелѣлъ изготовить громадные плоты,
Барки и лодки, и галеры, и корабли.
Въ Александріи, приморскомъ портѣ,
Онъ собралъ, наконецъ, весь флотъ свой.
То было въ маѣ, въ первый лѣтній день:
Онъ пустилъ на море все свое войско.

CCXX.

Велико войско невѣрныхъ!
Быстро подъ парусами плыветъ, управляясь.
На верхушкахъ мачтъ и на высокихъ реяхъ
Висятъ фонари и карбункулы;
Оттуда они бросаютъ такой свѣтъ,
Что среди ночи море кажется еще прекраснѣе.
А когда подошли къ Испанской землѣ,
Вся страна озарилась ими.
Дошло и до Марсилія извѣстіе,
[Что Балиганъ ступилъ на его землю
И войско привелъ невиданно прекрасное.
Семнадцать при немъ королей стоятъ во главѣ его
Да поможетъ Карлу Господь и святые Отцы:
Предстоитъ жестокая и яростная битва!]

CCXXI.

Язычники не хотятъ промедленья.
Выйдя изъ моря, вступили въ прѣсныя воды,
Оставили позади себя Марбризію и Марбрузію [1])
И вошли со всѣми кораблями въ воды Эбро.
[На верхушкѣ мачтъ и на высокихъ реяхъ]
Много фонарей и карбункуловъ!

---

[1]) Названія, повидимому, фантастическія.

Всю ночь отъ нихъ исходитъ сильный свѣтъ.
Въ тотъ же день войско прибыло въ Сарагоссу.

CCXXII.

Ясенъ день, и солнце сіяетъ.
Эмиръ сошелъ съ корабля;
По правую его руку идетъ Эспанелисъ,
Семнадцать королей слѣдуютъ за нимъ;
Графамъ и герцогамъ и счету нѣтъ.
Въ тѣни лавра, посреди поля,
На зеленой травѣ, разстилаютъ бѣлый коверъ;
Ставятъ на немъ кресло слоновой кости,—
На немъ садится язычникъ Балиганъ;
Всѣ остальные стоятъ.
Ихъ предводитель говоритъ первымъ:
„Послушайте, вольные рыцари храбрые:
„Король Карлъ, императоръ франковъ,
„Не посмѣетъ и ѣсть, пока я не разрѣшу.
„По всей Испаніи воюетъ онъ со мною слишкомъ долго:
„Пойду въ милую [1]) Францію и тамъ нападу на него;
„И не перестану воевать во всю мою жизнь,
„Пока онъ не погибнетъ, либо не покорится живой".
И ударилъ себя по колѣну правой перчаткой.

CCXXIII.

А сказавъ, еще пуще возгордился:
За все золото въ поднебесьи, онъ не преминетъ
Дойти до самаго Ахена, гдѣ правитъ Карлъ.
Приближенные прославляютъ его и совѣтуютъ то же.
Тогда призываетъ онъ двухъ своихъ рыцарей:
Одного—Кларифана, другого—Клариена.
„Вы—сыны короля Мальтраэна:
„Онъ охотно исполнялъ посольскія порученія.

[1]) Постоянный эпитетъ.

„Повелѣваю вамъ итти въ Сарагоссу.
„Возвѣстите отъ меня Марсилію,
„Что я пришелъ помочь ему противъ французовъ.
„Попадись мнѣ ихъ войско—великая будетъ битва!
„Подайте ему эту перчатку, шитую золотомъ,
„Надѣньте на правую руку
„И отнесите ему также этотъ жезлъ литого золота.
„Затѣмъ, когда онъ придетъ мнѣ поклониться,
„Я отправлюсь во Францію войной на Карла:
„Если тотъ, у ногъ моихъ, не вымолитъ себѣ пощады,
„И не отречется отъ христіанской вѣры,
„Я сорву съ его головы корону.“
Язычники отвѣтствуютъ: „Прекрасно сказано, государь!“

CCXXIV.

Говоритъ Балиганъ: „Теперь поѣзжайте, бароны:
„Одинъ изъ васъ повезетъ перчатку, другой—жезлъ.“
А тѣ отвѣчаютъ: Возлюбленный государь, исполнимъ.“
Они такъ поскакали, что скоро очутились въ Сарагоссѣ.
Проѣзжаютъ десять воротъ, минуютъ четыре моста,
Проносятся по всѣмъ улицамъ, гдѣ были горожане.
Приближаясь къ верхней части города,
Слышатъ они, у дворца, великій шумъ.
То—народъ языческій
Плачетъ и кричитъ, предается великому горю,
Сѣтуетъ на боговъ своихъ, Тервагана и Магомета,
И на того же Аполлина, что не далъ имъ ничего.
И говорятъ другъ другу: „Несчастные, что съ нами будетъ!
„Надъ нами великая бѣда.
„Мы лишились короля Марсилія,—
„Вчера графъ Роландъ отсѣкъ его правую руку.
„Нѣтъ больше русаго Жюрфалея.
„Вся Испанія будетъ въ ихъ рукахъ.“
Два посла сошли у подъѣзда.

CCXXV.

Они оставили своихъ коней подъ тѣнью оливы,
А два сарацина взяли тѣхъ подъ уздцы.
Потомъ послы, придерживая свои плащи,
Поднялись въ верхнюю часть дворца.
Входя въ палату со сводами,
Они любовно произносятъ привѣтъ невѣрныхъ:
„Аполлинъ, держащій насъ подъ своей властью,
„И Терваганъ, и владыка нашъ Магометъ
„Да спасутъ короля и сохранятъ королеву!“
Сказала Брамимонда: „Вотъ слышу я рѣчи безъ смысла:
„Наши боги совсѣмъ безсильны,
„И плохую помощь оказали намъ въ Ронсевалѣ.
„Они дали погибнуть тамъ всѣмъ нашимъ рыцарямъ
„И, въ битвѣ, покинули моего повелителя.
„Онъ лишился правой руки, у него нѣтъ ея больше, —
„Ему отрубилъ ее графъ Роландъ могучій.
„Карлъ скоро овладѣетъ всей Испаніей.
„Что я буду дѣлать, бѣдная, слабая?
„Несчастная! хоть бы кто-нибудь меня убилъ!“

CCXXVI.

Сказалъ Клаpіенъ: „Госпожа, поудержите ваши рѣчи.
„Мы—послы язычника Балигана,—
„Онъ обѣщаетъ быть пособникомъ Марсилія:
„Вотъ перчатку и жезлъ онъ ему посылаетъ.
„На Эбро—у насъ четыре тысячи плотовъ,
„Кораблей, барокъ и быстрыхъ галеръ,—
„И не перечесть мнѣ число нашихъ судовъ.
„Эмиръ—богатъ и могущественъ.
„Онъ пойдетъ преслѣдовать Карла Великаго въ самую Францію,
„Пока не увидитъ мертвымъ, либо покорнымъ.“
Отвѣчаетъ Брамимонда: „Не пойдетъ такъ ладно.

*

„Вы можете встрѣтиться съ франками поближе отсюда.
„Семь лѣтъ уже они въ этой странѣ.
„Императоръ—отважный, истый баронъ;
„Онъ скорѣе умретъ, чѣмъ обратится въ бѣгство.
„Всѣ короли подъ небомъ—дѣти предъ нимъ,—
„Карлу не страшенъ никто изъ живыхъ людей.“

CCXXVII.

—„Оставьте все это!“ сказалъ король Марсилій.
И молвилъ посламъ: „Синьоры, обратитесь ко мнѣ:
„Вы видите, что я удрученъ смертельно:
„Нѣтъ у меня ни сына, ни дочери, ни наслѣдника—
„Былъ у меня одинъ—вчера вечеромъ его убили.
„Передайте же моему господину, чтобы онъ повидался со мной.
„Эмиръ имѣетъ права на Испанскую землю;
„Если онъ хочетъ, я ее уступаю ему:
„Пусть онъ только защититъ ее отъ французовъ.
„Я дамъ добрый совѣтъ относительно Карла Великаго, —
„И онъ, пожалуй, ранѣе мѣсяца побѣдитъ его.
„Отнесите ему ключи Сарагоссы
„И скажите, что онъ только выиграетъ, повѣривъ мнѣ.“
Тѣ отвѣтили: „Государь, вы говорите справедливо.“

CCXXXIII.

И сказалъ Марсилій: „Карлъ императоръ
„Перебилъ моихъ людей, опустошилъ всю мою землю,
„Подчинилъ себѣ и разрушилъ мои города.
„Онъ съ войскомъ стоитъ станомъ надъ Эбро,
„Въ семи льё отсюда, я ихъ сосчиталъ.
„Скажите Эмиру,—пусть онъ ведетъ свое войско,
[„А ихъ онъ можетъ найти въ нашей странѣ.]
„Скажите ему отъ меня: пусть приготовится къ битвѣ,
[„Французы не откажутся отъ нея.“]
Вручилъ имъ ключи Сарагоссы.

Оба посла поклонились ему,
Распрощались и отправились въ обратный путь.

CCXXIX.

Оба посла сѣли на коней
И быстро выѣхали изъ города.
Въ страхѣ явились они къ Эмиру
И подали ему ключи Сарагоссы.
Сказалъ Балиганъ: „Что же вы тамъ нашли?
„Гдѣ Марсилій, котораго я звалъ?“
Отвѣчаетъ Кларіенъ: „Онъ смертельно раненъ.
„Императоръ вчера прошелъ ущельемъ,
„Намѣреваясь вернуться въ милую Францію.
„Для почета, онъ велѣлъ слѣдовать за собой арьергарду.
„Гдѣ находился графъ Роландъ, его племянникъ,
„И Оливьеръ, и двѣнадцать пэровъ,
„И двѣнадцать тысячъ французскихъ воиновъ.
„Король Марсилій, какъ истый баронъ, сразился съ ними.
„Роландъ встрѣтился съ нимъ на полѣ брани
„И нанесъ такой ударъ Дюрандалемъ,
„Что отрубилъ ему кисть правой руки;
„Онъ убилъ его сына, котораго тотъ такъ любилъ,
„И всѣхъ бароновъ, имъ приведенныхъ.
„Тотъ, не въ силахъ держаться, бѣжалъ,
„Императоръ его преслѣдовалъ рьяно.
„Король проситъ, чтобъ вы помогли ему,
„Онъ же отдастъ вамъ все Испанское царство.“
И крѣпко задумался Балиганъ:
Едва не помѣшался—столь велико было его горе.

CCXXX.

„Государь эмиръ“, сказалъ ему Кларіенъ,
„Вчера была битва въ Ронсевалѣ;
„Убитъ Роландъ, убитъ и графъ Оливьеръ;
„Убиты двѣнадцать пэровъ, столь любимыхъ Карломъ;

„Двадцать тысячъ французовъ убито.
„Король Марсилій лишился кисти правой руки,
„И императоръ преслѣдовалъ его рьяно.
„Въ этой странѣ не осталось рыцаря,
„Не убитаго иль не утонувшаго въ Эбро.
„Французы стоятъ станомъ на берегу,
„Въ этой мѣстности, близко отъ насъ.
„Если бы вы пожелали, имъ отступить будетъ трудно."
Во взорѣ Балигана сверкнула гордость,
Въ сердцѣ вспыхнула радость и веселье.
Онъ поднялся съ кресла во весь ростъ
И воскликнулъ: „Бароны, не медлите;
„Сойдите съ кораблей, на коня, впередъ!
„Если старецъ Карлъ Великій не убѣжитъ отъ насъ,
„Сегодня же король Марсилій будетъ отомщенъ.
„За утраченную имъ десницу я дамъ ему голову (императора)."

CCXXXI.

Язычники Аравіи сошли съ кораблей;
Потомъ сѣли на коней и муловъ
И скачутъ,—что имъ иное дѣлать?
Эмиръ, двинувъ ихъ въ походъ,
Зоветъ къ себѣ Жемальфина, своего друга:
„Поручаю тебѣ начальство надъ всей моей арміей."
Потомъ сѣлъ на вороного коня;
Съ собою беретъ онъ лишь четырехъ герцоговъ
И безостановочно скачетъ къ Сарагоссѣ.
Онъ сходитъ съ коня на мраморное крыльцо,
И стремя ему держали четыре графа.
По ступенькамъ поднимается онъ во дворецъ,
И Брамимонда выбѣгаетъ къ нему на встрѣчу.
Она говоритъ ему: „О, несчастная! горе мнѣ!
„Какъ постыдно лишилась я моего повелителя!
[„Племянникъ Карла смертельно ранилъ его и опозорилъ."]

Она падаетъ къ ногамъ его, Эмиръ ее поднимаетъ,
И оба, въ горѣ, уходятъ въ палаты наверхъ.

CCXXXII.

Король Марсилій, увидѣвъ Балигана,
Зоветъ двухъ испанскихъ сарацинъ:
„Возьмите меня подъ руки и подымите.“
Лѣвою рукой беретъ онъ одну изъ своихъ перчатокъ;
И говоритъ Марсилій: „Государь эмиръ,
„Вручаю вамъ тутъ всѣ мои земли
„И Сарагоссу, съ принадлежащимъ къ ней леномъ.
„Себя я погубилъ и весь мой народъ!“
А тотъ отвѣчаетъ: „Велико мое горе;
„Но мнѣ некогда долѣе бесѣдовать съ вами,
„Ибо знаю, что Карлъ не станетъ ждать меня.
„Перчатку же отъ васъ принимаю.“
И, въ горѣ плача, вышелъ изъ палаты,
По ступенькамъ спустился изъ дворца,
Сѣлъ на коня и поскакалъ къ своему войску,
Такъ быстро, что вскорѣ сталъ во главѣ его,
И, время отъ времени, покрикивалъ:
„Впередъ, язычники: франки убѣгутъ отъ насъ.“

CCXXXIII.

Рано утромъ, едва показался разсвѣтъ,
Императоръ Карлъ пробудился.
Святой Гавріилъ, охранявшій его по волѣ Божьей,
Воздымаетъ руку и осѣняетъ его крестнымъ знаменіемъ.
Король встаетъ и оставляетъ свое оружіе.
Всѣ его рыцари покидаютъ также вооруженіе,
Садятся на коней и быстро скачутъ
Широкими путями, длинными дорогами.
Ѣдутъ они взглянуть на великій погромъ,
Въ Ронсеваль, туда, гдѣ была битва.

CCXXXIV.

Въ Ронсеваль Карлъ прибылъ.
Надъ убитыми сталъ онъ плакать.
Сказалъ онъ французамъ: „Синьоры, умѣрьте шагъ,
„Ибо я долженъ одинъ пойти впередъ,
„Чтобы найти племянника моего Роланда.
„Однажды я былъ въ Ахенѣ, на годовомъ праздникѣ;
„Мои храбрые баккалавры [1]), хвастались
„Своими сраженіями, лихими и трудными битвами.
„И Роландъ, помнится, говорилъ,
„Что если умретъ онъ въ чужомъ краю,
„(Тѣло) его найдутъ впереди его пэровъ и воиновъ,
„Лицо его будетъ обращено къ вражеской землѣ,
„И умретъ онъ, богатырь, побѣдителемъ.“
Немного далѣе, чѣмъ можно забросить жезлъ,
Онъ опередилъ другихъ и поднялся на холмъ.

CCXXXV.

Императоръ, отыскивая своего племянника,
Встрѣтилъ лугъ, весь усыпанный травой и цвѣтами,
Багряными отъ крови нашихъ бароновъ;
Въ жалости, Карлъ не можетъ удержаться отъ слезъ.
Наконецъ, взойдя на верхъ, подъ тѣнь двухъ деревьевъ,
На трехъ плитахъ распозналъ онъ удары Роланда;
На зеленой травѣ лежитъ его племянникъ.
Не диво, что Карлъ сокрушенъ горемъ.
Онъ спѣшился, бросается къ нему,
Обѣими руками обнимаетъ тѣло графа,
Отъ горя, падаетъ на него безъ чувствъ.

---

[1]) Этимъ именемъ, повидимому, назывались лица, еще не принятыя въ рыцарскій орденъ. L. Gautier. La chanson de Roland, p. 458.

CCXXXVI.

Императоръ приходитъ въ себя.
Герцогъ Нэмонъ, графъ Аселинъ,
Жоффрэй Анжуйскій и братъ его Тьерри
Берутъ короля и прислоняютъ его къ ели.
Онъ смотритъ на землю и видитъ тѣло своего племянника.
Тихо начинаетъ оплакивать его:
„Другъ Роландъ, да помилуетъ тебя Богъ!
„Никогда не видано такого рыцаря,
„Чтобы вести и довершать великія битвы.
„Закатилась моя слава и честь.“
Карлъ лишился чувствъ, онъ не можетъ владѣть собой.

CCXXXVII.

Король Карлъ приходитъ въ себя.
Четыре барона держатъ его за руки.
Смотритъ на землю и видитъ тѣло своего племянника.
Лицо его поблекло, но видъ все еще молодецкій;
Глаза закатились и подернулись мракомъ.
По вѣрѣ и любви, Карлъ оплакиваетъ его:
„Другъ Роландъ, да поселитъ Господь душу твою на цвѣтахъ,
„Въ раю, посреди блаженныхъ!
„И зачѣмъ суждено было тебѣ прійти въ Испанію?
„Отнынѣ не будетъ мнѣ дня покою отъ тоски по тебѣ.
„Какъ падутъ теперь мое могущество и радость!
„Некому теперь служить опорой моего царства.
„Подъ небомъ нѣтъ у меня теперь ни одного друга!
„Изъ родныхъ моихъ нѣтъ ни одного столь доблестнаго“.
Обѣими руками рветъ онъ свои кудри,
[На него въ сокрушеніи падаетъ безъ чувствъ.]
Сто тысячъ франковъ проникнуты столь сильнымъ горемъ,
Что нѣтъ среди нихъ никого, кто не плакалъ бы горько.

CCXXXVIII.

„Другъ Роландъ, я возвращусь во Францію.
„А когда буду въ Лаонѣ, въ моей палатѣ,
„Наѣдутъ чужеземцы изъ разныхъ странъ,
„Станутъ спрашивать: „Гдѣ графъ, предводитель?“
„Я же отвѣчу имъ, что онъ умеръ въ Испаніи.
„Отнынѣ въ великой горести стану я править царствомъ.
„Не будетъ дня для меня безъ слезъ и горя“.

CCXXXIX.

„Другъ Роландъ, богатырь, прекрасный юноша!
„Когда я буду въ Ахенѣ, въ замкѣ своемъ,
„Станутъ приходить люди и разспрашивать о тебѣ.
„Странныя и жестокія вѣсти сообщу я:
„Умеръ мой племянникъ, завоевавшій мнѣ столько земель.
„Возмутятся противъ меня саксонцы,
„Венгры, болгары и многіе противники,
„Романы, апулійцы и жители Палермо,
„Жители Африки и Калиферны(?).
„Мученія мои будутъ ежедневно расти.
„Кто поведетъ войско мое такъ властно,
„Когда умеръ тотъ, кто всегда былъ у насъ во главѣ?
„О, милая Франція, и ты осиротѣла!
„Горесть моя такъ велика, что я самъ предпочелъ бы не жить“.
И сталъ онъ рвать бѣлую свою бороду,
Обѣими руками рвать волосы на головѣ:
Сто тысячъ франковъ, безъ чувствъ, пали на землю.

CCXL.

„Другъ Роландъ, ты лишился жизни:
„Да водворится душа твоя въ раю.
„Твой убійца оскорбилъ милую Францію:
„Мнѣ такъ горестно, что и жить не хотѣлось бы болѣе.

„Изъ-за меня весь домъ мой погибъ.
„Пошли Господи, Сыне Пресвятой Маріи,
„Прежде еще, чѣмъ я подойду ко входу въ ущелье Сизры,
„Чтобы душа моя нынче же покинула тѣло,
„Чтобы соединилась она съ ихъ душами,
„А тѣло мое будетъ погребено рядомъ съ ихъ тѣлами".
Онъ плачетъ, рветъ бѣлую свою бороду.
И сказалъ герцогъ Нэмонъ: „Велика горесть Карла".

CCXLI.

„Государь императоръ", сказалъ Жоффрэй Анжуйскій,
„Не давайте увлечь себя такому горю:
„Прикажите разыскать на полѣ битвы всѣхъ нашихъ,
„Убитыхъ воинами Испаніи,
„И въ общую могилу ихъ перенести".
И сказалъ король: „Трубите въ вашъ рогъ".

CCXLII.

Жоффрэй Анжуйскій затрубилъ въ свой рогъ,
Французы спѣшились, по приказанію Карла.
Всѣ ихъ друзья, которыхъ нашли они тамъ мертвыми,
Были тотчасъ же перенесены въ общую могилу.
При войскѣ много было епископовъ и аббатовъ,
Монаховъ, канониковъ и ставленныхъ священниковъ.
Они даютъ умершимъ отпущеніе и благословеніе отъ Бога
Возжигаютъ затѣмъ ѳиміамъ и мирру,
И всѣ, съ любовью, окурили тѣла.
Съ великой честью предали ихъ погребенью,
Потомъ оставили ихъ—что же было дѣлать?

CCXLIII.

Императоръ повелѣлъ сохранить (тѣла) Роланда,
Оливьера и архіепископа Турпина.
Онъ велѣлъ вскрыть ихъ при себѣ;

Въ шелковый платъ сердца ихъ завернули,
Сложили въ ларцы изъ бѣлаго мрамора;
А потомъ взяли тѣла бароновъ
И зашили въ оленьи кожи троихъ синьоровъ,
Омывъ ихъ перцовымъ растворомъ и виномъ,—
Король велитъ Тебальду и Жебуину,
Графу Милону и Оттону маркизу:
„Везите ихъ въ пути на трехъ повозкахъ!“
Они покрыты были парчевымъ глазетомъ [1]).

CCXLIV

[Предавъ погребенію своихъ бароновъ,
Кромѣ тѣхъ, что онъ хочетъ перевезти въ Блэй, [2])]
Императоръ Карлъ собирается въ путь,
Какъ вдругъ является предъ нимъ авангардъ невѣрныхъ.
Изъ рядовъ выступаютъ два гонца
И, отъ имени эмира, объявляютъ сраженіе:
„Царь горделивый, ты не имѣешь права уйти,
„Вотъ Балиганъ,—онъ мчится за тобою;
„Громадное войско онъ привелъ изъ Аравіи—
„Теперь мы увидимъ, воистину ли ты храбръ“.
Король Карлъ рванулъ свою бороду,
Вспомнивъ про свое горе и великій разгромъ,
[Испытанный имъ въ Ронсевальской битвѣ.]
Гордо оглянулъ онъ все свое войско
И громкимъ, мощнымъ голосомъ крикнулъ:
„Бароны Франціи, на коней и къ оружію!“

---

[1]) Ткань шелковая изъ Galaza, Glaza. Такъ называетъ Марко Поло Aias, Agasso, или Lajazo. См. F. Michel. Etoffes de soie, d'or et d'argent, I, 329.

[2]) По историческимъ даннымъ, Карлъ похоронилъ въ Бордо тѣла многихъ убитыхъ бароновъ, Роландовъ же мечъ по преданію былъ помѣщенъ на гробу Роланда, а рогъ—въ ногахъ. (Буслаевъ.)

CCXLV.

Императоръ сталъ вооружаться первымъ:
Быстро надѣлъ онъ свою броню,
Завязалъ шлемъ и опоясался Жуайезомъ,
Что въ блескѣ не уступитъ и солнцу.
На шею повѣсилъ щитъ изъ Жиронды,
Схватилъ копье, сдѣланное въ Бландоннѣ,
И сѣлъ на добраго коня своего Тансандора,
Добытаго имъ при Марсоннѣ
Отъ убитаго Мальпалина изъ Нарбонны.
Опустилъ повода и лихо пришпорилъ коня.
Передъ тридцатитысячнымъ войскомъ онъ пронесся въ галопъ
Призывая Бога и римскаго апостола.
[Послѣ молитвы, онъ не опасается пораженья.
И французы воскликнули: „Вотъ достойный вѣнца“.]

CCXLVI.

По всей долинѣ спѣшились французы,
Болѣе ста тысячъ вооружаются вмѣстѣ.
Какъ пристало имъ ихъ вооруженіе!
Кони ихъ быстры, оружіе прекрасно;
Ихъ значки ниспадаютъ до самыхъ шлемовъ.
Съ какою ловкостью садятся они въ сѣдло!
При встрѣчѣ съ войскомъ дадутъ ему битву!
Карлъ, увидя столь блестящій строй,
Подозвалъ Жоссерана изъ Прованса,
Герцога Нэмона и Антельма изъ Майнца:
„Такіе рыцари невольно внушаютъ довѣріе;
„Сомнѣваться въ нихъ можетъ только безумный.
„Лишь бы арабы не отступили,
„Я дорого заставлю ихъ заплатить за смерть Роланда“
Отвѣчалъ герцогъ Нэмонъ: „Дай Богъ!“

CCXLVII.

Карлъ зоветъ Рабеля и Гинемана.
И говоритъ имъ король: „Синьоры, приказываю вамъ
„Занять мѣста Оливьера и Роланда:
„Одинъ пусть несетъ мечъ, другой—Олифантъ.
„Скачите во главѣ, въ первомъ ряду,
„И возьмите съ собою пятнадцать тысячъ французовъ,—
Изъ баккалавровъ и самыхъ храбрѣйшихъ.
„За ними послѣдуетъ столько же другихъ,
„Ихъ поведутъ Жебуинъ и Лоранъ."
Герцогъ Нэмонъ и графъ Жозеранъ
Тотчасъ же разставили эти два отряда войска.
Попадись имъ непріятель—будетъ великій бой!
[Будутъ разить они острыми мечами.]

CCXLVIII.

Французы составляютъ первые два отряда войска.
Послѣ двухъ первыхъ, собираютъ третій,
Въ который назначены вассалы Баваріи,
Всего около тридцати тысячъ рыцарей.
Ну, эти-то ужъ не побѣгутъ съ поля битвы,—
Подъ небомъ нѣтъ народа, столь любимаго Карломъ,—
Кромѣ французовъ, завоевателей царствъ.
Графъ Ожье Датскій, отважный боецъ,
Поведетъ ихъ, ибо та дружина на славу.

CCXLIX.

У императора Карла уже три отряда войска;
Герцогъ Нэмонъ набираетъ четвертый
Изъ рыцарей великой отваги:
То аллеманы изъ пограничной Марки,
Ихъ двадцать тысячъ, по словамъ другихъ.
У нихъ прекрасные кони и оружіе;
Умрутъ, но не покинутъ битвы.

Предводитель ихъ Германнъ, герцогъ Ѳракійскій,
Скорѣе погибнетъ, чѣмъ струситъ.

CCL.

Герцогъ Нэмонъ и графъ Жозеранъ
Изъ норманновъ сбираютъ пятый отрядъ;
Ихъ двадцать тысячъ, какъ говорятъ всѣ франки.
У нихъ прекрасное оружіе, кони крѣпкіе и быстрые.
Они ужъ умрутъ, но не сдадутся:
Подъ небомъ нѣтъ племени, выносливѣй въ битвѣ.
Во главѣ ихъ станетъ старый Ричардъ—
И будетъ острымъ копьемъ разить.

CCLI.

Шестой отрядъ войска составленъ изъ бретонцевъ;
Ихъ до сорока тысячъ рыцарей.
На конѣ всѣ они, какъ истые бароны,
Съ ихъ длинными копьями и развѣвающимися значками.
Ихъ властитель, по имени Эдонъ,
Такъ повелѣваетъ графу Нивелону,
Тебальду изъ Реймса и маркизу Отону:
„Ведите моихъ людей на бой, я вамъ ихъ вѣряю.“
[И всѣ трое отвѣтили: „Исполнимъ вашъ приказъ.“]

CCLII.

У императора готовы шесть отрядовъ;
Герцогъ Нэмонъ собираетъ седьмой
Изъ рыцарей Пуату и Альверны [1]);
Ихъ едва ли не сорокъ тысячъ.
Кони у нихъ добрые и прекрасное оружіе.
Они одни тамъ, на равнинѣ, подъ горкой,
И Карлъ десницей ихъ благословляетъ.
Предводители ихъ: Жозеранъ и Годсельмъ.

---

[1]) Alverne—нынѣ Овернь (Auvergne).

CCLIII.

Восьмой отрядъ герцогъ Нэмонъ составляетъ
Изъ фламандцевъ и рыцарей Фризіи:
Болѣе сорока тысячъ всадниковъ.
Эти навѣрное не покинутъ битвы.
И король говоритъ: „Они сослужатъ мнѣ службу.
Пусть Рэмбальдъ, вмѣстѣ съ Гамономъ изъ Галисіи,
Поведутъ ихъ, какъ добрую конницу, въ битву.“

CCLIV.

Герцогъ Нэмонъ и графъ Жозеранъ
Набираютъ девятый отрядъ изъ отважныхъ людей:
То—лотарингцы и бургунды.
Всего ихъ счетомъ пятьдесятъ тысячъ всадниковъ
Въ шлемахъ и броняхъ.
[Мечи у нихъ при бедрѣ, а на шеѣ двойные тарчи;] [1])
Копья ихъ крѣпки, и древки коротки.
Если арабы не отступятъ
И затѣятъ битву, тѣ пріударятъ.
Поведетъ ихъ Тьерри, герцогъ Аргонскій.

CCLV.

Десятый отрядъ—изъ рыцарей Франціи.
Тутъ сто тысячъ лучшихъ нашихъ воиновъ;
У нихъ мощный станъ и видъ горделивый,
Кудри сѣдыя и бороды бѣлыя.
Они надѣли двойныя брони и панцыри,
Опоясали мечи французскіе либо испанскіе;
На щитахъ ихъ множество разныхъ отличій; [2])
[Копья ихъ крѣпки, и сталь тверда;
До ногтей они защищены желѣзною кольчугой.]

---

[1]) Тарчъ—длинный щитъ (targes).

[2]) Знаки для распознаванія другъ друга въ битвѣ, подобно кресту на щитахъ у крестоносцевъ. Но, по мнѣнію Готье, это не были гербы.

Вскочивъ на коней, они рвутся въ бой,
Восклицаютъ: Монжуа! Съ ними Карлъ Великій.
Жоффрэй Анжуйскій держитъ орифламму [1]),
Что доселѣ именовалась римскою, будучи знаменемъ св. Петра,
Но отнынѣ ее стали называть: Монжуа.

CCLVI.

Императоръ сходитъ съ коня
И склоняется ницъ на зеленую траву;
Поднимая глаза къ восходящему солнцу,
Изъ глубины сердца обращается къ Богу съ молитвой:
„Воистину Отецъ нашъ, будь мнѣ сегодня защитой.
„Ты, воистину спасшій Іону
„Отъ кита, поглотившаго его;
„Пощадившій царя Ниневійскаго,
[„И городъ и весь его народъ;]
„Ты, Господи, избавившій Даніила отъ великой муки,
„Когда онъ брошенъ былъ въ ровъ ко львамъ;
„Спасшій трехъ отроковъ въ раскаленной печи,—
„Яви мнѣ сегодня любовь свою
„И, по благости Своей, сподоби меня
„Отмстить за племянника моего Роланда.“
Помоливщись, онъ встаетъ,
Осѣняетъ чело свое знаменьемъ всесильнымъ [2]),
И садится на борзаго коня.
Нэмонъ и Жозеранъ держатъ ему стремя.
Онъ хватаетъ свой щитъ и острое копье.

---

[1]) Хоругвь. Древнѣйшее изображеніе орифламмы находится на мозаикѣ триклиніума св. Іоанна Латеранскаго въ Римѣ. На одной изъ мозаикъ изображенъ Карлъ, которому ап. Петръ вручаетъ зеленое знамя (это цвѣтъ знамени города Рима). На другой — Христосъ вручаетъ Карлу красное знамя (цвѣтъ имперскаго знамени). Впослѣдствіи произошло смѣшеніе этихъ двухъ знаменъ.

[2]) Т.-е. знаменіемъ крестнымъ.

Онъ статенъ, прекрасенъ, бодръ и представителенъ;
Лицо ясное, видъ внушительный.
Крѣпко сидя на конѣ, онъ двинулся впередъ.
Трубы заиграли со всѣхъ сторонъ;
Звукъ олифанта покрываетъ ихъ всѣхъ.
Плачутъ французы—жаль имъ Роланда.

CCLVII.

Великолѣпно скачетъ на конѣ императоръ;
По латамъ выпустилъ онъ свою бороду,—
Изъ любви къ нему, всѣ сдѣлали то же.
Это знакъ отличія ста тысячъ франковъ.
Перешли они горы и высокія скалы,
Проходятъ глубокія долины, жуткія ущелья,
Минуютъ проходы и пустынную мѣстность,
И вступаютъ наконецъ на окраину Испаніи.
Здѣсь, среди равнины, дѣлаютъ привалъ.—
Къ Балигану являются его гонцы,
И одинъ изъ нихъ, сиріецъ, сообщаетъ о посольствѣ:
„Мы видѣли надменнаго короля Карла,
„Воины его грозны, не посрамятъ своего короля.
„Вооружайтесь,—васъ ожидаетъ битва.“
Говоритъ Балиганъ: „Добрый часъ для отважныхъ!
„Трубите въ трубы, чтобы знали о томъ мои язычники“.

CCLVIII.

По всему стану зазвучали ихъ барабаны,
Ихъ рога, звонкія трубы,
Язычники спѣшились, чтобы вооружаться.
Эмиръ не хочетъ медлить:
Надѣваетъ онъ панцырь съ цвѣтною каймой,
Подвязываетъ шлемъ, золотой и съ камнями,
И къ лѣвому бедру подвѣшиваетъ мечъ.
Ему, изъ гордости, онъ прибралъ особое названіе:
Въ подражаніе Карлову мечу, о которомъ онъ слыхалъ,

[Назвалъ онъ свой „Пресьезъ“ [1])],
И это же—его кличъ боевой и въ сраженіи;
Рыцари его испускаютъ этотъ кличъ.
На шею онъ вѣшаетъ широ́кій щитъ:
Весь онъ золотой и оправленъ въ хрусталь;
Ремень у щита покрытъ узорной парчей.
Беретъ онъ пику, по названью „Мальтэ“;
Древко у нея толстое, какъ палица,
А наконечникъ нагрузилъ бы мула.
На коня своего Балиганъ садится;
Стремя держитъ Маркулъ изъ-за моря.
Станъ у барона огромный,
Перехватъ узкій, бока широкіе,
Сильная грудь, онъ прекрасно сложенъ,
Широкія плечи и свѣтлый взглядъ,
Лицо гордое и вьющіеся волосы;
Онъ такъ бѣлъ, какъ лѣтній цвѣтокъ.
Храбрость его много разъ испытана.
Боже! что за рыцарь, будь онъ христіанинъ!
Онъ шпоритъ коня, такъ что алая кровь выступаетъ;
Онъ скачетъ галопомъ и перескакиваетъ черезъ ровъ
Шаговъ въ пятьдесятъ ширины.
Восклицаютъ язычники: „Этотъ сумѣетъ защитить свои владѣнія.
„Французъ, пожелавшій съ нимъ бы перевѣдаться,
„Волей-неволей поплатится тутъ своею жизнью.
„Карлъ безумецъ, если не уступитъ ему!“

CCLIX.

Эмиръ совсѣмъ подобенъ барону.
Борода его бѣла, какъ цвѣтокъ;
Среди своихъ это человѣкъ умный,
А въ битвѣ грозенъ и гордъ.

[1]) „Драгоцѣнный“. См. примѣчаніе къ названію Карлова меча.

Сынъ его, Мальпримъ, тоже вполнѣ рыцарскаго нрава,—
Высокій, сильный и похожій на предковъ.
Говоритъ онъ отцу: „Государь, поскачемъ!
„Будетъ чудо, если увидимъ Карла.“
Говоритъ Балиганъ: „Увидишь, ибо онъ храбръ
„Во многихъ сказаніяхъ онъ прославленъ.
„Но у него нѣтъ племянника его, Роланда,—
„И ему не устоять передъ нами.“

CCLX.

„Прекрасный сынъ Мальпримъ,“ говоритъ Балиганъ,
„Вчера былъ убитъ добрый рыцарь Роландъ,
„И Оливьеръ, отважный богатырь,
„И двѣнадцать пэровъ, столь любимыхъ Карломъ,
„Съ двадцатью тысячами французскихъ воиновъ.
„А за всѣхъ остальныхъ я не дамъ и одной перчатки.
„Навѣрное императоръ возвратился;
„Гонецъ мой, сиріецъ, донесъ мнѣ:
„Карлъ составилъ десять большихъ отрядовъ.
„Онъ храбръ—это онъ трубитъ въ олифантъ,
„Товарищъ его трубитъ въ звучный рогъ.
„Оба скачутъ они, во главѣ, передъ строемъ;
„Съ ними пятнадцать тысячъ франковъ,—
„Все юные баккалавры, что Карлъ зоветъ „отроками.“
„За ними столько жъ другихъ,—
„Грозно ударятъ они на насъ.“
И Мальпримъ молвитъ: „Прошу разрѣшенія ударить.“

CCLXI.

„Прекрасный сынъ Мальпримъ,“ говоритъ Балиганъ,
„Разрѣшаю вамъ то, о чемъ просите;
„Итакъ, не медля, нападайте на французовъ.
„Возьмите съ собою Торлея, короля Персіи,
И Дапамора, короля лютичей [1]).

[1]) Leutiz, лат. форма Lutici; лютичи, жившіе въ нынѣшнемъ Мекленбургѣ.

„Если вы сможете посбить гордыню
[„И заставить умолкнуть Олифантъ,]
„Я дамъ вамъ часть моего царства,—
„Всю страну отъ Шеріана до Валь-Маркиза.“
Тотъ отвѣчаетъ: „Государь, спасибо!“
Онъ выступаетъ впередъ и принимаетъ даръ [1]).
То была земля, нѣкогда принадлежавшая королю Флориту.
Но не суждено ему было увидать ее,
Ни принять, ни владѣть ею.

CCLXII.

Эмиръ скачетъ по рядамъ своего войска;
За нимъ слѣдуетъ сынъ его, ростомъ великанъ,
Вмѣстѣ съ королемъ Торлеемъ и королемъ Дапаромъ.
Они раздѣляютъ свою рать на тридцать отрядовъ;
Рыцарей у нихъ чрезвычайно много:
Въ слабѣйшемъ отрядѣ ихъ тысячъ пятьдесятъ [2]).
Первый составленъ изъ уроженцевъ Бутентротской долины!
[Іуда, предавшій Господа, былъ родомъ оттуда.]
Второй—изъ мисновъ съ большой головой.
Посреди̇нѣ спины крестецъ у нихъ
Покрытъ волосами, точно у вепря.
Третій—изъ нубійцевъ и блосовъ.
Четвертый—изъ племени Росъ и славянъ.
Пятый—изъ сорабовъ и сорбовъ,
Шестой—изъ мавровъ и армянъ.
Въ седьмомъ—жители Іерихона;
Негры составляютъ восьмой, гросы—девятый;
Десятый наконецъ—изъ жителей города Балидъ-ла-Форъ—
Народъ, никогда не желавшій добра.

---

[1]) Какъ инвеституру.

[2]) Перечисляемыя ниже полчища эмира принадлежатъ частью къ вымышленнымъ, частью—къ историческимъ народностямъ, современнымъ эпохѣ сложенія поэмы, т.-е. X—XI вв. Подробно у Gautier, Chanson de Roland, p. 288—9.

Эмиръ, на всѣ лады, клянется
Силой и тѣломъ Магомета:
„Карлъ французскій безумствуетъ, скача на насъ;
„Будетъ бой, если онъ не уклонится,—
„И тогда не носить ему золотой короны на челѣ.“

CCLXIII.

И составляютъ они еще десять большихъ отрядовъ:
Первый изъ хананеянъ, страшныхъ на видъ;
Они перешли изъ Валь-Фюи.
Турки—во второмъ отрядѣ, а персы—въ третьемъ;
Въ четвертомъ—печенѣги и персы,
Въ пятомъ—сольтры и авары:
Въ шестомъ—ормалы и эвглы,
Седьмой—изъ племени Самуила;
Восьмой—пруссы и девятый—славяне.
Въ десятомъ же—жители пустынь Оксіанта (?)
То племя, что не служитъ Господу Богу,
И вѣроломнѣе его не найдется.
Ихъ кожа тверда, какъ желѣзо:
Не нужны имъ ни шлемъ, ни панцырь.
Въ битвѣ они коварны и рьяны.

CCLXIV.

Эмиръ составилъ десять отрядовъ.
Въ первомъ изъ нихъ великаны-мальпрузы;
Во второмъ—гунны, въ третьемъ—венгры;
Въ четвертомъ—жители Бальдизъ-ла-Лонгъ,
А въ пятомъ—Валь-Пенузы;
Въ шестомъ—Жои и Марузы.
Въ седьмомъ—ляхи и ѳракійцы.
Аргойльцы составили восьмой, а Кларбонны (?)—девятый,
Десятый—бородатые воины Валь-Фонды—
Племя, не любимое Богомъ.

Таковъ былъ, по сказаньямъ [1]) французовъ, составъ тридцати отрядовъ!

Войско огромно, звучатъ его рога,
Язычники скачутъ, какъ бравые воины.

CCLXV.

Эмиръ—богатый и сильный человѣкъ—
Повелѣлъ нести передъ собою Дракона,
Знамя Тервагана и Магомета,
И истуканъ коварнаго Аполлина.
Десять хананеянъ скачутъ вокругъ
И громкимъ голосомъ кричатъ:
„Кто ищетъ защиты у нашихъ боговъ,
„Тотъ молится и служитъ имъ благоговѣйно.“
Язычники склоняютъ головы и подбородки,
Склоняются яркими шлемами.
И сказали французы: „Злодѣи, сейчасъ помрете!
„Будетъ у васъ нынѣ великое смятенье!
„Да сохранитъ Господь нашего Карла,
„И да будетъ эта битва новой побѣдой ему!“

CCLXVI.

Эмиръ—свѣдущъ и опытенъ;
Зоветъ онъ сына и двухъ королей:
„Синьоры бароны, скачите впереди,—
„Вы поведете всѣ мои отряды;
„При себѣ я оставлю лишь три наилучшихъ:
„Одинъ турецкій, другой ормалійскій,
„Третій—изъ великановъ-мальпрузовъ.
„Жители Оксіанта останутся со мной,—
„И я пущу ихъ въ бой противъ Карла и французовъ.
„Если императоръ сразится со мной,
„Не усидѣть головѣ его на плечахъ—
„Это вѣрно, онъ того заслужилъ.“

[1]) Geste de France.

CCLXVII.

Огромны оба войска, прекрасны ихъ отряды.
Между ними—ни холмовъ, ни бугровъ, ни долинъ,
Ни лѣсовъ, ни рощицъ: негдѣ имъ скрыться.
Они видятъ другъ друга на открытой равнинѣ.
Говоритъ Балиганъ: „Впередъ, мои воины,—
„На коня—и начинайте бой!“
Знамя несетъ Амбуаръ Олифернскій.
Язычники кричатъ, взываютъ: „Пресьезъ.“
Французы говорятъ: „Да будетъ вамъ нынѣ гибель!“
И громко повторяютъ: „Монжуа“!
Императоръ повелѣлъ трубить своимъ трубамъ,
Особенно олифанту, покрывающему всѣхъ ихъ.
И сказали невѣрные: „Войско Карла великолѣпно.
„Будетъ трудная и жестокая битва!“

CCLXVIII.

Пространна равнина, обширна мѣстность,
[Велико войско, собравшееся тутъ.]
Сверкаютъ шлемы камнями и золотомъ,
Блистаютъ щиты и узорныя брони,
Копья и желѣзные наконечники значковъ.
Звучатъ рога,—звонки ихъ голоса,—
Зычны раскаты олифанта.
Эмиръ призываетъ брата своего
Канабея, царя Флоредеи,
Что владѣетъ областью до Вальсеврэ.
Десять Карловыхъ отрядовъ показалъ онъ ему.
„Видишь гордость хваленой Франціи;
„Какъ надменно скачетъ на конѣ императоръ!
„Онъ тамъ, посреди бородатаго народа;
„Они распустили свои бороды по латамъ,—
„Бороды бѣлыя, что снѣгъ на льду.
„Они станутъ разить копьемъ и мечемъ.—

„Насъ ожидаетъ упорный и яростный бой:
„Никогда не видывали такого.“
На разстояніе полета стрѣлы
Балиганъ опередилъ свою дружину
И говоритъ онъ ей такія слова:
„Впередъ, язычники! я покажу вамъ дорогу!“
И размахнулся онъ древкомъ копья,—
Остріемъ его нацѣлился въ Карла.

CCLXIX.

Карлъ Великій, увидѣвъ Эмира
Съ драконом, знаменемъ и значкомъ,
Увидѣвъ такое множество арабовъ,
Покрывшихъ все пространство окрестъ,
Кромѣ мѣста, занятаго императоромъ,—
Король Франціи крикнулъ тогда громко:
„Бароны Франціи! вы—добрые воины.
„Сколько битвъ видали вы въ походной жизни!
„Видите язычниковъ: это вѣроломные трусы,
„Вся ихъ вѣра не стоитъ имъ и динарія.
„Если ихъ и много, то что за бѣда!
„Кто идетъ впередъ, пусть слѣдуетъ за мной!
[„Я-то не премину напасть на нихъ.“]
Онъ пришпорилъ коня,—
И Тансандуръ сдѣлалъ четыре скачка.
Сказали французы: „Какъ отваженъ король!
„Впередъ, рыцарь,—изъ насъ никто не отстанетъ.“

CCLXX.

Свѣтелъ былъ день, и солнце сіяло.
Прекрасны оба войска, и велики дружины.
Встрѣтились первые отряды.
Графъ Рабель и Графъ Гинеманъ
Опустили повода своихъ быстрыхъ коней,

Пришпорили ихъ; франки помчались во весь опоръ
И острыми копьями принялись разить.

CCLXXI.

Графъ Рабель—храбрый рыцарь.
Пришпорилъ онъ коня золотыми шпорами
И нанесъ ударъ Торлею, королю Персидскому.
Ни щитъ, ни панцырь не сдержали такого удара.
Позлащенное желѣзо проникло въ тѣло,—
И Рабель свалилъ его мертвымъ на кустарникъ.
Говорятъ французы: „Господь Богъ да поможетъ намъ;
„Карлъ правъ—не посрамимъ его.“

CCLXXII.

И Гинеманъ сразился съ королемъ лютичей;
Щитъ язычника, расписанный цвѣтами, разбитъ,
Панцырь растерзанъ вслѣдъ за тѣмъ,
И древко знамени глубоко вонзилось въ его тѣло.
Онъ сразилъ его на смерть,—на смѣхъ иль на горе.
Видя это, французы воскликнули:
„Разите, бароны, не медлите!
„За Карломъ право противъ язычниковъ,—
„Это—праведный судъ Божій.“

CCLXXIII.

Вотъ на бѣломъ конѣ Мальпримъ
Ведетъ свою рать въ гущу франковъ.
Онъ наноситъ ударъ за ударомъ,
Наваливая трупы одинъ на другой.
Восклицаетъ первымъ Балиганъ:
„Бароны мои, я васъ такъ долго кормилъ-поилъ,
„Взгляните на сына моего: онъ ищетъ Карла,
„И сколько рыцарей вызвалъ онъ уже на битву!
„Я не желалъ бы лучшаго воина:
„Помогите ему острыми вашими копьями.“

При этихъ словахъ, язычники двинулись впередъ:
Они наносятъ жестокіе удары,—схватка жаркая,
Битва лютая и тяжелая.
Никогда не бывало такой ни раньше, ни позже.

CLXXIV.

Велики оба войска, отважны дружины;
Всѣ отряды участвуютъ въ битвѣ.
Язычники наносятъ лихіе удары.
Боже! сколько переломленныхъ копій!
Изувѣченныхъ шлемовъ, разбитыхъ щитовъ!
Тамъ вы увидѣли бъ загроможденную землю,
Полевая травка, зеленая и тонкая,
Вся заалѣлась отъ крови.
Эмиръ обращается къ своимъ приближеннымъ:
„Разите, бароны, христіанское племя!“
Битва жестокая, ярая,—
Ни прежде, ни послѣ не бывало столь сильной и лютой.
Одна смерть могла бы разнять бойцовъ.

CCLXXV.

Эмиръ взываетъ къ своимъ:
„Рубите, язычники,—затѣмъ вы и пришли сюда.
„Я дамъ вамъ прекрасныхъ женъ;
„Надѣлю васъ имуществомъ, ленами, землями.“
Язычники отвѣчаютъ: „Это—нашъ долгъ.“
Отъ сильныхъ ударовъ ихъ копья расшиблись,—
Изъ ноженъ извлекаютъ болѣе ста тысячъ мечей.
Возобновляется ужасная, яростная схватка:
Вотъ ужъ бой увидѣли, кто тамъ побывалъ!

CCLXXVI.

Зоветъ императоръ французовъ своихъ:
„Синьоры бароны, я люблю васъ и вѣрю вамъ.
„Столько уже вы выиграли мнѣ сраженій,

„Завоевали царствъ, низложили королей!
„Знаю, я долженъ дать вамъ награду:
„Земли, деньги, хотя бы мое тѣло.
„Отмстите же за своихъ сыновей, братьевъ и наслѣдниковъ,
„Павшихъ мертвыми вчера въ Ронсевалѣ!
„Вы знаете, что на моей сторонѣ право противъ язычниковъ.“
Французы отвѣчаютъ: „Государь, это справедливо.“
Двадцать тысячъ бойцовъ съ Карломъ,
И единогласно всѣ они даютъ ему клятву
Не измѣнять ему ни въ бѣдствіи, ни передъ смертью.
Затѣмъ, всѣ они заиграли копьями
И стали рубиться мечами.—
Сраженіе, чреватое разгромомъ.

CCLXXVI.

Баронъ Мальпримъ скачетъ средь боя,—
Великое множество изрубилъ онъ французовъ.
Герцогъ Нэмонъ на него свирѣпо взглянулъ
И нанесъ ему мощный ударъ.
Онъ сорвалъ оболочку у его щита,
Разсѣкъ панцырь,
Вонзилъ въ его тѣло свой желтый значекъ:
Посреди семисотъ другихъ сразилъ его наповалъ.

CCLXXVIII.

Король Канабей, братъ Эмира,
Пришпорилъ тогда своего коня,
Обнажилъ мечъ съ хрустальной ручкой
И ударилъ герцога Нэмона по шлему:
Онъ разбилъ половину его
И острой сталью отсѣкъ пять шнурковъ;
Остальная часть шлема [1]) не имѣла значенья,

[1]) Capeliers—желѣзная пластинка, которая находилась подъ шлемомъ чтобы лучше предохранить черепъ отъ ударовъ меча.

Она разсѣчена до тѣла,
И кусокъ ея упалъ на землю.
Ударъ былъ такъ силенъ, что герцогъ обомлѣлъ.
Онъ упалъ бы, если бы не помощь Божья:
Онъ ухватился за шею своего коня.
Повтори язычникъ ударъ—
И погибъ бы благородный рыцарь!
Но на помощь ему явился Карлъ французскій.

CCLXXIX.

Герцогъ Нэмонъ въ большой опасности,—
Невѣрный спѣшитъ повторить ударъ.
Молвитъ Карлъ: „Презрѣнный, на бѣду твой ударъ!“
И отважно устремился на него,
Разсѣкъ его щитъ, разбилъ у самого сердца,
Разорвалъ его панцырь,
[Пронзилъ тѣло насквозь своимъ длиннымъ копьемъ]
И сразилъ его наповалъ: сѣдло опустѣло.

CCLXXX.

Велика была горесть Карла Великаго,
Когда онъ увидѣлъ герцога Нэмона раненымъ передъ собой,
Чья потекла чистая кровь на зеленую траву.
Императоръ далъ ему добрый совѣтъ:
„Прекрасный сиръ Нэмонъ, держитесь поближе ко мнѣ.
„Убитъ негодяй, васъ сокрушившій,—
„Тѣло его я пронзилъ моимъ копьемъ.“
Отвѣчаетъ герцогъ: „Государь, я вѣрю вамъ
„И, если останусь живъ, хорошо отплачу вамъ за эту услугу.“
Затѣмъ помчались они рядомъ, съ вѣрой и любовью.
Съ ними двадцать тысячъ французовъ,—
И всякій разилъ и рубилъ.

CCLXXXI.

По полю битвы скачетъ Эмиръ,
Держа въ рукѣ длинное и острое копье.]

Устремляется онъ на графа Гинемана,
Противъ сердца его расшибаетъ бѣлый щитъ,
Разрываетъ полы его панцыря,
Разрубаетъ его на-двое
И валитъ за-мертво съ его быстраго коня.
Потомъ убиваетъ Жебуина и Лорана,
Стараго Ричарда, повелителя норманновъ.
Невѣрные кричатъ: „Пресьезъ—лихой мечъ.
„Бейте, бароны,—это могучій нашъ защитникъ.“

CCLXXXII.

Кто бы не посмотрѣлъ на арабскихъ рыцарей,
Рыцарей Оксіанта, Арголіи и басковъ,
Какъ наносятъ они въ схваткѣ удары копьемъ!
Но французы не намѣрены уступить имъ поля.
Много гибнетъ и съ той, и съ другой стороны,
До вечера длится ожесточенная битва.
Велика убыль франкскихъ бароновъ.
Сколько еще будетъ горя до конца дня!

CCLXXXIII.

Одинъ лучше другого, дерутся французы и арабы.
Древка и сверкающія острія копій раздроблены.
Кто видалъ это множество разбитыхъ щитовъ,
Кто слышалъ скрипѣніе бѣлыхъ панцырей
И лязгъ шлемовъ о щиты;
Кто видѣлъ затѣмъ паденіе этихъ рыцарей,
Вопли людей, умирающихъ на землѣ,—
Тотъ знаетъ, что такое страданіе!
Тяжко выносить такую битву,
И Эмиръ молитъ Аполлина,
Тервагана и Магомета:
„Боги-повелители мои, я вѣрно служилъ вамъ!
„Нынѣ я воздвигну изображенія ваши изъ чистаго золота,
„Если вы поможете мнѣ противъ Карла “

И является къ нему Жемальфинъ, другъ его.
Плохія вѣсти принесъ онъ ему и говоритъ:
„Сиръ Балиганъ, лихой вамъ выдался день.
„Вы потеряли Мальприма, вашего сына,
„И убитъ Канабей, братъ вашъ.
„Два француза сразили ихъ;
„Одинъ изъ нихъ, кажется, императоръ:
„Это рослый человѣкъ, по виду маркизъ,
„Борода его бѣла, какъ апрѣльскій цвѣтокъ."
Эмиръ опустилъ свой шлемъ
И поникъ головою,—
Чуть не умеръ отъ великаго горя.
Зоветъ онъ Жанглея заморскаго.

CCLXXXIV.

Говоритъ эмиръ: „Жанглей, подойдите.
„Вы, храбрый воинъ и человѣкъ великаго опыта,
„Я всегда слѣдовалъ вашему совѣту.
„Что же вы полагаете объ арабахъ и французахъ?
„За нами ли будетъ побѣда?"
И тотъ отвѣчалъ: „Балиганъ, вы—человѣкъ погибшій.
„Не ждите спасенія отъ вашихъ боговъ.
„Карлъ храбръ, и воины его отважны,
„Я не видывалъ подобныхъ бойцовъ.
„Но позовите рыцарей Оксіанта,
„Турокъ и энфруновъ (?), арабовъ и великановъ
„И дѣлайте поскорѣе, что должно."

CCLXXXV.

Эмиръ распустилъ по кольчугѣ свою бороду,
Столь же бѣлую, какъ цвѣтокъ шиповника.
Будь что будетъ, онъ не станетъ скрываться.
Онъ приставилъ къ устамъ звонкую трубу
И громко трубитъ въ нее, чтобы язычники услыхали его.
На полѣ боя онъ собираетъ всѣ свои дружины,

Племя Оксіанта, ревущее по-ослиному и ржущее,
И аргойльцевъ, лающихъ и визжащихъ по-собачьи;
Какъ безумные, всѣ ринулись на франковъ,
Врѣзались въ самую гущу, прорвали ихъ строй
И сразу положили за-мертво семь тысячъ.

CCLXXXVI.

Графъ Ожье не вѣдаетъ трусости,—
Никогда еще лучшій воинъ не надѣвалъ брони.
Когда онъ увидалъ, что французскіе отряды смяты,
Позвалъ онъ Тьери, герцога Аргонскаго,
Жоффрэя Анжуйскаго да графа Жозерана
И Карлу сурово вѣщалъ:
„Видите, какъ язычники убиваютъ вашихъ воиновъ.
„Сохрани Богъ, удержите ли вы корону на челѣ,
„Если не ударите всей силой, чтобы отплатить за позоръ!“
Никто ни слова не сказалъ въ отвѣтъ:
Всѣ яростно дали шпоры конямъ и опустили повода;
Повсюду, при встрѣчѣ, разятъ невѣрныхъ.

CCLXXXVII.

Лихо разятъ Карлъ Великій, король,
Герцогъ Нэмонъ, Ожье датчанинъ,
Жоффрэй Анжуйскій, знаменоносецъ;
Но особенно отваженъ Ожье датчанинъ.
Пришпоривъ коня, опустивъ повода,
Ринулся онъ на державшаго Дракона
Съ такою силой, что вмигъ раздавилъ
И Дракона, и знамя эмира.
Балиганъ видитъ паденіе своего значка
И хоругвь Магомета безъ защиты;
Начинаетъ Эмиръ замѣчать,
Что неправъ онъ, а правъ Карлъ Великій.
И сталъ утихать пылъ арабскихъ язычниковъ.
Императоръ взываетъ къ французамъ:

„Скажите, ради Бога, бароны, поможете ли вы мнѣ?“
Отвѣчаютъ франки: „Что и спрашивать объ этомъ?
„Да будетъ проклятъ, кто не рубитъ сплеча!“

CCLXXXVIII.

День на исходѣ, близокъ вечеръ;
Франки и язычники рубятся мечами.
Доблестны рыцари, что собрали эти два войска,
И не забыли они своихъ воинственныхъ кличей.
„Пресьезъ!“ восклицаетъ Эмпръ.
„Монжуа“! Карлъ отвѣчаетъ.
Они узнали другъ друга по сильнымъ и зычнымъ голосамъ.
На срединѣ поля оба они встрѣтились,
Ринулись другъ на друга, обмѣнялись сильными ударами
Копій по узорнымъ щитамъ,
Подъ выпуклымъ навершьемъ ихъ разбили,
И изорвали другъ на другѣ полы кольчугъ,
Но не коснулись тѣла;
Подпруги коней ихъ лопнули, и сѣдла сползли внизъ,
Короли упали и очутились на землѣ;
Быстро встали на ноги,
Доблестно обнажили мечи.
Этотъ поединокъ уже не прекратится,
Не кончится безъ гибели одного изъ нихъ.

CCLXXXIX.

Доблестный рыцарь—Карлъ, (король) милой Франціи,
Но Эмпръ не боится, не страшится его.
[„Ты убилъ моего сына“, говоритъ тогда Балиганъ,
„И несправедливо занялъ мою землю;
„Будь моимъ слугой, и я дамъ тебѣ ее въ ленъ.“]
У обоихъ въ рукахъ обнаженные мечи,
Жестоко рубятся ими по щитамъ,
Разсѣкаютъ двойную обшивку и дерево ихъ;
Выпадаютъ гвозди, дробятся навершья;

Тогда—грудь съ грудью—разятъ по бронямъ;
Огъ свѣтлыхъ шлемовъ сыплются искры.
Этотъ поединокъ не можетъ прекратиться,
Пока одинъ изъ нихъ не признаетъ себя виновнымъ.

CCXC.

Говоритъ Эмиръ: „Карлъ, поразмысли—
„И рѣшись покаяться предо мной;
„Я знаю, что ты убилъ моего сына,
„Несправедливо захватилъ мою землю—
„Будь мнѣ слугой, и я дамъ тебѣ ее въ ленъ,—
„Если станешь моимъ вассаломъ—отсюда до Востока.“
Карлъ отвѣчаетъ: „То великое для меня униженье;
„Язычникамъ нѣтъ отъ меня ни мира, ни любви,
„Прими вѣру, что Богъ открылъ намъ,—
„Сдѣлайся христіаниномъ,—и я тотчасъ полюблю тебя,
„Если ты увѣруешь и будешь служить Царю Всемогущему.“
Сказалъ Балиганъ: „Плохую проповѣдь затѣваешь.
„По мнѣ, лучше погибнуть отъ остраго меча.“

CCXCI.

Эмиръ—человѣкъ страшной силы.
Онъ рубитъ Карла Великаго по шлему черной стали,
Мнетъ и ломаетъ его на головѣ.
Мечемъ отсѣкаетъ волосы
И сноситъ кусокъ тѣла величиной поболѣе ладони,—
Кость совсѣмъ обнажилась на томъ мѣстѣ.
Карлъ зашатался, едва не упалъ.
Но Богъ не хочетъ, чтобы онъ погибъ или былъ побѣжденъ.
Святой Гавріилъ снова слетаетъ къ нему;
Онъ спрашиваетъ его: „Великій король, что ты дѣлаешь?“

CCXCII.

Когда Карлъ услыхалъ святой ангельскій голосъ,
Ему стало не страшно, не боязно умереть;
Силы и сознаніе вернулись къ нему.

Французскимъ мечемъ онъ ударилъ Эмира,
Разгромилъ шлемъ, сверкавшій драгоцѣнными камнями,
Разсѣкъ голову, изъ которой вылился мозгъ,
И до бѣлой бороды разрубилъ его лицо,
За-мертво сваливъ его на землю.
„Монжуа“! крикнулъ онъ, чтобы его признали.
При этомъ словѣ, подбѣжалъ къ нему герцогъ Нэмонъ;
Онъ придержалъ Тансандура, и великій король сѣлъ на него.
Язычники показали тылъ — не хочетъ Богъ, чтобы они держались,
И французы получили, наконецъ, то, о чемъ молили.

CCXCIII.

Язычники бѣгутъ—такъ хочетъ Богъ.
Франки съ императоромъ преслѣдуютъ ихъ.
И молвитъ король: „Синьоры, отмстите за ваши страданія;
„Утолите ваши стремленья и сердца,
„Ибо сегодня утромъ я видѣлъ, какъ плакали ваши очи.“
Франки отвѣчаютъ: „Государь, такъ должно быть!“
Каждый наноситъ жестокіе удары, сколько можетъ;
Изъ тѣхъ, что имъ попались, немногіе спаслись.

CCXCIV.

Великъ жаръ; пыль подымается;
Язычники бѣгутъ; французы тѣснятъ ихъ;
До Сарагоссы продолжается преслѣдованіе.
На верхъ своей башни взошла Брамимонда,
Съ канониками и причетниками
Ложной вѣры, которой не любитъ Богъ,
Не установленными святымъ таинствомъ и безъ тонзуры [1]).
Она, увидавъ погромъ арабовъ,
Бѣжитъ къ королю Марсилію и ему возвѣщаетъ:
„Увы! благородный король, воины наши разбиты;

[1]) Выстриженнаго гуменца, какъ у католическихъ монаховъ.

„Эмиръ погибъ постыдной смертью.“
Слышитъ это Марсилій, поворачивается къ стѣнѣ,
Плачетъ, лицо закрываетъ
И умираетъ съ горя. А такъ какъ онъ подавленъ грѣхами,
То юркіе черти овладѣваютъ его душой.

CCXCV.

Язычники перебиты или бѣжали;
Карлъ остался побѣдителемъ въ битвѣ.
Ворота Сарагоссы разбиты,—
Онъ вѣдь знаетъ, что городъ некому защищать.
Овладѣлъ онъ городомъ, вступаетъ его дружина,
И побѣдители тутъ проводятъ ночь.
Гордъ сѣдобородый король,
И Брамимонда сдала ему башни,
Десять большихъ и пятьдесятъ малыхъ.
Хорошо потрудится, кому Богъ поможетъ.

CCXCVI.

Оконченъ день, стелются тѣни ночныя,
Луна свѣтла, звѣзды блещутъ.
Императоръ взялъ Сарагоссу.
Тысяча французовъ обходятъ городъ,
Синагоги и мечети,
Ударами желѣзныхъ молотовъ и топоровъ
Сокрушаютъ Магомета и всѣхъ идоловъ;
Колдовства и лжи не осталось и слѣда.
Карлъ вѣруетъ въ Бога и хочетъ Ему отслужить.
Тогда епископы освящаютъ воду
И ведутъ язычниковъ ко святому крещенію.
А того, кто противится волѣ Карла,
Онъ велитъ повѣсить, умертвить или сжечь.
Такъ обратили болѣе ста тысячъ
Въ добрыхъ христіанъ, кромѣ королевы.
Ее плѣнницей отвезутъ въ милую Францію —
Король хочетъ любовью ее обратить.

CCXCVII.

Ночь на исходѣ, настаетъ ясный день.
Карлъ вооружаетъ башни Сарагоссы:
Онъ оставляетъ въ нихъ тысячу боевыхъ рыцарей,
На охранѣ города для императора:
Карлъ и всѣ воины садятся на коней,
Увозя съ собою плѣнную Брамимонду;
Но ей онъ лишь блага желаетъ.
И возвращаются они въ радости и весельи.
Быстро, какъ побѣдители, проходятъ они черезъ Нарбонну.
(Карлъ) пріѣзжаетъ въ Бордо, славный городъ [1]).

[1]) Здѣсь, въ различныхъ Remaniements „Пѣсни о Роландѣ, начинаются вставочные эпизоды, сравнительно съ оригинальной (Оксфордской) версіей нашей поэмы. Приводить ихъ мы находимъ излишнимъ; но считаемъ умѣстнымъ сообщить разсказъ, приводимый во всѣхъ другихъ текстахъ поэмы, за исключеніемъ Оксфордскаго, и помѣщаемый послѣ 3682 стиха. Вотъ этотъ разсказъ: „Итакъ, Карлъ—въ Ронсевалѣ, изнемогая отъ горя передъ бездыханнымъ тѣломъ Роланда. Онъ хочетъ предать погребенію своего племянника, проклинаетъ Ганелона. Безконечныя молитвы (330—336 ст. Парижск. текста). Погребаютъ французовъ, убитыхъ въ великомъ бою. Ангелы поютъ, исходитъ божественный свѣтъ, зеленыя деревья чудесно выростаютъ изъ каждой могилы (337). Тогда Карлъ переходитъ ущелья Пиринеевъ и останавливается въ С. Жанъ-Пье-де-Поръ, гдѣ основываетъ монастырь. Императоръ посылаетъ Жирара Орлеанскаго, Гіона де-Сентъ-Омеръ и Жоффрэя Анжуйскаго, въ качествѣ пословъ, къ Жирару де-Віану, чтобы пригласить его къ себѣ, съ тѣмъ, чтобы онъ привезъ съ собою прекрасную Альду. Потомъ онъ отправляетъ четырехъ другихъ рыцарей за своей сестрой Гильдой (Gilles), которую они должны привезти къ императору. Послы уѣзжаютъ, Карлъ приближается къ Франціи. Пріѣзжаетъ онъ въ Соргъ, гдѣ совершается первый побѣгъ Ганелона по направленію къ Сарагоссѣ. Двѣ тысячи французовъ бросаются за нимъ въ погоню и ревностнѣе всѣхъ Отъ (Othes), Ганелонъ встрѣчается съ купцами, которыхъ обманываетъ, а тѣ, въ свою очередь, обманываютъ Ота относительно разстоянія, отдѣляющаго его отъ бѣглеца. Такимъ образомъ, французы являются къ императору безъ Ганелона. Гнѣвъ Карла. Поселянинъ указываетъ Оту, гдѣ скрывается Ганелонъ. Предатель уснулъ подъ деревомъ, и добрый конь его будитъ своего хозяина. Битва между Ганелономъ и Отомъ, сражающимися сперва пѣшими. Отъ предлагаетъ затѣмъ сражаться, какъ и подобаетъ рыцарямъ, на конѣ. Ганелонъ бросается къ коню своего противника

3685На алтарь рыцаря, святого Северина,
Возлагаетъ онъ олифантъ, наполненный золотомъ и мангонами;

и убѣгаетъ. Отъ снова принимается преслѣдовать его. Богъ совершаетъ для него чудо: оружіе кажется ему лишеннымъ вѣса и потому не обременяетъ его. Бѣглецъ падаетъ съ лошади: новая битва. Являются Самсонъ и Изорэ, и овладѣваютъ наконецъ Ганелономъ, котораго и приводятъ къ Карлу. Императоръ проѣзжаетъ всю Гасконію и возвращается въ Блэ. Здѣсь поэтъ переноситъ насъ къ посламъ короля, отправляющимся къ Жирару де-Віану. Послы прибываютъ и исполняютъ порученіе. Они скрываютъ отъ Жирара смерть Роланда и Оливьера. „Карлъ Великій, прибавляютъ они, желаетъ отпраздновать свадьбу своего племянника съ прекрасной Альдой. Привезите къ нему скорѣе вашу племянницу“. Радость Жирара. Ѣдутъ въ Блэ. Предчувствія Альды: ея зловѣщіе сны. Причетникъ, знакомый съ чернокнижіемъ, старается благопріятнымъ образомъ истолковать ихъ, но онъ самъ видитъ ихъ мрачное значеніе. Отъ Альды стараются всячески скрыть истину; наконецъ, ей объявляютъ, что Роландъ отправился въ Вавилонъ, чтобы жениться на сестрѣ Балигана. Альда не вѣритъ ничему: „Роландъ“, объявляетъ она, „умеръ“! Въ эту минуту является Гильда, сестра короля и мать Роланда. Карлъ безъ стѣсненія объявляетъ ей о смерти ея сына. „Мать“, полагаетъ онъ, „лучше приготовлена къ такимъ ударамъ, чѣмъ невѣста“. Наконецъ, сама Гильда открываетъ истину сестрѣ Оливьера. Горе Альды. Она хочетъ, по крайней мѣрѣ, видѣть тѣло своего жениха, которое Карлъ привезъ изъ Испаніи. Ея молитвы и слезы. Ангелъ, въ образѣ Оливьера, является къ ней и приглашаетъ подумать о небесномъ блаженствѣ. Альда, наконецъ, рѣшается умереть. Возвращеніе Карла въ Лаонъ. Теперь у него одна только мысль: отмстить Ганелону. Собираются судить предателя. Гондребефъ изъ Фризіи предлагаетъ съ копьемъ въ рукѣ изобличить злодѣя. Ганелонъ выставляетъ заложниками своихъ родственниковъ. Но въ ту минуту, когда собираются приступить къ поединку между обвинителемъ и обвиняемымъ, послѣдній еще разъ убѣгаетъ. Гондребефъ преслѣдуетъ его, настигаетъ. Битва. Ганелонъ схваченъ. Тогда на сцену выступаетъ племянникъ Ганелона, Пинабель, поддержка своего дяди. Вызовъ дѣлаетъ „слуга“ отъ имени Тьерри, сына Жоффрэя Анжуйскаго, выступающаго защитникомъ дѣла Роланда. Приготовленія къ поединку. Въ концѣ концовъ, Пинабель побѣжденъ и умираетъ. Тридцать заложниковъ Ганелона повѣшены. Теперь остается лишь избрать казнь Ганелону. Каждый изъ бароновъ Франціи предлагаетъ особое наказаніе: кто висѣлицу, кто костеръ, а кто дикихъ животныхъ. Останавливаются на четвертованіи. На этомъ прерывается Парижская рукопись. Ліонская даетъ намъ лишнюю строфу и описываетъ отъѣздъ французскихъ бароновъ, прощающихся съ Карломъ Великимъ.“ — Вотъ и всѣ эпизоды изъ текста Retapiements, не вошедшіе въ содержаніе нашей поэмы.

Тамъ пилигримы могутъ его видѣть.
На большихъ корабляхъ переплылъ Жиронду;
Онъ везетъ въ Блей своего племянника,
И Оливьера, его благороднаго товарища,
И архіепископа, который былъ такъ храбръ и мудръ.
Въ бѣлыхъ гробницахъ положены были синьоры
Въ Сенъ-Роменѣ,—тамъ и покоятся бароны.
Франки поручаютъ ихъ Богу и святымъ Его.
Карлъ несется по доламъ и горамъ,
Не останавливаясь нигдѣ, до Ахена;
Мчится такъ быстро, что вотъ онъ и у своего крыльца.
Едва онъ взошелъ къ себѣ во дворецъ,
Какъ разослалъ гонцовъ звать къ себѣ судей:
Саксонцевъ и баварцевъ, лотарингцевъ и фризовъ,
Бургиньонцевъ и аллемановъ,
Бретонцевъ, норманновъ, пуатевинцевъ
И изъ Франціи самыхъ мудрѣйшихъ.
Тогда начинается судъ надъ Ганелономъ.

Наказаніе Ганелона.

CCXCVIII.

Императоръ возвратился изъ Испаніи
И прибылъ въ Ахенъ, лучшій городъ Франціи;
Поднялся во дворецъ, вошелъ въ залу.
Къ нему явилась Альда, прекрасная дѣва.
Она сказала королю: „Гдѣ вождь Роландъ,
„Что поклялся взять меня женой своею?“
Мучительно-тягостно Карлу,
Изъ глазъ текутъ слёзы, рветъ онъ свою бѣлую бороду:
„Сестра, другъ милый, ты вопрошаешь меня о мертвомъ.
„Но я постараюсь тебѣ его замѣнить;
„Я дамъ тебѣ Луи,—чего же лучшаго желать:
„То сынъ мой, ему достанутся мои марки [1]).

[1]) Владѣнія, области—отъ готск. marka, граница.

Альда отвѣчаетъ: „Странны мнѣ эти рѣчи:
„Сохрани Богъ, всѣ святые и ангелы Его,
„Чтобы я осталась жить, когда умеръ Роландъ!“
Она поблѣднѣла и упала къ ногамъ Карла.
Она мертва: помилуй Богъ ея душу!
Французскіе бароны оплакиваютъ ее и жалѣютъ.

CCXCIX.

Прекрасная Альда скончалась.
Король полагаетъ, что она только безъ чувствъ;
Жаль её, плачетъ по ней императоръ:
Беретъ ея руки, приподнимаетъ ее,
Но голова склоняется на плечи.
Когда Карлъ убѣдился, что она мертва,
Онъ тотчасъ же позвалъ четырехъ графинь,—
Онѣ перенесли ее въ женскій монастырь
И бодрствовали при ней всю ночь до разсвѣта;
Близъ алтаря ее великолѣпно погребли,
Король оказалъ ей величайшія почести.

CCC.

Императоръ возвращается въ Ахенъ.
Предатель Ганелонъ—въ желѣзныхъ цѣпяхъ,
Въ городѣ, передъ дворцомъ.
Рабы привязываютъ его къ столбу,
Руки стягиваютъ ремнями изъ оленьей кожи
И нещадно бьютъ его палкой и воловьими жилами.
Не заслужилъ онъ иной, лучшей участи.
И въ такихъ великихъ мученіяхъ ждетъ онъ надъ собою суда [1]).

---

[1]) L. Gautier, одинъ изъ лучшихъ комментаторовъ и издателей нашей поэмы, особенно настаиваетъ на германскомъ происхожденіи всей процедуры суда, пытокъ и казни, заимствованныхъ изъ феодальнаго быта германцевъ. Такъ, пытка встрѣчается въ законахъ баварцевъ, бургундовъ, франковъ салическихъ, ломбардовъ, фризовъ, вестготовъ и др. Самый судъ

CCCI.

Написано въ древней хроникѣ (geste),
Что Карлъ созвалъ людей изъ всѣхъ своихъ земель.
Собрались они въ Ахенскомъ замкѣ.
То былъ великій день, большой праздникъ,—
Праздникъ, говорятъ, рыцаря св. Сильвестра.
Отнынѣ начался судъ, и извѣстья получались
О Ганелонѣ, совершившемъ предательство.
Императоръ повелѣлъ притащить его къ нему.

CCCII.

„Синьоры бароны", молвилъ Карлъ король,
„Судите вы Ганелона по праву.
„Онъ шелъ въ войскѣ моемъ, со мною, до Испаніи.
„Онъ лишилъ меня: двадцати тысячъ моихъ французовъ,
„И моего племянника,—его вамъ ужъ болѣе не видѣть,—
„И Оливьера, храбраго и учтиваго.
„За деньги, наконецъ, онъ предалъ двѣнадцать пэровъ."
Говоритъ Ганелонъ: „Будь я проклятъ, если отрекусь отъ того.
„Роландъ нанесъ мнѣ ущербъ золотомъ и серебромъ—
„За это я искалъ его гибели и желалъ его смерти;
„Но я не признаю все это измѣной."
Отвѣчаютъ франки: „О томъ мы будемъ держать совѣтъ."

CCCIII.

Передъ королемъ стоитъ Ганелонъ;
Тѣломъ онъ статенъ, лицо съ свѣжимъ румянцемъ;
Будь онъ благороденъ, совсѣмъ бы былъ рыцарь.
Видитъ онъ рыцарей Франціи и всѣхъ судей;

есть — Placitum palatii, ничѣмъ не напоминающій древне-римскаго судилища. Что же касается campus'a, поединка, то и онъ встрѣчается только у аламановъ, баварцевъ, бургундовъ, ломбардовъ, туринценцевъ, фризовъ, саксонцевъ и англо-норманновъ. См. L. Gautier. Прив. соч., стр. 330—331.

Тридцать родныхъ его съ нимъ.
Тогда громкимъ голосомъ восклицаетъ онъ:
„Ради любви вашей къ Богу, выслушайте меня, бароны.
„Я былъ въ войскѣ императора,
„Служилъ ему вѣрою и любовью,—
„Роландъ, племянникъ его, возненавидѣлъ меня,
„Осудилъ на смерть и мученія.
„Я былъ отправленъ посломъ къ королю Марсилію,
„Но спасся благодаря моей ловкости.
„Я сталъ не довѣрять храброму Роланду,
„И Оливьеру, и всѣмъ ихъ товарищамъ.
„Карлъ и благородные рыцари знали это.
„Я отомстилъ, но предательства нѣтъ“.
Отвѣчали франки: „О томъ мы будемъ держать совѣтъ.“

CCCIV.

Когда увидѣлъ Ганелонъ, что начинается большое дѣло,
Онъ собралъ тридцать своихъ родныхъ.
Одного изъ нихъ слушаютъ всѣ остальные:
То Пинабель изъ замка Сорансъ.
Онъ хорошо говоритъ и умѣетъ все оправдать,
Добрый рыцарь при защитѣ оружіемъ.
И сказалъ ему Ганелонъ: „Я вамъ довѣряюсь;
„Избавьте меня отъ смерти и позора.“
Говоритъ Пинабель: „У васъ будетъ защитникъ.
Первому французу, что присудитъ васъ къ висѣлицѣ,
—Или если императоръ заставитъ насъ бороться,—
Я дамъ отпоръ сталью моего меча.“
Графъ Ганелонъ бросился ему въ ноги.

CCCV.

Саксонцы и баварцы сошлись на совѣтъ,
И пуатевинцы, и норманны, и французы;
Много и алемановъ, и нѣмцевъ.
Альвернскіе бароны наиболѣе снисходительны,

Спокойны и расположены къ Пинабелю.
Говорятъ они другъ другу: „Хорошо бы и остановиться на этомъ.
„Оставимъ судилище и попросимъ короля
„Помиловать, на этотъ разъ, Ганелона:
„Впредь онъ будетъ служить ему вѣрой и любовью.
„Роландъ мертвъ,—его ужъ больше не увидишь;
„Золото и серебро не въ силахъ намъ его вернуть.
„Затѣвать же поединокъ было бы безуміемъ.“
Всѣ бароны одобрили и согласились,
Кромѣ Тьерри, брата синьора Жоффрэя.

CCCVI.

Къ Карлу Великому обращаются бароны;
Говорятъ королю: „Государь, мы васъ просимъ
„Отпустить графа Ганелона:
„Впредь онъ будетъ служить Вамъ вѣрой и любовью.
„Оставьте ему жизнь,—вѣдь онъ человѣкъ благородный.
„Роландъ вѣдь умеръ, мы ужъ его не увидимъ,
„Ни золото, ни серебро не могутъ намъ вернуть его“.
Сказалъ имъ король: „Всѣ вы—предатели“.

CCCVII.

Когда Карлъ увидѣлъ, что всѣ отступились отъ него,
Онъ съ грустью поникъ головою,
И, съ горя, несчастнымъ себя онъ назвалъ.
Но вотъ передъ нимъ рыцарь—Тьерри,
Братъ герцога Жоффрэя Анжуйскаго.
Онъ тонокъ, строенъ, сухощавъ,
Волосы черные, каріе глаза;
Ростомъ ни малъ, ни великъ.
Почтительно говоритъ онъ императору:
„Достославный король, не печальтесь!
„Вы знаете, что я служилъ вамъ вѣрно;
„По предкамъ, и я имѣю право быть въ числѣ судей,—

„Что бы ни сдѣлалъ Роландъ Ганелону,
„Служба вамъ должна была стать ему защитой.
„Ганелонъ—предатель, ибо онъ его предалъ;
„Предъ вами онъ—клятвопреступникъ и измѣнникъ.
„За это все я присуждаю его къ смерти, пусть его повѣсятъ,
„И тѣло его выбросятъ собакамъ:
„Это кара, достойная предателей.
„Если у него есть родственникъ и пожелаетъ опровергнуть меня,
„Этимъ самымъ мечемъ, что у меня при бедрѣ,
„Я готовъ поддержать свой приговоръ".
Отвѣчали франки: „Сказано ладно".

CCCVIII.

Предъ королемъ выступаетъ Пинабель.
Онъ высокъ, силенъ, быстръ и храбръ;
Смерть тому, кого онъ ударитъ хоть разъ.
И говоритъ онъ королю: „Государь, тяжба—ваша:
„Прикажите же, чтобы утихъ весь этотъ шумъ.
„Вотъ Тьерри, произнесшій свой приговоръ:
„Опровергаю его я, и буду съ нимъ драться."
И онъ кладетъ ему въ правую руку перчатку оленьей кожи.
Говоритъ императоръ: „Требую хорошихъ заложниковъ."
Тридцать родныхъ Пинабеля служатъ законными заложниками.
Говоритъ король: „Я самъ вамъ тоже буду поручителемъ."
И онъ повелѣлъ задержать ихъ, пока не свершится правосудіе.

CCCIX.

Когда Тьерри увидалъ, что близокъ поединокъ, [1])
Онъ подалъ Карлу правую перчатку;
Императоръ поручился за него и представилъ заложниковъ.
Потомъ онъ приказалъ поставить на площадкѣ четыре скамьи;

[1]) Поединокъ являлся Божьимъ судомъ.

Тамъ сядутъ тѣ, кто долженъ сражаться;
По общему приговору, судъ идетъ правильно:
Все уладилъ Ожье датчанинъ.
Затѣмъ, (противники) потребовали коней и оружіе.

CCCX.

Прежде чѣмъ стать въ рядъ на поединокъ,
Исповѣдались, получили разрѣшеніе и благословеніе;
Прослушали обѣдню, причастились,
Оставили большія подаянія на церковь.
Предъ Карломъ они явились снова,
Къ ногамъ своимъ подвязали шпоры,
Надѣли бѣлые панцыри, крѣпкіе и легкіе,
На головахъ укрѣпили свѣтлые шлемы
И опоясались мечами съ рукоятями чистаго золота;
На шею вѣшаютъ себѣ щиты;
Въ правой рукѣ держатъ острыя копья;
Затѣмъ, садятся на быстрыхъ коней.
И заплакали сто тысячъ рыцарей;
Имъ ради Роланда жаль и Тьерри.
Богу извѣстно, чѣмъ все это кончится.

CCCXI.

Подъ Ахеномъ—обширная равнина.
Здѣсь произойдетъ поединокъ двухъ бароновъ.
Оба они мужественны, и храбрость ихъ велика;
Быстры, горячи ихъ кони;
Они даютъ имъ шпоры, опускаютъ повода
И, со всей силы, разятъ другъ друга;
Разбиваютъ и дробятъ щиты,
Изрубаютъ свои панцыри, разрываютъ подпруги,
Сѣдла сворачиваются, всадники падаютъ.
Сто тысячъ человѣкъ глядятъ на нихъ, плача.

CCCXII.

Оба всадника очутились на землѣ;
Быстро вскакиваютъ они на ноги.
Пинабель силенъ, проворенъ и легокъ.
Они ищутъ другъ друга (оба остались безъ коней);
Своими мечами съ золотой рукоятью
Они рубятъ по шлемамъ стальнымъ.
То удары, способные сокрушить всякій шлемъ.
Горько сѣтуютъ всѣ рыцари французскіе.
„О Боже“, молвитъ Карлъ, „покажи намъ, гдѣ правда.“

CCCXIII.

Говоритъ Пинабель: „Тьерри, сдавайся:
„Стану твой и буду служить тебѣ вѣрой и любовью,
„Изъ богатствъ моихъ отдамъ тебѣ все, что пожелаешь:
„Примири лишь Ганелона съ королемъ.“
Отвѣчаетъ Тьерри: „И не подумаю о томъ.
„Да будетъ мнѣ стыдно, если соглашусь!
„Пусть свершится сегодня судъ Божій надъ нами.“

CCCXIV.

Говоритъ Тьерри: „Пинабель, ты—истинный рыцарь,
„Ты высокъ, силенъ, гибокъ тѣломъ;
„Пэры твои знаютъ твою храбрость;
„Оставь ты эту битву,
„Я примирю тебя съ Карломъ:
„Надъ Ганелономъ должно свершиться правосудіе,
„Никогда ужъ о немъ мы не услышимъ болѣе.“.
Говоритъ Пинабель: „Сохрани Боже!
„Я сумѣю поддержать всю мою родню
„И не отступлю ни передъ кѣмъ изъ смертныхъ.
„Лучше умереть, чѣмъ заслужить такой упрекъ!“
Стали снова они рубиться мечами
По шлемамъ, изукрашеннымъ золотомъ.
Яркія искры сыплются отъ нихъ, взлетая къ небу.

Ихъ ужъ не развести, не разнять:
Не кончиться этому безъ чьей-нибудь смерти.

CCCXV.

Храбрый человѣкъ Пинабель изъ Сорanса.
Онъ разитъ Тьерри по его провансальскому шлему:
Брызнулъ огонь—и зажглась сухая трава;
Онъ являетъ остріе стального меча,
Разсѣкаетъ у него шлемъ на лбу
И проводитъ клинкомъ до средины лица
(Правая щека вся залилась кровью);
Панцырь разодранъ до самаго живота.
Господь уберегъ его отъ угрожавшей смерти.

CCCXVI.

И Тьерри видитъ, что раненъ въ лицо;
Свѣтлая кровь течетъ на полевую травку.
Онъ ударяетъ Пинабеля по шлему вороненой стали,
Разсѣкаетъ его на-двое до самой наносницы.
Весь мозгъ изъ головы выпадаетъ на землю,
Онъ взмахнулъ мечемъ и свалилъ его за-мертво.
Этотъ ударъ окончилъ битву.
Франки воскликнули: „Господь совершилъ чудо!
„Теперь справедливо будетъ повѣсить Ганелона,—
„Его и родныхъ, что за него поручались“.

CCCXVII.

Когда Тьерри одержалъ побѣду въ поединкѣ,
Явился къ нему императоръ Карлъ,
И съ нимъ—четыре его барона:
Герцогъ Нэмонъ, Ожье датчанинъ,
Жоффрэй Анжуйскій и Вильгельмъ де-Блэ.
Король заключилъ Тьерри въ объятія;
Онъ отеръ ему лицо (большимъ своимъ) куньимъ мѣхомъ
Скинулъ его; тотчасъ ему подали другой.

Осторожно снимаютъ съ рыцаря вооруженіе,
Усаживаютъ его на арабскаго мула;
Въ такомъ видѣ, ликующій, возвращается баронъ.
Пріѣзжаютъ въ Ахенъ, сходятъ на площади.
Тогда начинается казнь другихъ.

CCCXVIII.

Карлъ призываетъ своихъ графовъ и герцоговъ:
„Что мнѣ дѣлать съ тѣми, что я задержалъ?
„Они явились на судъ за Ганелона
„И были поручителями Пинабеля“.
Отвѣчали французы: „Смерть имъ всѣмъ!“
Король повелѣлъ палачу Басбрёну:
„Ступай, на этомъ проклятомъ деревѣ повѣсь ихъ всѣхъ;
„Клянусь этой бородой, которой волосы сѣды,
„Если ускользнетъ хоть одинъ, ты погибъ, ты умрешь.“
Онъ отвѣчаетъ: „Что же мнѣ дѣлать иное!“
Сто сержантовъ силою приводятъ ихъ,
И скоро тридцать изъ нихъ были повѣшены.
Такъ погибъ предатель, такъ сгубилъ и другихъ.

CCCXIX.

Затѣмъ удаляются баварцы и аллеманы,
И пуатевинцы, и бретонцы, и норманны.
По мнѣнію всѣхъ, и особенно французовъ,
Ганелону должно погибнуть отъ лютой казни.
Вывели четверку коней;
Къ нимъ его привязали за руки и за ноги.
Быстры и дики кони.
Четыре сержанта направляютъ ихъ
Къ кобылицѣ, стоящей тамъ, посреди поля.
Насталъ Ганелону конецъ.
Всѣ жилы его страшно напряглись;
Всѣ члены его отрываются отъ тѣла;
Свѣтлая кровь струится на зеленую траву.

Ганелонъ умираетъ, какъ предатель и измѣнникъ.
Кто предаетъ, да не похвалится измѣной.

CCCXX.

Императоръ, свершивъ свое мщеніе,
Призываетъ епископовъ изъ Франціи,
Баваріи и земли аллемановъ:
„Во дворцѣ моемъ есть благородная плѣнница;
„Она столько слышала наставленій и примѣровъ,
„Что желаетъ вѣрить въ Бога и жаждетъ христіанства.
„Окрестите ее, чтобъ душу ея спасъ Господь".
Тѣ отвѣчали: „Пусть дадутъ ей въ крестныя матери
„Благородныхъ и знатныхъ дамъ."
Много народа собралось на источники въ Ахенъ;
Тамъ окрестили королеву Испаніи,
Дали ей имя Юліаніи.
Она стала христіанкой по доброй волѣ.

Конецъ пѣсни.

CCCXXI.

Когда императоръ свершилъ правосудіе,
Утоливъ тѣмъ свой великій гнѣвъ,
И въ христіанство обратилъ Брамимонду,—
День кончился, наступила темная ночь.
Король ложится въ своей сводчатой палатѣ;
Святой Гавріилъ, отъ имени Бога, говоритъ ему:
„Карлъ, собери все войско твоей имперіи;
„Поспѣшно иди въ землю Биръ [1]),
„На помощь королю Вивіену въ Имфѣ,
„Городѣ, осажденномъ язычниками,
„Гдѣ христіане зовутъ тебя съ воплемъ."

[1]) Что такое земля Биръ и городъ Имфъ—до сихъ поръ не выяснено комментаторами.

Императору не хотѣлось бы итти туда.
„Боже!“—молвитъ король,—„какъ тяжела моя жизнь!“
Изъ очей текутъ слезы, онъ рветъ свою бѣлую бороду...

Здѣсь прерывается дѣписаніе Турольда [1]).

Объяснительныя статьи. [2])

1) Историко-литературная справка.

Пѣснь о Роландѣ, замѣчательнѣйшій изъ образцовъ эпическаго творчества старой Франціи, имѣетъ въ основѣ дѣйствительное историческое событіе. По свидѣтельству современной хроники Эгинарда († 844), „Vita Caroli Magni“, оно произошло 15 августа 778 г. Императоръ возвращался во главѣ своего войска съ похода на Испанію, малоуспѣшнаго, такъ какъ взятъ былъ лишь городъ Памплелуна, а подъ стѣнами Сарагоссы франковъ постигла неудача. При прохожденіи чрезъ горную область Наварры, отсталый аррьергардъ Карлова войска въ ущельѣ, донынѣ носящемъ названіе Ронсеваля (Ronseval—тернистый долъ), былъ настигнутъ врасплохъ баскими (гасконцами) и истребленъ. Вмѣстѣ съ франками полегли и вожди ихъ: Эггихардъ, стольникъ короля, Ансельмъ,

---

[1]) Личность Турольда, имя котораго упоминается въ заключительномъ стихѣ нашей поэмы, почти такъ же мало извѣстна, какъ и личность Бояна изъ нашего Слова о полку Игоря. Авторъ ли это пѣсни, или только одинъ изъ ея переписчиковъ—вопросъ тоже не рѣшенный.

[2]) Этотъ комментарій-введеніе составленъ по слѣд. источникамъ: Буслаевъ. Народная поэзія. СПБ. 1887 г. Коршъ и Кирпичниковъ. Всеобщая исторія литературы, т. II. Гр. Ф. де Ла Бартъ. Бесѣды по исторіи всеобщей литературы. М. 1914, изд. 2-е. А. Кирпичниковъ. Отчетъ о XII присужденіи Пушкинской преміи. Сборн. Отд. р. яз. и сл. И. А. Н. т. LXVI. (Разборъ перевода пѣсни о Роландѣ). Petit de Julleville. Histoire de la langue et de la littérature française. P. 1896, v. I, статья L. Gautier. Ред.

графъ-палатинъ, и графъ бретонской марки Роландъ (Груодландусъ, Ротоландусъ).

Арабскія хроники подтверждаютъ это событіе, приписывая участіе въ побоищѣ также и маврамъ.

Впослѣдствіи франки жестоко отомстили врагамъ: предводитель ихъ Lupus, „истый волкъ и по имени и на дѣлѣ", былъ взятъ въ плѣнъ и повѣшенъ; завоевано было много сарацинскихъ владѣній.

Этотъ самъ по себѣ ничтожный боевой эпизодъ съ теченіемъ времени въ представленіи народномъ разросся до небывалаго значенія и принялъ причудливыя формы въ отображеніяхъ поэтическаго творчества; кантилены (лиро-эпическія пѣсни) о Карлѣ Великомъ и его сподвижникахъ (особенно о Роландѣ) пользовались чрезвычайною популярностью и распространены были даже далеко за предѣлами Франціи. Воспоминанія о Ронсевальской битвѣ слилось въ народномъ воображеніи съ другими событіями, имѣвшими мѣсто въ борьбѣ франковъ съ маврами. [1]) Баски были забыты, ихъ мѣсто всецѣло заняли мавры-сарацины, нечестивые враги Христовой вѣры и ея носителей. Значеніе этой войны обобщалось въ значеніи борьбы христіанскаго міра съ языческимъ (мусульмане-мавры въ „Пѣснѣ" неуклонно именуются язычниками); Карлъ является главой святой идеи обращенія язычниковъ въ христіанство и борьбы съ ихъ упорствомъ, а Роландъ—ея мученикомъ. Вся церковь чтила его, какъ такового, и имя его было вписано въ Мартирологахъ (подъ 31 мая и 16 іюня).

Пѣснь о Роландѣ была сложена въ XI в. какимъ-то неизвѣстнымъ клирикомъ нормандскаго происхожденія; народныя кантилены, являясь косвенно ея матеріаломъ, не вошли непосредственно въ ея составъ; судя по даннымъ языка и стиля, авторъ ея—книжникъ, хотя и знакомый съ пріемами

---

[1]) Нашествіе сарацинъ при Людовикѣ Благочестивомъ, сраженья франковъ съ гасконцами въ 812 и 824 г. и др.

народнаго творчества; то былъ труверъ [1]) (отъ trouver—изыскивать, пріобрѣтать), странствующій поэтъ, одинъ изъ слагателей такъ называемыхъ: „chansons de geste“ (пѣсенъ о подвигахъ), родственныхъ нашимъ былинамъ. Такія пѣсни-поэмы предназначались не для чтенія: онѣ пѣлись, сказывались ихъ авторами при дворахъ богачей и знати; въ народѣ, на улицахъ, ихъ распространяли и пѣли жонглеры [2]) (съ XIII в. зовутся также менестрелями), бродячіе пѣвцы-потѣшники (жонглеръ—jaculator отъ слова jocus—шутка) подъ аккомпаниментъ viele (родъ скрипки). [См. на обложкѣ изображеніе такого жонглера]. Древнѣйшій изъ дошедшихъ до насъ списковъ Пѣсни о Роландѣ хранится въ Оксфордской библіотекѣ; рукопись его восходитъ къ XII в., текстъ составленъ крайне небрежно—пропущены цѣлыя строфы, введено множество позднѣйшихъ дополненій и вставокъ; въ библіотекѣ Св. Марка въ Венеціи имѣется болѣе исправная рукопись XIII вѣка. Извѣстны еще пять-шесть передѣлокъ первоначальнаго текста: рукоп. Версальская, 2-я Венеціанская, Кэмбриджская, Парижская, Лотарингская и Ліонская.

Мы провѣрили и исправили переводъ съ своднаго текста Готье, составленнаго по 2-мъ древнѣйшимъ спискамъ, съ дополненіями изъ текстовъ всѣхъ извѣстныхъ шести передѣлокъ; послѣднія отмѣчены въ скобкахъ и поставлены внѣ нумераціи стиховъ.

Поэма заключаетъ въ себѣ 4000 десятисложныхъ стиховъ и раздѣлена на строфы различной величины. Каждая строфа имѣетъ одинъ и тотъ же ассонансъ (созвучіе послѣдней ударяемой гласной, неполная рифма, присущая особливо народной поэзіи), что удобно для пѣнія, при которомъ слышенъ

---

[1]) См. К. Ивановъ. Трубадуры, труверы и миннезингеры. Петроградъ. 1915.

[2]) Упоминаемый въ концѣ „Пѣсни“ Турольдъ и является, по мнѣнію изслѣдователей, однимъ изъ такихъ исполнителей, либо просто переписчикомъ, но отнюдь не авторомъ поэмы.

лишь гласный звукъ съ удареніемъ, а на согласныя вниманія не обращается [1]).

Дѣленія поэмы на три части съ подраздѣленіями не имѣется въ первоначальныхъ спискахъ, и введено Готье для облегченія читателей.

Сказаніе о Роландѣ сохранилось еще въ сводной хроникѣ Псевдо-Турпина и въ латинской поэмѣ „Объ измѣнѣ Ганелона". Сличая эти памятники съ различными версіями Пѣсни о Роландѣ и анализируя ихъ языкъ, ученые пришли къ выводу, что нѣкоторые эпизоды поэмы явились болѣе позднимъ наслоеніемъ. Таковъ, напр., эпизодъ о борьбѣ Карла съ Балиганомъ. Графъ де Ла Баргъ усматриваетъ вообще въ „Пѣснѣ о Роландѣ" слѣды не только разныхъ историческихъ эпохъ, но и разныхъ періодовъ эпическаго творчества. „Въ этой пѣснѣ", говоритъ онъ, „отразился не одинъ какой-нибудь моментъ исторіи образованія французской національности; къ ея поэтической темѣ пріурочены событія IX, X, XI-го вѣковъ, въ ней отразились и время броженія политическихъ элементовъ въ первые вѣка феодализма и весь періодъ образованія средне-вѣковой Франціи [2]). Въ Пѣснѣ о Роландѣ мы встрѣ-

---

[1]) Цитируемъ для примѣра по гр. де Ла Барту отрывокъ пѣсни о Роландѣ на современномъ французскомъ языкѣ:

Charles le Grand est revenu d'Espagne
Il vient à Aix, le premier siège de France,
Monte au palais, est entré dans la salle
Voici venir Aude la noble dame,
Qui dit au roi: „Ou est le preux Roland?"

[2]) Наиболѣе яркое развитіе феодальная система получила во Франціи. Феодализмомъ называлось поземельное устройство, основанное на системѣ личныхъ договоровъ, въ силу коихъ пріобрѣтался поземельный участокъ, уступленный на извѣстныхъ условіяхъ. Лицо, уступающее участокъ, называлось *сюзереномъ;* лицо, принимающее эти условія,—*вассаломъ*. Внѣ этой феодальной системы оставалось лишь незначительное число мелкихъ собственниковъ, съ теченіемъ времени постепенно уменьшавшееся. Порядокъ этотъ мало по малу охватываетъ весь міръ, и даже церковь вводитъ его у себя. Только крестьяне (les serfs, villains) да остатки горожанъ—гдѣ до-

чаемъ слѣды и чисто родовыхъ отношеній, занесенныхъ германцами на галло-римскую почву, и отношеній дружинныхъ, и отношеній феодальныхъ. Но всѣ эти наслоенія различныхъ эпохъ находятся между собой въ замѣчательной гармоніи. Все объединяетъ, все поглощаетъ главная идея, проходящая красною нитью черезъ всю „Пѣснь о Роландѣ“, а именно— служеніе „прекрасной милой Франціи“—dolce France la belle. Эта Франція въ Пѣснѣ о Роландѣ является главой всего христіанскаго міра въ его борьбѣ съ язычествомъ и мусульманствомъ, между которыми старо-французскія поэмы не дѣлаютъ различія.

Типы главныхъ дѣйствующихъ лицъ носятъ тотъ же характеръ единства основной идеи поэмы. Всѣ эти суровые вассалы объ одномъ только думаютъ, объ одномъ заботятся: какъ бы Франція не была посрамлена, и Карлъ не потерпѣлъ въ чемъ-либо ущерба. Служеніе Франціи и Карлу для нихъ равносильно служенію Богу; дѣло слугъ Карловыхъ — дѣло

живало старое муниципальное устройство Рима—были чужды этой системы. Феодализмъ долженъ былъ выдвинуть взаимныя обязательства сюзереновъ и вассаловъ, безъ исполненія которыхъ имъ невозможно было существовать. Отсюда возникаетъ культъ феодальной вѣрности, феодальнаго слова, безусловно связывающаго сюзерена съ вассаломъ; готовность стать, по первому призыву, на защиту сюзерена. Отсюда развитіе культа воинской доблести и силы. Женщины, какъ слабыя существа, едва упоминаются въ феодальной поэзіи и не имѣютъ значенія.

Феодализмъ неизбѣжно отразился на бытѣ этой эпохи и на литературныхъ идеалахъ ея художественныхъ произведеній. Вмѣстѣ съ завоеваніями норманновъ онъ перешелъ въ Англію, а затѣмъ—и въ Италію. Этимъ обстоятельствомъ, быть можетъ, объясняется и широкое распространеніе „Пѣсни о Роландѣ“; переработки ея и сказанія о Роландѣ и Карлѣ Великомъ извѣстны въ Германіи (*Ruolandes—Liet* аббата Конрада—XII в., *Karl—Meinet*—XIV в.), въ Скандинавіи (*Karlamagnus Saga*—XIII в.), въ Даніи и Исландіи (*Keiser Karl Magnus kronike*—XV в.), въ Англіи (*Roland*—XIII в.), въ Италіи (*Spagna istoriata*, *Rotta di Roncisvalle*— XIV и XV вв.; Pulci: *Morgante Maggiore*—XV в.; Aretino: *Orlandino* и Ariosto: Orlando furioso — XVI); въ Испаніи (*Cronica general* Альфонса X и Chronica *Hispaniae* Родриго Толедскаго—XIII в.).

правое, святое, и самый бой является какъ бы Божьимъ судомъ. Все міросозерцаніе этихъ, какъ бы вылитыхъ изъ цѣльнаго куска стали, бароновъ въ высшей степени цѣльно и просто. Роландъ говоритъ:

За короля должны мы храбро биться:
Обязанъ каждый витязь за сеньора
Терпѣть лишенья, раны, холодъ, зной,
Жалѣть не долженъ кровь свою и тѣло,—
. . . . . .
Чтобъ пѣснь о насъ позорную сложить
Не могъ никто. Всевышній—не за мавровъ,
Вѣдь наше дѣло правое—святое,—
Худой примѣръ я не подамъ, друзья [1]).

Карлъ въ Пѣснѣ о Роландѣ—тотъ же, что и въ другихъ старо-французскихъ поэмахъ. Этотъ все тотъ же титаническій образъ престарѣлаго императора, императора съ сѣдою бородой и бѣлоснѣжными кудрями, вѣчнаго борца за Францію и вѣру Христову. Ему за двѣсти лѣтъ: много ударовъ принялъ онъ на свой „выпуклый“ щитъ, много копій пронизало его тѣло, но онъ не чувствуетъ ранъ, не чувствуетъ усталости и носится на ретивомъ конѣ съ одного конца своей обширной имперіи на другой. Поверхъ сверкающей брони виситъ его брада сѣдая, и взоръ его полонъ огня. Карлъ всюду ищетъ враговъ своей dolce France, и тамъ, гдѣ гремитъ его призывный кличъ „Monjoie“, тамъ правое дѣло торжествуетъ“.

Невольно напрашивается сопоставленіе пѣсенныхъ сказаній о Карлѣ Великомъ съ нашимъ эпосомъ: совѣщаніе Карла съ его баронами въ Ахенѣ—совѣтъ Владимира въ Кіевѣ съ его дружинушкой хороброй; вѣщій сонъ Карла—и сонъ Святослава въ Словѣ о Полку Игоревѣ; землетрясеніе во Франціи—знакъ гибели Роланда—и затменіе солнца передъ Игоревой бѣдой; не только въ области образовъ, но и въ области пріемовъ и стиля аналогій не мало.

---

[1]) Пѣснь о Роландѣ, перев. гр. де Ла Бартъ, стр. 36.

Интересно сопоставить и такъ называемыя готовыя поэтическія формулы, отмѣченныя графомъ де Ла Бартъ.

Въ Пѣснѣ о Роландѣ, кто бы ни привѣтствовалъ Карла,— франкскій ли баронъ или нехристь африканскій, — онъ привѣтствуетъ его „любовно“. Выраженіе „любовно“ какъ бы приросло къ понятіямъ — „поклониться,“ „привѣтствовать“. Тоже и окаменѣвшіе эпитеты: прекрасная милая Франція (даже въ устахъ язычника), сѣдобородый императоръ; какъ наши: земля святорусская, Владиміръ—Красное-Солнышко. Либо цѣликомъ формулы: „Поникъ челомъ великій императоръ, рукой онъ треплетъ бороду, усы“; ср. наше: „Тутъ Потоку за бѣду стало—за великую досаду показалося“. Повторны и формулы описанія поединка, рѣчи къ врагу, плачи надъ убитымъ товарищемъ, похвальбы; ср. наши былины. Къ общеэпическимъ типамъ отнесемъ образъ страшнаго врага, „погани“, „силы незнаемой“ нашихъ былинъ.

Напр., у мавританскаго богатыря Шернублія—

> До самыхъ пятъ его спадаютъ кудри,
> Межъ глазъ его пространство больше локтя.

А у нашего „идолища“ носище—что кислóй пирогъ, глазища словно чашищи, и т. д. [1]).

Какъ на пріемъ народнаго творчества (съ цѣлью усилить впечатлѣніе), укажемъ на эпическія повторенія, напр., при описаніи боя, умиранія Роланда и т. п.

Наряду съ народнымъ творчествомъ въ Пѣснѣ о Роландѣ часто слышится и творчество личное, слышенъ авторъ сочувствующій и негодующій: короткими фразками-восклицаніями прерываетъ онъ мѣрное теченіе поэмы. Напр., „О Боже, наши этого не знаютъ“. „Кто бъ видѣлъ!“ „Вотъ славный витязь!“ „Пусть будутъ прокляты невѣрные!“ „Увы, сколько нашихъ пало!“ „Какъ жаль, что онъ измѣнникъ!“ [2]) и т. д.

[1]) Но прекрасный обликъ могучаго Ганелона-предателя говоритъ скорѣй въ пользу творчества личнаго.

[2]) Подобныя обращенія-восклицанія встрѣчаются и въ Словѣ о Полку Игоревѣ.

Къ личному же творчеству отнесемъ—повторенія болѣе художественнаго искусственнаго пошиба, повторенія, выдвигающія дѣйствія впередъ, а также извѣстнаго рода сентиментальность, даже порой слезливость (частые слезы и плачи, обмороки 100.000 ратниковъ и т. д.), которыя народному эпосу какъ-то не пристали. Наконецъ, упоминаніе лѣтописей (geste), древнихъ писателей, Виргилія, Гомера, ветхозавѣтныхъ Даѳана и Авирона, сравненіе черноты эѳіоповъ съ чернилами—все это, какъ вѣрно отмѣчаетъ проф. Кирпичниковъ,—черты творчества личнаго, книжнаго, не народнаго.

Личный элементъ претворился съ народнымъ въ общемъ строѣ поэмы, слился, спаялся съ нимъ, и въ этомъ претвореніи личнаго и народнаго—своеобразная прелесть и вѣчная красота Пѣсни о Роландѣ.

На русскомъ языкѣ извѣстны слѣдующія переработки этой эпопеи: 1) стихотворный свободный пересказъ Б. Алмазова (Москва. 1868). 2) Прозаическіе переводы большей части „Пѣсни“ въ „Исторіи среднихъ вѣковъ“ М. Стасюлевича и въ „Христоматіи“ Филонова. 3) Пересказы содержанія — у Ѳ. И. Буслаева (Народная поэзія) и у О. М. Петерсонъ и Е. В. Балабановой. Западно-европ. эпосъ, т. I. Спб. 1896. Лучшій переводъ (стихами, размѣромъ подлинника) — графа Ф. Г. де Ла Бартъ, съ предисловіемъ акад. А. Н. Веселовскаго. Спб. 1897; удостоенъ Пушкинской преміи, согласно отзыву проф. А. И. Кирпичникова (см. Отчетъ о XII присужд. Пушкинскихъ премій въ 1897 г., въ Сборн. Отд. руск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ, т. LXVI, Спб. 1900.

2. Содержаніе поэмы по Оксфордской рукописи въ переложеніи гр. Ф. де Ла Бартъ [1]).

Карлъ завоевалъ всю Испанію, кромѣ Сарагоссы. Царь сарагосскій Марсилій, испуганный быстрыми успѣхами франкскаго оружія, отправляетъ къ императору пословъ, чтобы

[1]) Бесѣды по исторіи всеобщей литературы. М. 1914, стр. 81—82.

обмануть его ложными обѣщаніями и заставить удалиться во Францію.

Карлъ созываетъ совѣтъ, на которомъ присутствуетъ цвѣтъ его рыцарей. Послѣ долгихъ преній франки соглашаются на миръ съ царемъ Марсиліемъ, съ тѣмъ условіемъ, что онъ приметъ христіанство и признаетъ Карла своимъ сюзереномъ. Императоръ спрашиваетъ франковъ, кто изъ нихъ возьмется отвезти эти условія царю невѣрныхъ. Племянникъ Карла, Роландъ, беретъ это порученіе на себя, но императоръ слишкомъ любитъ Роланда, чтобы согласиться на это. Тогда Роландъ совѣтуетъ послать своего вотчима Ганелона. Приписывая такой совѣтъ ненависти Роланда къ нему, какъ къ вотчиму, Ганелонъ клянется погубить своего пасынка. По дорогѣ въ Сарагоссу онъ заключаетъ союзъ съ престарѣлымъ Бланкандриномъ, стоявшимъ во главѣ мавританскаго посольства. Ганелонъ берется уговорить Карла удалиться во Францію, оставивъ на стражѣ въ ущельяхъ ронсенвальскихъ Роланда съ незначительнымъ отрядомъ. Если погибнетъ Роландъ, говоритъ Ганелонъ, то Карлъ никогда больше не станетъ воевать съ сарацинами. Заговоръ удается. Карлъ, по совѣту Ганелона, оставляетъ среди ущелій Роланда, пэровъ и 20.000 воиновъ. Марсилій идетъ на нихъ во главѣ 40.000 мавровъ. Другъ Роланда, прекрасный Оливьеръ, первый съ вершины холма замѣчаетъ враговъ и проситъ Роланда затрубить въ свой рогъ, чтобъ позвать на помощь Карла. Но Роландъ изъ тщеславія отказывается исполнить просьбу своего друга. Начинается жестокая сѣча, въ которой франки творятъ чудеса храбрости. Но число враговъ все увеличивается, а франковъ остается въ живыхъ лишь 60 человѣкъ. Роландъ въ отчаяніи трубитъ въ свой зычный рогъ (олифантъ), чтобы Карлъ хоть отомстилъ за гибель своихъ пэровъ. Трижды трубитъ Роландъ, и далеко чрезъ горныя вершины и по мрачнымъ долинамъ гремятъ раскаты его завѣтнаго рога. Карлъ слышитъ его призывъ и, несмотря на увѣренія Ганелона, что нѣтъ никакой битвы, что Роландъ

трубитъ для своего удовольствія, мчится со всѣмъ своимъ войскомъ на помощь къ племяннику. Отъ нечеловѣческаго усилія у Роланда раскрылись жилы на челѣ, и уста его покрыты кровавой пѣной. Всѣ франки пали, пали и 12 пэровъ, и другъ Роланда, Оливьеръ. Сарацины, испуганные громомъ франкскихъ роговъ, которые гремятъ въ отвѣтъ на олифантъ Роланда и возвѣщаютъ о скоромъ прибытіи императора, покидаютъ поле битвы. Роландъ отыскиваетъ тѣла своихъ товарищей-пэровъ и приноситъ ихъ къ умирающему архіепископу Турпину, чтобы онъ ихъ благословилъ. Ослабѣвъ отъ потери крови, Роландъ ложится на лугъ зеленый и впадаетъ въ забытье.

Одинъ сарацинъ, притворявшійся мертвымъ, хочетъ похитить его несравненный мечъ Дюрандаль. Роландъ смутно чувствуетъ, что мечъ его схватили, открываетъ глаза и, узнавъ мавра, убиваетъ его ударомъ своего олифанта по головѣ. Боясь, чтобы Дюрандаль не достался врагамъ, онъ напрасно силится разбить свой мечъ о гранитный камень. Чувствуя приближеніе смерти, Роландъ ложится лицомъ къ Испаніи, чтобы умереть побѣдителемъ. Онъ проситъ у Всевышняго прощенія въ своихъ грѣхахъ и умираетъ. Карлъ пріѣзжаетъ въ Ронсеваль, видитъ вдали убѣгающихъ сарацинъ и мчится въ погоню за ними. Наступленіе ночи должно остановить преслѣдованіе, но, по молитвѣ Карла, Господь являетъ великое чудо: солнце останавливается въ своемъ теченіи, и всѣ мавры истреблены. Карлъ возвращается въ Ронсеваль; оплакавъ Роланда, онъ хочетъ вернуться во Францію. Вдругъ къ нему являются герольды отъ недавно прибывшаго въ Испанію великаго вавилонскаго эмира Балигана. Происходитъ жестокое побоище, въ которомъ Карлъ остается побѣдителемъ. Взявъ Сарагоссу, онъ возвращается въ свой престольный Ахенъ. Невѣста Роланда, прекрасная Альда, узнавъ о смерти своего жениха, падаетъ мертвой у ногъ императора. Надъ Ганелономъ, виновникомъ всѣхъ бѣдствій, снаряженъ судъ. Его сперва оправдываютъ, но Тьери, род-

ственникъ Карла, предлагаетъ рѣшить дѣло Божьимъ судомъ. Пинабель, родственникъ Ганелона, принимаетъ вызовъ. Въ поединкѣ съ Тьери Пинабель убитъ. Карлъ предаетъ Ганелона позорной казни и собирается отдохнуть отъ трудовъ. Но не суждено ему насладиться покоемъ. Его призваніе — всю жизнь бороться за Францію и вѣру Христову. Ночью Карлу является ангелъ и велитъ готовиться къ новому походу противъ невѣрныхъ.

3. Хроника Турпина.

(Изъ ст. Ѳ. И. Буслаева).

По нѣкоторымъ чисто церковнымъ причинамъ, не только въ средніе вѣка, но даже и до настоящихъ временъ, Пѣсня о Роландѣ, несмотря на ея высшія эпическія достоинства, была заслоняема въ общемъ употребленіи ложною хроникою архіепископа Турпина, собранною тоже изъ народныхъ разсказовъ и давшею содержаніе множеству стихотворныхъ и прозаическихъ повѣствованій о походахъ Карла и его пэровъ (Turpini, Vita Caroli Magni et Rolandi).—Такъ какъ и самъ Карлъ былъ признанъ святымъ, и его воины, побитые сарацинами, были причислены къ лику христіанскихъ мучениковъ, такъ что въ мартирологіяхъ, подъ 3-мъ мая, записана даже и годовщина ронсевальскаго побоища, то само собою разумѣется, что въ средніе вѣка всего больше удовлетворяло вѣрующіе умы такое изложеніе этого событія, которое составляло бы часть цѣлой легенды о священныхъ подвигахъ Карла,—что и находили читатели въ этой ложной хроникѣ Турпина. Основная мысль ея состоитъ въ воздаяніи должнаго чествованія апостолу Іакову въ Компостеллѣ, столицѣ испанской Галисіи. Это — знаменитый С. Яго-Компостельскій, куда на поклоненіе стали стекаться во множествѣ пилигримы съ конца XI столѣтія. Постоянная идея хроники—что апостолъ Іаковъ то же для Запада, что Іоаннъ для Востока, и что Компостелла, гдѣ покоятся реликвіи св. Іакова, то же, что Эфесъ, что обѣ эти церкви имѣютъ равныя достоинства, на томъ

основаніи, что апостолы Іаковъ и Іоаннъ просили Іисуса Христа, чтобъ онъ водворилъ апостольскіе престолы, одному на правой его сторонѣ, а другому на лѣвой. Отсюда идетъ цѣлый рядъ доводовъ, чтобъ доказать, что въ мірѣ три верховныхъ апостола: Петръ, Іоаннъ и Іаковъ, основатели трехъ церквей: въ Римѣ, Эфесѣ и Компостеллѣ. Надобно знать, что эти самыя мысли были проповѣдываемы папою Каликстомъ II, отъ котораго осталось четыре слова въ честь С.-Яго Компостельскаго, котораго онъ ставитъ выше всѣхъ святыхъ, и особенно превозноситъ благочестивыя хожденія въ Компостеллу. Сверхъ того, этотъ папа торжественно призналъ святость ложной хроники Турпина, возведши ее до степени каноническихъ книгъ, и при этомъ оградилъ ее отъ столкновенія въ противорѣчіяхъ съ другими источниками, осуждая церковнымъ судомъ тѣхъ, кто будетъ слушать или повторять будто бы лживыя пѣсни жонглеровъ, къ которымъ надобно причислить и разобранную нами пѣсню Турольда[1]). Такимъ образомъ, будучи благословлена самимъ папою, хроника стала священнымъ чтеніемъ, и въ XIII вѣкѣ послужила источникомъ житія Карла Великаго въ знаменитомъ житейникѣ святыхъ, извѣстномъ подъ именемъ Золотой Легенды Якова де-Ворагине. Какъ книга священная, эта ложная хроника Турпина о подвигахъ Карла Великаго до того направлена къ прославленію апостола Іакова, что къ ней присовокупляется цѣлый трактатъ о чудесахъ С.-Яго Компостельскаго, составленный тѣмъ же папою Каликстомъ II. Если взять въ соображеніе, откуда попалъ Каликстъ на папскій престолъ, то для насъ будетъ вполнѣ ясно, что или самъ онъ, или кто изъ его подручниковъ въ угоду ему составилъ эту ложную хронику Турпина. Первое извѣстіе объ этой хроникѣ встрѣчается въ 1092 году, когда Каликстъ былъ еще только архіепископомъ въ Вьяннѣ; это былъ Гюи de Bourgogne, Гвидо Бургонскій, меньшой братъ

[1]) Оксфордскую редакцію пѣсни о Роландѣ Ѳ. И. Буслаевъ наз. пѣсней Турольда по имени переписчика, названному въ концѣ поэмы.

Раймонда Бургундскаго, которому его жена Уррака, дочь Альфонса VI, принесла въ приданое графство Галисію съ главнымъ городомъ Компостелло. Ставъ потомъ папою, Каликстъ II, можетъ быть, своимъ папскимъ авторитетомъ прикрылъ благочестивый подлогъ, который онъ еще во Франціи пустилъ въ ходъ подъ именемъ хроники Турпина. Во всякомъ случаѣ, было въ интересахъ вьянскаго архіепископа — этой ложью прославить Компостелло, связавъ его съ чудесами апостола Іакова, какъ для церковныхъ доходовъ, такъ и для авторитета брата своего, Раймонда Бургундскаго, владѣтеля Компостелло и родоначальника второй линіи королей кастильскихъ.—Впрочемъ, кто бы ни смастерилъ этотъ знаменитый подлогъ, во всякомъ случаѣ, нѣтъ сомнѣнія, что онъ относится къ концу XI вѣка.

По разсказу ложной хроники Турпина, Карлъ предпринялъ походъ въ Испанію, по повелѣнію апостола Іакова, который самъ явился ему въ чудесномъ видѣніи.

Однажды Карлъ, утомившись своими воинскими подвигами, вдругъ видитъ на небѣ цѣлый звѣздный путь, который шелъ отъ моря французскаго, между Франціею и Аквитаніею, потомъ проходилъ черезъ Гасконію, страну Басковъ и достигъ до Галисіи, гдѣ оставались еще въ безвѣстности мощи св. Іакова. И въ теченіе нѣсколькихъ дней Карлъ видѣлъ тотъ звѣздный путь, недоумѣвая, что онъ значитъ, какъ, наконецъ, является передъ нимъ прекрасный рыцарь и спрашиваетъ: „Чего ты желаешь, сынъ мой?“—„Кто ты, господине?“ возразилъ Карлъ. — „Азъ есмь апостолъ Іаковъ, отвѣчалъ явившійся:—сынъ Зеведеевъ, братъ евангелиста Іоанна, избранный вмѣстѣ съ нимъ на морѣ галилейскомъ проповѣдывать слово Божіе народамъ. Потомъ меня поразилъ мечъ Ирода, а мощи мои скрываются въ Галисіи, безславно попираемыя сарацинами. Тебѣ назначено освободить его изъ рукъ моавитянъ. Звѣздная полоса, которую ты зришь на небѣ, указываетъ тебѣ путь, по которому ты долженъ слѣдовать во главѣ многочисленнаго войска, и по которому послѣ тебя бу-

дутъ приходить народы, прославляя Бога и чудеса его угодниковъ" (то-есть богомольцы къ С. Яго Компостельскому).

Итакъ, вотъ тотъ легендарный оборотъ, который былъ данъ Карлову походу въ Испанію и ронсевальскому побоищу средневѣковымъ благочестіемъ, ловко обманутымъ удачною ложью, поддерживаемою самимъ папою Каликстомъ II. То-есть: походъ Карла противъ сарацинъ—одно изъ чудесъ самого апостола Іакова.—Изъ сказаннаго явствуетъ, что ронсевальское побоище составляетъ только эпизодъ Турпиновой хроники.

Вотъ главные герои этого повѣствованія, составляющаго варіантъ редакціи Турольда: Въ Сарагоссѣ царствуютъ два короля, оба братья: Марсилліусъ и Белигандъ. Карлъ посылаетъ къ нимъ Ганелона, чтобъ они крестились и дали ему дань.—Сарацинскіе короли посылаютъ Карлу тридцать вьючныхъ лошадей съ сокровищами, шестьдесятъ съ сладкимъ виномъ и сто съ прекрасными дѣвицами.—Между тѣмъ, они уговариваются съ Ганелономъ, который долженъ предать имъ французовъ. Ганелонъ возвращается во французскій станъ съ богатою добычею, которая очень дорого обошлась французамъ, потому что въ то время, какъ сарацины собирались напасть на французскихъ воиновъ, эти послѣдніе въ своемъ станѣ пили вино и веселились съ присланными изъ Сарагоссы прекрасными невольницами.—Эта подробность, бросающая тѣнь на христіанскихъ героевъ, у Турольда, какъ мы видѣли—устранена.—Сарацины нападаютъ на французовъ—и, послѣ разныхъ колебаній счастія, избиваютъ весь арріергардъ.—Но Марсиллъ убитъ Роландомъ.—Изъ французовъ въ ронсевальской долинѣ остаются только Роландъ, Бальдевейнъ и Тедрихъ.—Роландъ раненъ. Онъ такъ страшно трубитъ въ рогъ, что раскалываетъ его надвое.—Тедрихъ присутствуетъ при кончинѣ Роланда и его исповѣдуетъ; душу Роланда ангелы возносятъ на небо.

Турпинъ тогда находился при Карлѣ. Изъ вѣщаго видѣнія онъ узнаетъ о случившемся и сообщаетъ Карлу, что душу

Роланда вознесъ на небо архангелъ Михаилъ, а душу Марсилла демоны низвергли въ адъ. Вслѣдъ за тѣмъ является Бальдевейнъ и подтверждаетъ Карлу истину этого видѣнія. Карлъ тотчасъ возвращается съ войскомъ отомстить пораженіе. На ронсевальской долинѣ оплакиваетъ трупы Роланда и Оливье, и слѣдуетъ за сарацинами, а солнце на цѣлые три дня неподвижно останавливается на тебѣ. Карлъ достигаетъ сарацинъ на Эбро и истребляетъ ихъ 4.000; потомъ возвращается въ ронсевальскую долину.—Конецъ разсказа о судѣ надъ Ганелономъ тотъ же. Тьерри, поразившій въ единоборствѣ Пинабеля, есть тотъ самый Тедрихъ, который присутствовалъ при послѣднихъ минутахъ Роланда.

Вильгельмъ Гриммъ, въ своемъ отличномъ предисловіи къ нѣмецкому Ruolandes liet (пѣснь о Роландѣ), 1838 г., разсматриваетъ обстоятельно и съ большимъ филологическимъ и эстетическимъ тактомъ всѣ редакціи этого поэтическаго сказанія и во многомъ отдаетъ Турпиновой хроникѣ предпочтеніе передъ Турольдомъ, въ первобытности эпическихъ мотивовъ. Изъ этихъ мотивовъ особенно обращаютъ на себя вниманіе два:

1) У Турольда ненависть Ганелона къ Роланду—мѣсто темное, сбивчивое, хотя на этой ненависти держится вся завязка поэмы. Странно, почему оскорбился Ганелонъ тѣмъ, что Роландъ именно ему рекомендуетъ ѣхать посломъ къ Марсиллу, когда этой чести домогался и самъ Роландъ, и другіе знаменитые герои. У Турпина предательство Ганелона объясняются очень просто и согласно съ жадностью варварскихъ временъ: Ганелона просто подкупили сарацинскіе короли, и изъ-за денегъ Ганелонъ предаетъ своихъ.—Турольдъ видимо хотѣлъ смягчить предательство болѣе благороднымъ мотивомъ для того, чтобъ не слишкомъ унизить французскаго барона. Поэтому, мы видимъ, что и во время суда Ганелонъ не теряетъ своего нравственнаго достоинства. Это—уже черта искусственная и относится къ эпохѣ болѣе развитой. Мотивъ алчности заимствованъ въ ложной хроникѣ Турпина изъ источниковъ древнѣйшихъ.

2) Точно такъ же Турольдъ не хотѣлъ бросить тѣни на французское войско грязною картиною пьянства и разврата, которымъ предаются французы передъ тѣмъ, какъ захватили ихъ врасплохъ въ узкомъ ущельи сарацины. По убѣжденіямъ Турольда, защитники христіанства противъ мусульманъ должны были, чистые душою и тѣломъ—приступить къ рѣшительной битвѣ. Древній народный эпизодъ, откуда черпала Турпинова хроника, еще не зналъ этой тонкости, и изобразилъ французскихъ воиновъ, какъ обыкновенныхъ солдатъ, падкихъ на лакомую добычу, хотя бы она досталась и отъ сарацинъ и могла бы наложить грѣхъ на душу.

Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, Турпинова хроника есть уже прозаическое, испорченное переложеніе по-латыни древнихъ народныхъ пѣсенъ, между тѣмъ какъ пѣсня Турольда отличается свѣжестью родныхъ звуковъ французскаго языка.

Въ заключеніе, слѣдуетъ сказать два слова о томъ, на какомъ языкѣ первоначально произошла пѣсня о Роландѣ,—на провансальскомъ или на французскомъ. Иные ученые стоятъ за провансальское происхожденіе, основываясь на самой мѣстности, которая была поприщемъ описываемыхъ подвиговъ. Но судя по складу пѣсни и по грубымъ первобытнымъ мотивамъ, уцѣлѣвшимъ въ ложной хроникѣ Турпина, видно, что этотъ строгій эпическій стиль не имѣетъ ничего общаго съ характеромъ провансальской поэзіи. Въ то время, какъ въ Провансѣ начинается уже новый искусственный лирическій родъ поэзіи, къ сѣверу, въ собственной Франціи, еще процвѣтала эпическая простота ранняго, безыскусственнаго творчества. Скорѣе можно предположить, что пѣсни о Роландѣ и Карлѣ Великомъ были общимъ достояніемъ не только французскаго, но и нѣмецкаго сосѣдняго населенія, но въ Провансѣ ранѣе онѣ подверглись искусственной переработкѣ.

Вып. XXIII. **Е. А. Баратынскій.** (1800—1844). Избранныя сочин. Лирич. стихотвор.—Поэмы.—Прозаич. статьи.—Матеріалы для изученія поэта. Петроградъ. 1896. Ц. 50 к.

Вып. XXIV. **Житье и хоженье Данила** Русьскыя земли игумена. (1106—1108). Текстъ воспроизведенъ по древнѣйшему списку XV вѣка, изданному Правосл. Палестинск. Общ. Текстъ памятника.—Объяснит. статьи, съ прил. 2-хъ картъ. Петроградъ. 1896. Ц. 50 к.

Вып. XXV. **Н. И. Новиковъ.** (1744—1778). Живописецъ. (1772 — 1773). Избранныя статьи изъ „Живописца".—Извлеченіе изъ „Трутня". — Матеріалы для изученія писателя. Петроградъ. 1896. Ц. 35 к.

Вып. XXVI. **Древне-русскія драматическія произведенія.** Зачатки драмы въ произведеніяхъ народной поэзіи. — Пещное дѣйство и вертепъ.—Мистерія Симеона Полоцкаго о царѣ Навуходоносорѣ. — „Владиміръ", трагедокомедія Ѳеофана Прокоповича.—Объяснительныя статьи. Петроградъ. 1898. Ц. 40 к.

Вып. XXVII. **В. Г. Бѣлинскій.** (1810—1848). Критич. этюды. Ч. I. „Ревизоръ" Гоголя.—„Горе отъ ума" Грибоѣдова.—„Борисъ Годуновъ" Пушкина. Петроградъ. 1898. Ц. 30 к.

Вып. XXVIII. **Кн. А. М. Курбскій и царь Іоаннъ IV Васильевичъ Грозный.** Избранныя сочиненія. Исторія Іоанна Грознаго, кн. Курбскаго. Переписка Іоанна Васильевича съ Курбскимъ.—Объяснительныя статьи.—Словарь. Петроградъ. 1902. Ц. 55 к.

Вып. XXIX. **А. В. Кольцовъ.** (1802 — 1842). Стихотворенія. 87 стихотвореній. — Этюдъ В. Г. Бѣлинскаго и В. Н. Майкова.—Объяснит. статьи. Петроградъ. 1905. Ц. 50 к.

Вып. XXX. **И. И. Козловъ.** (1779 — 1840). Стихотворенія. Лирическія стихотворенія, оригинальныя и переводныя.—Поэмы.—Объяснит. статьи. Петроградъ. 1906. Ц. 55 к.

Вып. XXXI. **К. Н. Батюшковъ.** (1787—1855). Стихотворенія. LXXIII Лирическихъ стихотвореній.—XVIII Сатирическихъ пьесъ.—Объяснит. статьи. Петроградъ. 1906. Ц. 50 к.

Вып. XXXII. **А. Н. Радищевъ.** Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. Текстъ произведенія.—Объяснительныя статьи. Петроградъ. 1906. Ц. 50 к.

Вып. XXXIII. **В. А. Озеровъ.** (1769 — 1816). Трагедіи. Эдипъ въ Аѳинахъ. — Фингалъ.—Димитрій Донской.—Объяснительныя статьи. Петроградъ. 1907. Ц. 45 к.

Вып. XXXIV. **И. Ф. Богдановичъ.** (1743 — 1802). Избранныя сочиненія. Душенька.—Радость Душеньки.—Объяснительныя статьи. Петроградъ. 1907. Ц. 45 к.

Вып. XXXV. **В. В. Капнистъ.** (1757—1824). Избранныя сочиненія. Ябеда, ком.—Оды.—Гораціанскія и анакреонтическія оды.—Посланія.—Сатиры.—Эпиграммы и надписи.—Объяснительныя статьи. Петроградъ. 1907. Ц. 45 к.

Вып. XXXVI. **И. А. Крыловъ.** (1768 — 1844). Басни. Текстъ 201 басни съ примѣчаніями.—Объяснительныя статьи. Петроградъ. 1908. Ц. 60 к.

Вып. XXXVII. **И. С. Тургеневъ.** (1818—1883). Рудинъ. Романъ въ XII главахъ съ эпилогомъ. Полный текстъ романа.—Объяснит. статьи. Изд. 2-е. Петроградъ. 1914. Ц. 50 к.

Вып. XXXIX. **А. С. Хомяковъ.** (1804—1860). Стихотворенія. 75 лирическихъ стихотвореній.—Объяснительныя статьи. Петроградъ. 1909. Ц. 40 к.

Тоже. Серія вторая. Классическія произведенія иностранныхъ литературъ въ переводахъ русскихъ писателей.

Вып. I. **Пѣснь о Роландѣ.** Французскій народный эпосъ. Переводъ Чудинова. Текстъ памятника, съ примѣчаніями.—Объяснительныя статьи. Изд. 2-е. Петроградъ. 1917. Ц. 75 к.

Вып. II. **Пѣснь о Нибелунгахъ.** Нѣмецкій народный эпосъ, переводъ Кудряшева. Текстъ авентюръ: I, II, XV — XVII, XXXVI — XXXIX и изложеніе содержанія остальныхъ.—Объяснительныя статьи. Изд. 2-е. Петроградъ. 1916. Ц. 60 к.

Вып. III. **Поэмы Оссіана** Джемса Макферсона. Переводъ и примѣчанія Е. В. Балабановой. Фингалъ, поэма въ VI пѣсняхъ. — Смерть Кухулина, поэма и ирландское сказаніе.—Объяснительныя статьи. Петроградъ. 1897. Ц. 35 к.

Вып. IV. **Старшая Эдда.** (Семунда мудраго). Сборникъ миѳологическихъ, гномической и эпическихъ пѣсенъ, въ переводахъ русскихъ писателей. Древне-Скандинавскій [illegible]ый эпосъ. I—II миѳологическія пѣсни.—I гномическая.—I—XV эпическихъ.—Объ[illegible]чныя статьи. Петроградъ. 1897. Ц. 40 к.

[illegible]V. **Поэма** и избранные **романсы о Сидѣ,** въ переводахъ русскихъ писателей. [illegible]родный эпосъ. Полный текстъ Поэмы о Сидѣ.—Избранные романсы о Сидѣ.— [illegible] статьи. Петроградъ. 1897. Ц. 50 к.

[illegible]исъ Камоэнсъ. Лузіады. Поэма въ десяти пѣсняхъ. Текстъ поэмы.— [illegible]ьи. Петроградъ. 1897. Ц. 50 к.

Вып. VII. **Данте Алигіери.** (1265—1321). Божественная комедія. Въ переводахъ русскихъ писателей. Полный текстъ XXXIV пѣсенъ. статьи. Изд. 2-е. Петроградъ. 1913. Ц. 55 к.

Вып. VIII. **Данте Алигіери.** (1265—1321). Божественная комедія. Чистилище. Въ переводахъ русскихъ писателей. Полный текстъ XXXIII пѣсенъ. Примѣчанія. Петроградъ. 1897. Ц. 50 к.

Вып. IX. **Данте Алигіери.** (1265—1321). Божественная комедія. Часть III. Рай. Въ переводахъ русскихъ писателей. Полный текстъ XXXIII пѣсенъ. — Примѣчанія. Петроградъ. 1897. Ц. 55 к.

Вып. X. **Людовико Аріосто.** (1474—1533). Неистовый Роландъ. Поэма въ сорока шести пѣсняхъ въ переводахъ русскихъ писателей. Содержаніе поэмы Боярдо „Влюбленный Роландъ". — Текстъ 17-ти пѣсенъ Аріосто и изложеніе содержанія остальныхъ, съ приведеніемъ лучшихъ отрывковъ.—Объяснительныя статьи. Петроградъ. 1898. Ц. 75 к.

Вып. XI. **Франческо Петрарка.** (1304—1374). Избранныя сонеты и канцоны въ переводахъ русскихъ писателей. I—XXV сонетовъ. — I—III канцоны.—Объяснительныя статьи. Петроградъ. 1898. Ц. 25 к.

Вып. XII. **П. Бомарше.** Избранныя сочин. Пер. Чудинова. Петроградъ. 1898. Ц. 55 к.

Вып. XIII. **Торквато Тассо.** (1544—1595) Освобожденный Іерусалимъ. Поэма въ двадцати пѣсняхъ въ переводахъ русскихъ писателей. Переводъ I — IV, XII, XIII, XV, XVI и XX строфъ и изложеніе содержанія остальныхъ, съ приведеніемъ лучшихъ мѣстъ.— Объяснительныя статьи. Петроградъ. 1899. Ц. 40 к.

Вып. XIV. **А. Шамиссо де-Бонкуръ.** (1781—1838). Избранныя произведенія въ переводахъ русскихъ писателей. Чудесная исторія Петра Шлемиля.—Избранныя стихотворенія. Петроградъ. 1899. Ц. 35 к.

Вып. XV. **Г. Х. Андерсенъ.** (1805—1875). Избранныя сочиненія въ переводахъ русскихъ писателей. Часть I-я. Сказка моей жизни.—Книга картинъ безъ картинъ.— Избранныя стихотворенія. Петроградъ. 1899. Ц. 75 к.

Вып. XVI. **Г. Х. Андерсенъ.** (1805 — 1875). Импровизаторъ или молодость и мечты итальянскаго поэта. Романъ. Петроградъ. 1899. Ц. 75 к.

Вып. XVII. **Джьованни Бокаччьо.** (1313 — 1375). Декамеронъ. Собраніе избранныхъ новеллъ въ переводахъ русскихъ писателей. Вступленіе. Текстъ XX новеллъ. — Объяснительныя статьи. Петроградъ. 1899. Ц. 40 к.

Вып. XVIII. **Д. Дидро.** (1712—1784). Избранныя сочиненія въ переводахъ русскихъ писателей. Племянникъ Рамо.—Біографическій очеркъ. Петроградъ. 1900. Ц. 40 к.

Вып. XIX. **В. Гёте.** (1749 — 1832). Фаустъ. Драматическая поэма въ 2-хъ частяхъ. Переводъ М. В. Вронченко. Текстъ I-й части.—Изложеніе II-й части. — Объяснительныя статьи. Петроградъ. 1900. Ц. 55 к.

Вып. XX. **А. Де-Мюссе.** (1810—1857). Избранныя сочиненія, переводъ Чешихина и другихъ. Лирика, поэмы: Ива, Порція.—Комедіи: Луизонъ, Дѣвичьи грезы, Капризъ.— Объяснительныя статьи. Петроградъ. 1901. Ц. 50 к.

Вып. XXI. **Дж. Г. Байронъ.** (1788—1824). Избранныя сочиненія въ переводахъ русскихъ поэтовъ. Лирическія стихотворенія.—Поэмы Шильонскій узникъ. — Абидосская Невѣста.— Отрывки изъ Чайльдъ-Гарольда и Донъ-Жуана.—Объяснит. статьи. Петроградъ. 1901. Ц. 50 к.

Вып. XXII. **В. Шекспиръ.** (1554 — 1616). Макбетъ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Переводъ М. В. Вронченко. Текстъ трагедіи.—Объяснит. статьи. Петроградъ. 1902. Ц. 40 к.

Вып. XXIII. **І. Уландъ.** (1787—1862). Избранныя стихотворенія въ переводахъ русскихъ поэтовъ. Пѣсни.—Баллады и романсы.—Объяснит. статьи. Петроградъ. 1902. Ц. 30 к.

Вып. XXIV. **Калевала.** Финская народная эпопея. Переводъ Л. П. Бѣльскаго, Императорской Академіей Наукъ удостоенный Пушкинской преміи. Руны: 1 — 3, 10, 21, 23, 41 и 42.—Объяснительныя статьи. Петроградъ. 1902. Ц. 50 к.

Вып. XXV. **Древне-сѣверныя саги и пѣсни скальдовъ** въ переводахъ русскихъ писателей. I—IV саги.—Пѣсни скальдовъ.—Скандинавскія народныя пѣсни.—Объяснительныя статьи. Петроградъ. 1903. Ц. 60 к.

Вып. XXVI. **Ж. Расинъ.** (1639 — 1699). Избранныя сочиненія въ переводахъ русскихъ писателей. Федра.—Гофолія.—Объяснительныя статьи. Петроградъ. 1903. Ц. 40 к.

Вып. XXVII. **Избранныя юнацкія пѣсни сербскаго народа** въ переводахъ русскихъ писателей. Пѣсни о Косовской битвѣ.—Пѣсни о Маркѣ королевичѣ.—Эпическія пѣсни разнаго содержанія.—Лирическія пѣсни.—Объяснительныя статьи. Петроградъ. 19[illegible]

2015170263